

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
СМОЛЕНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

С ЮБИЛЕЕМ, «ПОД ЧАСАМИ»!

ГОСТИ НОМЕРА

НАШЕ ВРЕМЯ

ПОЭЗИЯ СМОЛЯН

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ

ДЕБЮТ

**НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ
СМОЛЕНЩИНЫ**

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ОЧЕРКИ,
ЭССЕ О ПОЭТАХ, МЕМУАРЫ**

ПАМЯТЬ

ПАССАЖ

НАШИ АВТОРЫ

ПОД ЧАСАМИ

№ 15 · КН. 1 · 2016

ББК 84Р7
УДК Р2
П 44

Составитель – Владимир Макаренков

Тексты печатаются в авторской редакции

П 44 **Под часами: альманах. Кн. 1** / Смоленское отделение Союза российских писателей. – Смоленск: Свиток, 2016. – 394 с.

ISBN 978-5-9907404-4-0

ББК 84Р7

ISBN 978-5-9907404-4-0 © Смоленское отделение Союза российских писателей, 2016
© Оформление. «Свиток», 2016
© Рисунки на обложке. В. Самарина, 2016

**С ЮБИЛЕЕМ,
«ПОД ЧАСАМИ»!**

10 От составителя альманаха. Баллада о постовом Курицыне.

14 Поздравления. А.В. Островский, А.Э. Лейфер, О.Б. Глушкин, В.В. Сдобняков, Б.И. Лукин, П.И. Привалов, Б.А. Скотневский, С.М. Овчинников, В.В. Буланичев, С.В. Сутулов-Катеринич, О.И. Дорогань, Н.Н. Егорова, Л.А. Кузьмин, В.Э. Удальцов, Областная универсальная библиотека им. А.Т. Твардовского, О.И. Григорьева, Т.М. Гапеева, Л.С. Сердечная

ГОСТИ НОМЕРА

26 Андрей ШАЦКОВ. Остаётся – Родина (эссе). Чёрный снег (стихотворение)

29 Владимир ФИРСОВ. Стихи, опубликованные в альманахе «День поэзии». «День поэзии. 1956»: Сварщик, «День поэзии. 1965»: «Я продолжаю вечное свиданье...», Полдень, «Ожидает меня переправа...», «Птицы жмутся к жилью человека...», «День поэзии. 2011»: Поэт, Земля... Земля...

37 Анатолий ПАРПАРА. «Чтоб звук явился словом во плоти»: Баллада о суровой нежности, Память войны, День Победы в деревне, Рябина Победы, Баллада о гуде, Ночь ветерана, «Над головой моей звенит великий космос...», «Пусть быт забудет начальные слова...», «Ко мне приходит по утрам старик...», Твоё лицо

44 Николай ПЕРЕЯСЛОВ. «Над страной ледяные дожди...»: Лиса, К поэзии, Воспоминание о Венеции, Ледяной дождь, Миазмы марта, Гвоздь Вознесенского, От белого снега на сердце – бело, Глядя на облака..., «Я погружаюсь глубже в годы...», В волнах, У зимы – церковные одежды, А на Руси...

56 Владимир СИЛКИН. Кланяюсь в пояс дороге: Хулителям России, На блокпосту, Путь, Воспоминание о Львове, Такие дни, Шальная пуля, Ротация, Солдатский рэп, «– Понаехали! – палкой грозит, –...», Речка Лапоток, Снежные слепни, Кланяюсь в пояс дороге, «Старик в саду высаживает сливы...», Ямской луг, Сизый голубь, Сердечная трава, Яблоко раздора, «Скрипит земля, в ночи вращаясь...», Свет

67 Борис СКОТНЕВСКИЙ. Посмотри на меня навсегда (лирическая поэма).

НАШЕ ВРЕМЯ

- 73 Валерий ДУДАРЕВ. Мне иные чудились пути...:** «Много в нашей Покровке...», «Росказней геройских между прочим...», «Гунны, Руза, Из цикла «Русские бабушки», Женщина, Провинция, Ворон, Акробатический этюд, Чайная, «Мы, поэты последнего ряда...»
- 85 Александр СУВОРОВ. Полумонахиня-полублудница:** «Полумонахиня-полублудница...», «Утро на Воробьевых горах...», «Наших встреч ворованные ласки...», «Вижу флаги черные на ветру...», «Небо жгут глаза сирот...», «Среди ночи гоняю гордую нирвану...», «Пеший иль конный, посторонись!..», «Поэт должен быть гоним...», «Пусть Новый век стоит пред нами...», «То ли дождь, то ли снег...», «Дева убаюкивает зверя...», «Наши дни отцвели вдали...», «Ночь – лихая всадница безумья...», «В тенетах утренней нирваны...», «Грибною тишиной укутан вещей бор...», Цветы, Визжали скрипки полонеза...», «Есть в грозной бархатной тиши...», «Власть зла над русскою землей...», «Посмешище для всей земли...», «Ехал Грека через реку...», Детские разговоры, «Если нет духовника...», «Чувства боли и трагизма...», «Золотистая кожа...», «Мне не надо ни жаркого меда...», «Всё человеку поделом...», «Коль так созвучен небу птичий гомон...», «Мужичок-с-ноготок зацепился за гвоздь...», «Не бывает горше горя...», «Вот погодка – занять да выпить...», «Дольше века не длится день...», «Летит, как рой сухой листвы...», «Как светел мир на грани сна...», «Любовную лодку качает волна...», «Райская погода, вольница весны...», «Люди бьются, как рыба о лед...»
- 104 Елена ИСАЕВА. Мир мрачнеет, если он фиолетов...:** Сухой мост, «Все подробности стертые...», «Кончилось время деда Хасана...», «А возраст мой такой опасный...», «Стану бледною льдинкою...», «Они сливаются в одно...», «Чтобы душу больше не калечить...», Антикризисное, «Мало читаешь, не расширяешь словарный...», «Я не знаю, как устроен рай...», «За взлет заплатится паденьем...», «Направо пойдешь...», «Как по покойнику отвой...», «Мы даже не знакомы, вроде...»
- 110 Борис ЛУКИН. Есть в сердце странный камень огнен...:** Русские, «Я помню в детстве “мама ждёт”», Медвежья река, Сахалинский залив, «Река, конечно, скоро стронется...», Только весна, Жизнь, «Женщина моя отошла ко Господу...», Сонет 39, зеркальный, «Две тыщи лет так безнадежно...», «Что за умница, любимая моя...», Нам про то говорил Лука, Выбранные места, Тоска, «Когда я думаю о долге...», «Всё, чему учился в жизни я...», «Снег пошёл. Да это небо...», Другая сказка, Прохожий

- 122 Вячеслав АР-СЕРГИ. А я останусь с родником:** Вsenoшная, Ветер..., Гобустан, Родник, Затитова слобода, Отец, На стекле, «И грустно триединство...», Рябинушка моя, Март, Гадалкины приметы, По судьбе, Зимнее..., Лунный бал, Другу, Октябрь, Летяга, Ветер покаянный..., Моя мечта, Зимний дождь
- 135 Алексей ВИТАКОВ. Сумрак созвучий:** «А помню, деревня была без названья...», «Был ливень впрямь. Был ливень вкось. Был ливень сквозь...», «Глухая ночь. Смешливая река...», «Звякнет луна медяком по окошку...», Зависть, «Налетела однажды гроза на рассвете...», «Речушка там коленками дрожит...», «Спи, отец. Легка седая глина...», «Я — “Тридцатьчетверка”! Со мною — на “Вы”...», «Семьдесят с лихом эстонцу. Словам...», «Яшка скользкий, как обмылок...», По Старой Смоленской дороге, «Руки никто не подаст, коли падаешь в грязь...», «Спустился вечер. Тень на огороде...», «Словно голосом ступая над огнем...», «Не бывает истории у счастливых...»
- 147 Олег ВОРОПАЕВ. Полынный ветер стонет надо мною:** Карелия, Мурманск, Погожий день, «Давным-давно, Когда меня в походе...», Детский портрет, «Меж выгоревших сопок...», Русская тема, «В мачтовых соснах...», «Звучанье вокзала. Огни электрички...», Баллада о звере, «Из сырости тумана над рекой...», «Маленькая баллада...», «Нам не осталось даже немного...», «Лесная охота. И я камышовый бог...», «Всю голубую огромность...»
- 154 Владимир СОРОЧКИН. Бывают дни:** Какой портной..., Потайное небо..., Зной, Сирень, На облачке, Черемуха цветёт, Пусть холодная тень..., Ты приходишь дождём..., Осени признаки явные..., Кроны сосен, Новогоднее, Верхний судок, Бывают дни..., Казалось, вся жизнь впереди..., Посмотришь вспять..., Два витязя, Ангел, Завтра, Отыскать..., Июльская гроза
- 164 Виктор КУДРЯВЦЕВ. Сирень, распятая на плахе...:** «Снова ночь. Ни конца ни краю...», «Опять Победа. Но без мамы...», «Всё об одном... Всё об одном...», «Синицы пропали. И люди пропали...», «Дождь декабрьский барабанит по крыше...», «Без меня вам трудно будет, детки...», «Ведь это ты, скажи мне, мама...», «Бьется или не бьется?..», «Мне вчера не впервой показалось...», «Ты же знал, что никто тебя не спасет...», «Снова в мертвом доме не сидится...», «Стали с годами циничнее, суше...», «А вечно только зло...», Осколки серебряного века, «Отравлен “Распадом атома”», «Сирень, распятая на

плахе...», «По твоей улыбке можно было сверять часы...», «Даже после этого можно жить...», «С тобою буду до конца...», «Вздремнуть на часок хотя бы...», «Четвертый раз проходит...», «Время думать о ночлеге...»

175 Владимир МАКАРЕНКОВ. Мотивы Ельчанинова (цикл стихотворений): На 80-летие, Сон, Ностальгия, Ужин с ангелом, Земляки, Поэт, Большая Советская, Голубое крыльцо, Садовые ромашки, Людмила, В ожидании гуманоидов, Осенний день, P.S.: Цветы

182 Вячеслав ИВАНОВ. Я режу вены: «Я встретил ее после долгой разлуки...», «Когда и солнца луч тебя не греет...», «Не злодей и не садист...», «Как будто жил. Ходил как будто...», «Как много времени потеряно...», «– Как столица?..», «Снился сон: я режу вены...», «Хороших людей можно встретить не часто...», «Мы с ней не говорили о вещах...», «Далеко за городом и речушкой над...», «– Где ты был? Небось у Коли?..»

192 Зеан КАГАН. Последний разговор (Из Тадеуша Ружевича): Поэтус пенсионерус, Элегия, Последний разговор, Я видел Его, Корабль-призрак, Если бы знать (эссе)

199 Леонид КУЗЬМИН. Стихи недавних лет: «Я слышу, как жизнь...», «Лицо бесслѣзно у моей жены...», Хайку, Предчувствие, «Желтыми утками на воде...», «Над прочитанной ветром травой...», «Примеряю на себя...», «В полупустом автобусе, под осень...», «Я многими давно уже забыт...», «Перестал тебя видеть – пить перестал...», Время, «Шелестит мой пѣсик листвою опалой...», «Безадресный свет фонарей...», «Когда-то мы учились в школе...», «Под светом тусклых фонарей...», Окна, Взгляды, Воспоминание, Город, Ангелы, «В Петропавловском храме...», «У каждого родина есть...», Буквы и почерки, Кошка

209 Олег ДОРОГАНЬ. Я обезболиваю душу...: «А ещё я помню колыбельную...», «Вот, говорят, поэзия...», «Я мечтал о тебе...», Время звѣзд, «Временам присущи повторенья...», «Я не венчался с земною невестой...», «Нет, перед болью я не струшу...», «Время идёт, прирастая погостами...», «Ещё я не ушёл...»

218 Сергей ПОДОЛЬСКИЙ. Свет в негаснущем окне: «С неба градом падают фугаски...», Неизвестному матросу, Неоконченный полѣт, Осенний дождь, Маменька, Секрет мироздания, Дорога в Микулино, Боль Катюни

- 223 Татьяна БАКЛАНОВА. Многие изменилось...:** Смоленск в оккупации, Многие изменилось, В преддверии перемен, Осенний листок, Февральский день, «Стрелки кружат циферблат...», «Наша небыль давно в прошлом...», «Как назидание иль милость...», «Я не жду от судьбы чудес...», «Ну вот и стихла суета сует...»
- 230 Александр МАКАРЕНКОВ. За десятым замком:** «В России мутная пора...», Таллинн, Рождество в Грузии, Ожидание, Кольская осень, Фотографирую Ниагару, Вербное, «Сколько лет я здесь не живу...», «Москва не балует меня...»,
- 241 Александр ШАМОНИН. Но липы счастье нашептать клянутся:** «Холодный ветер дул без передышки...», «Очевидно, есть повод расстаться без слёз...», «День начнется с кукушки будильника...», «Быть может, ночью стихнет ураган...», «Духота обещает быть долгой. Сама...», Осенний день, «Оглянись на моё настоящее...», «Спокойной ночи, улица. Листва...», В рождественскую ночь, «Тонкий месяц воскрес. Генератор предчувствий...», «Сбереги горстку пепла от вспыльчивых букв...»
- 247 Александр КОКШАРОВ. Здесь нерв волны еще звучит:** «Пью водку, как воду...», «Фиолетовый дом...», «О, эти виноватые глаза!..», «Есть в каждой жизни странная мечта...», «Ты – вереск цветущий...», «У друзей есть право предавать?..», «Еще шумят деревья на Земле...», «Стены, крыши, трубы, чердаки...», «Осень выходит на свет...», «Ветер, ветер!..», «Поёт залётный!..», «Гремит трамвай...», «Движение... Движение по кругу...», Блюз, «Лунный жук...», Смоленская песенка, «У самого моря...», «Как воздух свеж...», О современных заграждениях, «Книги, как собаки...», Зарисовка с юга, «В муаровой дымке топаза...», «Ты зачем обращаешься к небу...», «Тихо трону я струну гитары...», «Настройся на мою волну...»
- 259 Вероника КАРАТ. Бог со мною и ангел-хранитель!..:** Стихи о стихах, Детские мысли, Пленница закатной тишины, «Меня не любят – это больно...», «В сумерках вечера майского...», «Утону в августовских ночах...», Про моего кота, Жаль..., «Бывает взгляд, бывает слово...», Горе, Художник, Сердце, Душа, Об одиночестве, «По фактам моего рождения...», «Февральский день последний луч роняет...», Август, Кошачья жизнь, О себе, Задумалась, Карьера ведьмы, Особый круг, Комната, «Любой услышит...», «Никто не поднесет любви на блюде?..», «Если жизнь вам показалась пыткой...», «Если желанья твои не сбываются...»

МОЛОДЫЕ
ПОЭТЫ

273 Александр АГЕЕВ. Под тучами моя звезда...: «Раиса! Стихи твои – с нами...», «Уходят друзья. Мне бездомней...», «Бывали тощие года...», «Часто я просыпался от грома...», Стансы

276 Алексей ПРАНОВ. Сентиментальная струна: Храм, Вдвоём, Дилемма, Про себя, Напутствие, «Реченье «истина в вине»...», Памяти бабушки, «Нередко нас ранит гораздо лютей...», «Летели птицы долгим клином...», Есть такие руки, «Как стремительно жизнь коротка...», Одиночество

283 Александр БОРОХОВ. Афорифмы: Круговой обзор, Какой есть, Каждому своё, Восторг и боль, Прозаизмы

292 Роман УСАЧЕВ. Я привыкаю ко всему: «Я у Бога прошу...», «Всё проходит обыкновенно...», «Господи...», «Помню...», «Это ли сумасшествие или просто настал сентябрь?..», «Земля разделена на сотни стран...», «Стихами всего не выплеснуть...», «Я разлюбил...», «Я привыкаю ко всему...», «Лежит...»

300 Ольга КАМИНСКАЯ. Ключ: «Я тебя уже не жду...», «Спаси меня от этой суеты...», Поговори со мной, «Вся эта внутренняя дрожь...», «Летела бабочка на огонь...», «Мы всё время чего-то ждём...», «Смешенье лиц, смешенье голосов...», «Наше чистое небо расцвечено, но не зарей...», «Ко всем чертям, «Закройся, запри все двери и не пускай меня в дом...», «Мой язык, он не нов и не стар...», «Ты мною болел...», «Там, в прошлом, открытые двери гостиной...», Школьное, Туман, Поколение, «За окошком ночь черносизая...», «Разъезжаемся...», «Будь за спиною два крыла...», Ключ

309 Вероника ПЕРЗАШКЕВИЧ. Чтобы услышать Баха: Сотворение мира, Пианино у моста, «Распиши потемневшую амфору...», «Старая дева тридцати пяти лет...», «Акварельная бумага ноябрьского неба...», «Потерять сероглазые облака...», Ева, Сирень, «У меня однажды родится дочка...»

ДЕБЮТ

314 Евгения АЛЕРБОН. В каменных джунглях: «Без тебя моя жизнь – это зал ожиданий...», «Мы открываем миллионы дверей...», «Высотки, развязки, дороги и стройка...», «В толпе безликой, как в пучине моря...», «По серым дворам ветер мусор гоняет уныло...», «Играла скрипка, плакала душа...», «Мне снилось сегодня закатное небо...», «В каменных джунглях безликой наружности...»

**НЕИЗВЕСТНЫЕ
ПОЭТЫ
СМОЛЕНЩИНЫ**

320 Владимир БЕЙЛЬКИН (1942–1973). Три миллиарда здравствующих душ: «Я смерти не боюсь...», «Ах, в какой это день...», Павлов, «В этом мире, где солнце...», «Ведь надо ж этому случиться...», Закат, Поэзия, Поэты, «Когда поэту долго не поётся...», «Когда великого поэта...», К вопросу о смерти, «По парку цыганки гуляют...», «Как две женщины любят меня...», «Когда уйду в природу без остатка...», «Когда разлука обернётся прошлым...». **Я Фета читаю...:** Телёнок, «На заречном лугу, как и встарь...», Полярные будни, «Когда железка и магнит...», «Страницы листаю дрожащей рукою...», «Не привыкну к тому, что живу...»

**ЛИТЕРАТУРО-
ВЕДЕНИЕ, ОЧЕРКИ,
ЭССЕ О ПОЭТАХ,
МЕМУАРЫ**

330 Ирина РЫЛЕНКОВА. О критике (собратьев по перу и читателей). **Из записных книжек и тетрадей Е.А. Рыленковой.** Горькие мысли

346 Валентин ОСИПОВ. Из воспоминаний о Михаиле Исаковском

350 Александр МЕЛЬНИК. Песня любви и подвига (Из цикла «Отчизны пламенный певец»)

357 Ама МАРЧЕНКО. Сальто- мортале под куполом цирка

363 Геннадий ПЕТРОВ. Таборная гора (заметки о поэме)

367 Школы имени А.Т. ТВАРДОВСКОГО. В гости к тёткам (Александр ФИЛИППОВ, ученик школы)

ПАМЯТЬ

370 Сергею КАПИТАНОВУ: Геннадий ПАСТУХОВ: «Серёжа, здравствуй! Я пришёл к тебе..». **Юрий ПАШКОВ: Слово о поэте. Раисе ИПАТОВОЙ**

ПАССАЖ

372 Зеан КАГАН. Сестра таланта потеряла брата...

375 Леонид КУЗЬМИН. «Мысль я вычесал с затылка...»

376 Юрий СОЛОПОНОВ. Микс к юбилею Гагарина

378 Сергей ЖБАНКОВ. Селиконовая даль: Большой шлем, Ночной поцелуй, Встреча, Паломник, На страже, Конечно, да, Зацелованная

НАШИ АВТОРЫ

384

БАЛЛАДА О ПОСТОВОМ КУРИЦЫНЕ

*Андрею Момсякову,
рассказавшему эту историю*

На углу перекрёстка, где улицы
Разбегались почти за версту,
«Под часами» улыбчивый Курицын
В сорок третьем возник на посту.

Не обычный сотрудник милиции,
А сержант, закалённый огнём.
Ведь военной была амуниция,
И шинель, и фуражка на нём.

Уходили на Запад товарищи,
Доверяя милиции тыл.
Остывали в руинах пожарищи.
Полыхали сердца у могил.

В город жители шли – деревенские,
Возрождали по камешкам жизнь.
Поднимались кварталы смоленские.
И хлеба на заводах пеклись.

Для свиданий во время свободное –
Отдых короток был и не част –
Намечали все место народное:
«Под часами» в назначенный час.

Но случалось – срывалось свидание.
Угадай-ка, чья вышла вина.
И обманывало расставание,
И грозило любви, как война.

Что тут делать, хоть Богу пожалуйся...
Глядь, стоит постовой на ветру.
И писалась записка: «Пожалуйста,
Передайте, коль спросит, Петру...»

«Не положено, барышня!» – Курицын
Возражал, а бумажечку брал,
Улыбался – мол, нечего хмуриться,
На работе, наверно, аврал.

У войны тайны горестно-мрачные.
А у мира есть счастья секрет:
Нагулявшись, несли новобрачные
«Под часы» постовому букет.

Обстоятельства виделись странными,
Хоть в волшебную силу поверь!
Обросла пришитыми карманами
Милицейская чудо-шинель.

Проходя «Под часами», хоть мысленно
Повстречайся и ты с постовым.
Многих спас от разлуки пожизненной
Делом, в общем-то, очень простым.

Мир основан на людях отзывчивых,
Подпоясанных строго ремнём,
В нужный час – непременно улыбчивых,
Закалённых жестоким огнём.

И об этом, как важном предании
Для потомков – не только для нас –
Вспоминай, подоспев на свидание
«Под часами» в назначенный час.

Примечание. Фотографии для публикации предоставлены из государственных фондов Смоленским музеем-заповедником

Первый номер нашего альманаха вышел в 2002 г. Открылся он программным обращением членов редколлегии к Читателю. Наверное, есть смысл повторить его через 15 лет, чтобы сверить, совпадают ли «стрелки часов альманаха» с выбранным тогда «циферблатом».

«В каждом городе есть свои достопримечательные, или, как нынче выражаются, знаковые, места. Их топография не требует особых объяснений, у всякого – своя неповторимая аура. Летний сад, Тверской бульвар, Чистые пруды... Вот мы и решили назначить встречу с Вами, Читатель, в приметном уголке Смоленска – **под часами**.

Времена, известно, не выбирают. Скорее время выбирает нас, постоянно напоминая о себе – и отнюдь не только движением часовых стрелок. Что такое наши тексты, как не попытка сверить его с Вами, Читатель.

Этот альманах замыслен как издание Смоленского отделения Союза российских писателей. Что вовсе не означает какой-то корпоративной замкнутости. Наши приоритеты – гуманизм авторской позиции и, конечно, владение языком, на котором автор – поэт, прозаик, драматург, эссеист – обращается к миру. О прочем судить Вам, Читатель, и только Вам.

«Каждый пишет, как он дышит». Мы обещаем Вам искренность. Очень надеемся: все флаги в гости будут к нам, кроме разве что пиратских бригадов и галер.

Читайте. Судите. Спорьте.

Редколлегия» (Альманах «Под часами» №1, 2002 г.)».

Уместно вспомнить, что первый номер альманаха собирался и редактировался коллегиально редколлекцией в составе: Сергея Жбанкова, Зеана Кагана, Геннадия Пастухова, Иосифа Хатилина и нынешнего его составителя. Первыми авторами альманаха стали смоленские писатели и поэты; в разделе «Проза»: Е. Багданов, О. Бушко, О. Ермаков, С. Жбанков, В. Звездаева, В. Иванова, А. Макаренко, В. Сальковский; в разделе «Поэзия»: Т. Бакланова, Р. Ипатова, С. Капитанов, В. Кудрявцев, Л. Кузьмин, А. Лучин, В. Макаренко, С. Машков, П. Мельников, Н. Сухарев, И. Хатилин; в разделе

«Дебют» – А. Короткин. Также в альманахе были разделы «Братина» (антология одного стихотворения) и «Пассаж» (юмор, сатира); раздел «Рецензии» был представлен рецензией В. Макаренкова на книгу С. Машкова «Гимн жизни». И всё это тогда уместилось на 112 страницах. В 2003 г. в редколлегию вошли Вера Иванова и Раиса Ипатова вместо Сергея Жбанкова и Геннадия Пастухова. У альманаха появился главный редактор, Иосиф Хатилин, и заместитель главного редактора – Владимир Макаренков. Объём альманаха вырос до 148 стр. С 2004 г. альманах стал издаваться за счёт субсидии департамента по культуре Смоленской области, получил льняную обложку и увеличился в объёме до 260 стр.. Было принято решение об издании при альманахе библиотечки «Под часами», которая во многом способствовала решению проблемы «неиздания книг» членов писательской организации. С 2008 г. альманах вернулся к первоначально задуманным демократическим истокам его составления: в редколлегии исчез главный редактор и его заместитель. В 2009 г. издание составляли уже только два поэта: В. Макаренков и В. Лавров. Альманахи 2010 и 2011 г.г. помогала составлять С. Романенко. С 2012 г. у альманаха остался один составитель. С 2010 г. «Под часами» стал выходить в двух томах: поэзии и прозы. Печатным изданием альманаха занимались смоленские издательства: «Маджента», «Смоленская городская типография», издательский отдел Смоленской областной универсальной библиотеки им. А.Т. Твардовского, «Свиток». Благодаря директору издательства «Свиток» И.А. Флиманковой альманах получил в последние годы постоянную прописку в сети Интернет – на национальном цифровом ресурсе Руконт – межотраслевой электронной библиотеке (ЭБС) на базе технологии Контекстум (адрес: <http://rucont.ru/efd/342006>, <http://rucont.ru/efd/342061>) и в коллекции издательства СВИТОК: <http://rucont.ru/collections/210>).

За годы издания на страницах альманаха опубликованы произведения практически всех ведущих писателей Смоленщины, многих известных писателей из других регионов России, Москвы и Санкт-Петербурга, ближнего и дальнего зарубежья. Причём в альманахе никогда не проводилась межа принадлежности его авторов к тому или иному Союзу писателей и направлению в литературе. Перспективным оказался проект «Дружба городов», заключающийся в обмене подборок произведений с альманахами, издаваемыми в других регионах России. Альманах «Под часами» обменивался публикациями с альманахами «Междуречье» (Курск), «Башня» (Оренбург), «Тула» (Тула), «Складчина» (Омск), «Город» (Тольятти), «Эхо» (Калининград), наладились дружеские связи с журналами «Бийский вестник» (Бийск), «Вертикаль. XXI век» (Нижний Новгород), «Сорок пятая параллель» (Ставрополь), «На любителя» (шт. Атланта, США) и мн. другими периодическими изданиями России. Значимым для истории современной литературы, на мой взгляд, явилось открытие раздела «Наше время», в котором печатаются произведения авторов антологии современной художественной литературы России «Наше время», родившихся в 60-е годы 20 века и входивших в русскую литературу в смутные и тяжёлые для России 90-е годы прошлого века (составитель антологии – поэт, критик, литературовед Б.И. Лукин).

Как председатель Смоленского регионального отделения Союза российских писателей и составитель альманаха, несмотря на многие явные и негативные противоречия в современном художественном процессе в литературной жизни Смоленщины и России, разные мнения писателей о том, каким должно быть периодическое региональное литературное издание, я всё же верю, что альманах «Под часами» идёт правильно выбранным первоначально курсом, вносит свою весомую лепту в культурную и духовную жизнь родной смоленской земли и, не побоюсь обобщения, свой определённый вклад в дело развития современной литературы России.

До новых встреч на страницах альманаха «Под часами», уважаемый Читатель!

Владимир Макаренков

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Дорогие читатели!

Вы держите в руках 15-й, юбилейный, номер альманаха «Под часами», в котором опубликованы произведения смоленских писателей, а также известных в России поэтов и прозаиков.

Альманах создан при финансовой поддержке Администрации Смоленской области. Данный проект является важной составляющей социальной жизни региона, поскольку без развития культуры и, в частности, литературы нельзя говорить о гармоничном развитии общества.

Смоленщина во все времена славилась талантливыми мастерами высокохудожественного слова. И сегодня добрые традиции смоленской поэтической школы успешно продолжают в творчестве наших земляков, посвятивших свои творения служению Родине, своему народу, православной вере. 15 лет – сравнительно небольшой срок для издания такого уровня, но и за столь короткое время он снискал популярность в читательской среде благодаря объективности и компетентности авторов, профессионализму и глубине подхода к изложению материала. Его успех – это прежде всего результат работы всего творческого коллектива, пропагандирующего творчество известных русских писателей и поэтов.

Альманах широко известен не только на Смоленщине, но и в других регионах и даже за рубежом. Его ежегодное издание способствует появлению на Смоленщине новых литературных имен, которые, вне всякого сомнения, так же будут развивать лучшие традиции великих смоленских писателей. «Под часами» демонстрирует высокий уровень современной литературы Смоленщины и культуры края в целом, способствует нравственному и патриотическому становлению и развитию молодежи, оказывает влияние на духовное воспитание жителей региона.

От имени всех смолян сердечно поздравляю коллектив альманаха «Под часами» с 15-летним юбилеем!

Желаю авторам новых творческих идей, интересных, запоминающихся материалов, неиссякаемого энтузиазма и думающего читателя!

Губернатор Смоленской области А. В. Островский

Дорогие смоленские коллеги!

Дорогой Владимир!

Привет вам всем из Сибири!

Без всякого дружеского преувеличения хочу сказать, что «Под часами» – одно из лучших провинциальных литературных изданий. А уж как непросто вести такое издание, как легко, поддавшись сиюминутной нужде или «товарищескому» отношению к авторам, постепенно съехать с этого «пьедестала», хорошо могу себе представить.

Мы, Омское отделение Союза российских писателей, выпускаем свой печатный орган – альманах «Складчина» – немного дольше, чем вы свои «Часы» – с 1995 года. На этой неделе состоится презентация 41-го выпуска. И, думаю, сведущие люди поверят, что, когда мы презентовали выпуск № 40, никто, ни один человек не знал, выйдет ли № 41. Как сейчас никто не знает, выйдет ли № 42. И так было все двадцать с лишним лет существования нашей «Складчины». Уверен, что примерно такой же жизнью живёте и вы, выпуская своё издание.

Хорошо это или плохо? Отвечая на этот «самовопрос», отделаюсь шуткой: чем трудней, тем интересней – так нас учили когда-то в пионерской организации.

А если серьёзно, то иной жизни себе как редактору «Складчины» я и не пожелаю. «Делай, что должен, и будь, что будет!» – так озаглавили мы вступление к какому-то из предыдущих юбилейных выпусков своего альманаха. Думается, что примерно такой настрой и у вас, коллеги.

Как здорово, что «Под часами» и «Складчина» дружат! Рад, что в Смоленске знают моих талантливых товарищей – омских писателей Галину Кудрявскую, Веронику Шелленберг, Ольгу Григорьеву, Алексея Декельбаума, Георгия Петровича, Наталью Елизарову, Дмитрия Румянцева, Алису Поникаровскую, Виктора Вайнермана и других. Горжусь тем, что на страницах вашего альманаха перед взыскательным смоленским читателем иногда появляется и моя скромная документальная проза.

И вас ждём на страницах нашей «Складчины».

Желаю вашему славному изданию долгих лет жизни, читательской любви и понимания! У нас в Омске сейчас, в конце мая, самое красивое время: всё цветёт – сирень, рябина, черёмуха, калина, яблони... И настроение, несмотря на всякие «текущие» неприятности, хорошее, рабочее. Такого же и вам!

Александр ЛЕЙФЕР,
сопредседатель Союза российских писателей,
председатель Омского отделения СРП,
редактор альманаха «Складчина».

Омск,
Май – 2016

Уважаемые создатели альманаха «Под часами»!

Примите самые искренние и добрые поздравления с юбилеем! Продержаться стабильно в течение пятнадцати лет в наше время можно только в случае, если есть дружная команда авторов, энергичный и деятельный составитель Владимир Макаренков и постоянные читатели. Всем этим альманах в достаточной мере обладает. Два солидных тома ежегодно раскрывают литературную жизнь славного Смоленского края. Выбранные «по гамбургскому счёту» проза и поэзия смолян и гостей из других регионов никого не оставляют равнодушными. Литературоведение, краеведение, литературная критика раскрывают перед читателями душевную широту и богатую историю края. Во все пе-

риоды нашей истории, начиная с пушкинского «Современника», литературная жизнь не мыслится без периодических изданий, позволяющих оперативно представить читателям новые тексты, открыть новых авторов. Сегодня, пожалуй, нет такого региона, в котором не издавался бы литературный журнал или альманах. У нас, в Калининградской области, тоже есть свой альманах «Эхо», он, как и ваш альманах, создается силами писателей, входящих в Союз российских писателей. Дружба наших альманахов и наших писательских организаций имеет давнюю и крепкую основу. Нас соединяет, в первую очередь, великий народный поэт Александр Трифонович Твардовский. Славный сын Смоленского края встретил последний год войны в Восточной Пруссии и здесь завершил свою знаменитую поэму «Василий Тёркин». Мы ежегодно отдаем дань памяти поэту, – проводим конкурсы, поэтические чтения. Смоленск для нас, отделенных от России границами других государств, ближайший форпост России. Поэтическая школа смолян для нас – основа и опора в сохранении и сбережении русского языка. Мы надеемся, что наша дружба будет подкреплена общими фестивалями, публикациями, конкурсами. Сегодня ваш альманах занял достойное место на полках наших библиотек, верим, что ряды его будут пополняться и нам предстоит отметить еще множество юбилеев. А в этот юбилей желаем вам талантливое наполнение альманаха; пусть по нему сверяют литературное время авторы и читатели, пусть множится их число, пусть расширяется география распространения альманаха, и да будет весом его вклад в торжество Слова.

**Олег Глушкин,
сопредседатель Союза российских писателей,
Калининград**

Уважаемый Владимир Викторович!

Когда-то два литературных издания, журнал «Вертикаль. XXI век» и альманах «Под часами», протянули друг другу руку дружбы. И эта дружба соединила литераторов двух городов – Нижнего Новгорода и Смоленска. А через нас, через страницы наших изданий – и многих поэтов, писателей, публицистов, литературоведов из разных уголков России.

В начале XXI века русские литераторы окончательно поняли – для того, чтобы сохранить традиции национальной литературы, культуры, образования, необходимо самоорганизовываться. Именно тогда появились многие региональные литературные издания. Это был акт самосохранения, который, во многом, выполнил свою задачу. Не все журналы и альманахи выстояли. У некоторых издательский век и вовсе оказался короток. Но все вместе мы, кто издавался год-два или, как «Вертикаль. XXI век» и «Под часами» пятнадцать лет, сделали большое дело по сохранению и укреплению культуры России. Наши свободные творческие издания тогда, в конце прошлого и начале нынешнего века, вступили в неравную борьбу с оглушением и историческим беспамятством, что навязывались населению страны. И самым стойким, думающим, равнодушным мы, бесспорно, помогли духовно укрепиться. Угнетающие душу чувства одиночества и

безысходности (вспомните конец 90-х годов) можно было побороть только ощущением рядом с собой плеча «собрата по духу и вере». Мы многим дали это ощущение.

За прошедшие годы произведения смоленских писателей появились на страницах нижегородского журнала и наоборот. Уверен, что мы и впредь будем крепить нашу дружбу. Тебя же, замечательного поэта и бескорыстного собирателя русского литературного слова, от всего сердца поздравляю с юбилеем альманаха.

***В.В. Сдобняков, секретарь Союза писателей России,
председатель Нижегородской областной
организации Союза писателей России,
главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век»***

СМОЛЕНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЧАСОВОЙ

До появления стихотворения Владимира Макаренкова «Баллада о постовом Курицыне» я никак не мог утвердить себя во мнении, что название альманаха «Под часами» – уместно. Оказалось, что оно не просто выдумка редакции, а настоящий исторически естественный талисман для смолян.

Важно, чтобы именно такие светлые, добрые, душевные образы брали мы себе для талисманов успеха.

Хотя и оговорят меня мои православные братья и сестры – мол, какой еще талисман?!

И всё-таки – да здравствует «Под часами»! Он объединяет под своей обложкой уже десяток лет талантливые произведения российской литературы. А сегодня это уже – ой как немало.

Когда всё и вся – на продажу, когда смыслом существования человека опять сделана нажива. Когда почти каторжно работающему гражданину России о душе и подумать некогда, а в Смоленске (не очень большом городе) издается альманах (при поддержке властей, а значит, на налоги смолян и жителей прочих городов и весей), который не только знакомит с творчеством современных авторов и напоминает об ушедших из жизни писателях (куда как важно!), чей труд достоин нашей памяти, но и представляет читателям наравне с именитыми коллегами и молодых творцов.

Так при чем же здесь «Под часами»? Таких продуктов типографского труда в стране десятки и сотни? Не скажите... Во главе альманаха «Под часами» стоит крупнейший сегодня смоленский поэт. Это куда как необычно сегодня.

Их было двое прежде в славном Смоленске, но Виктор Смирнов недавно умер. Да и фигура его, довольно спорная в истории смоленской литературы, останется, пожалуй, несколькими стихотворениями да незавидным фактом создания первого многочисленного в стране регионального отделения Союза писателей под громким именем СП России.

Кстати, принадлежность Владимира Макаренкова к другому СП (Союзу российских писателей) – не имеет никакого значения. Оный мало чем отличается от прочих подобных, если честно говорить.

Сегодня (а пожалуй, и всегда) главным объединяющим фактором в литературе остается печатный орган, т.е. газета, журнал, альманах...

Не будь А.Т. Твардовский во главе «Нового мира» столько трудных для страны лет, что мы читали бы и вспоминали до сих пор?

Ответ на этот риторический вопрос найдём в печальной судьбе современных толстых московских изданий, которые живут сами для себя, а точнее «под себя», как калеки в доме престарелых.

Владимиру Макаренкову удастся соединить, на деловой современный взгляд, несовместимое – увлекательное чтение, сюжетную остроту, наличие под одной обложкой авторов–антиподов, но, самое главное, прочувствованно подать – не осточертевшую официозом и набившую оскомину «урапатриотическую» тематику, а поистине художественную по-пушкински патриотическую русскую литературу.

Сегодня таких изданий в России (в зарубежном мире их уже давно нет) по пальцам одной руки счесть можно.

«Под часами» сберечь надо, лелеять и поддерживать всячески, а не обвинять в том, что редактор не замыкается в провинциальной действительности и не лелеет узкое тусовочное пространство своих, даже не ему, а кому-то угодных людишек.

Он, как тот – советской поры часовой – альманах «Под часами», готов помочь каждому искреннему и талантливому писателю, публикуя его произведения, потому что знает редактор не понаслышке, как трудно, а порой невыносимо сложно жить и творить сегодня.

***Борис Лукин, поэт, лауреат Большой литературной премии России,
член комиссии по присуждению литературной премии им. Н.И. Рыленкова,
г. Москва***

Владимир Викторович! Перед Вами как составителем и в Вашем лице перед замечательным альманахом «Под часами», который чту, и читаю, и попросту рекомендую знакомым, хочу извиниться, что поздно узнал о Вашем юбилее – хотелось бы быть первым в рядах поздравителей: одно ведь дело делаем. Конечно, искренне поздравляю с Пятнадцатым (!) выпуском альманаха, чьи солидные сдвоенные кирпичи – бесценный материал в восстановлении разрушенного «литературного пространства», именовавшегося ранее храмом великой русской литературы. Вполне разделяю ту заманчивую идею, чтоб «Смоленская дорога» пришла наконец и «дружески встретилась» с «Под часами» на некой (накрытой юбиларом) литературной поляне. Я даже экспромтом к этому случаю запасся:

Не судите слишком строго.
Задержались, знаем сами:
Наша скромная дорога
На три метра под часами.

Толще Вы и знаменитей,
У нас росту – по коленки.
Нам примером составитель
Альманаха Макаренков!

P.S. И с премией Твардовского поздравляю Составителя особо!

С уважением
Пётр Привалов,
главный редактор журнала «Смоленская дорога»,
лауреат премии имени А.Т. Твардовского

Поздравляем всех смоленских писателей с замечательным юбилеем! Буквально на днях Президент России отнёс дело сбережения русского языка и литературы к вопросам национальной безопасности. А не этим ли и занимаются провинциальные журналы, выходящие в разных регионах нашей огромной страны? Ваш журнал один из самых значимых, искренних, истинно российских. Он имеет своё лицо и душу! Поклон великому городу Смоленску, всем смолянам и смоленским писателям!

Редакционный совет журнала «Город», Тольятти,
Борис Скотневский, член Правления СРП, председатель Тольяттинской
писательской организации, лауреат литературной премии
им. Н.И. Рыленкова

Поздравляем альманах Смоленского отделения Союза российских писателей «Под часами» с выпуском 15 номера! Создать альманах проще, чем продержаться 15 лет, не растеряв читательского интереса и творческого задора. «Под часами» – глубокое, солидное издание, публиковаться в котором большая честь для автора из любого уголка России. Желаем вашему альманаху долголетия, процветания, прежней творческой силы и состоятельности!

Главный редактор альманаха «ТУЛА» Сергей Овчинников
Творческий коллектив литературного альманаха «ТУЛА»
25.05.2016,

**УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ И КОЛЛЕКТИВ АЛЬМАНАХА
«ПОД ЧАСАМИ»!**

Примите самые искренние поздравления от редакции журнала родины В.М. Шукшина «Бийский Вестник» с 15-летием выхода в свет альманаха «Под часами». За эти 15 лет альманах стал своеобразной литературной визитной карточкой не только славного города Смоленска, но и всей Смоленщины. Возрождая и поддерживая духовные, культурно-исторические и просветительские традиции смоленской земли, год от года открывая широкому читателю яркие имена прозаиков, поэтов, публицистов, краеведов, вы, дорогие наши коллеги, вносите весомый вклад в благородное дело духовного возрождения Отечества, воспитывая нового читающего, мыслящего, деятельного поколения граждан России. У вашего альманаха и «Бийского Вестника» много общего, а самое главное – есть общность во взглядах на перспективы развития России, единения её регионов. И, стало быть, есть всё для дальнейшего сотрудничества и дружбы.

С юбилеем!

**Виктор Буланичев,
главный редактор журнала родины В.М. Шукшина «Бийский Вестник»,
член Высшего творческого Совета Союза писателей России,
Алтайский край, город Бийск**

Дорогой Владимир!

Спасибо твоему тёзке, Владимиру Лаврову, за знакомство с тобой, плавно переросшее в дружбу за долгие годы нашего общения.

Как редактор редактора хорошо понимаю тебя: юбилеи и полуюбилеи мелькают, словно курьерские, – остаётся ежедневная пахота. Без которой издание очень быстро зачахнет. Вот почему хочу особо подчеркнуть: министрам культуры нашей стоит хорошенько задуматься, а тех ли людей они суетливо представляют к высоким наградам?! Ведь именно журналы, выходящие не в столицах, а в так называемой глубинке, определяют истинное лицо современной литературы. И 15 лет бытия смоленского проекта – убедительное подтверждение только что сказанного.

Желаю литературно-художественному альманаху «Под часами» швейцарской точности при выборе авторов и российской широты читательской аудитории. Будь здоров, сотоварищ редактор! «45-я параллель», рождённая в апреле девяностого, перешагнула свой четвертьвековой юбилей, так что – равнение на старших!

Сей июньский тост хотел закончить четверостишием собственного сочинения, но всё же решил воспользоваться строчками землячки Татьяны Корниенко:

Город шумный, суетливый,
С тормозами и басами,
Где бессовестно счастливый
Замер мальчик
под часами.

Ну так вот: несмотря на изрядные седины, остаюсь мальчиком под часами – часами, днями, неделями, месяцами, годами ждущим публикаций в журналах, альманахах, антологиях, выходящих по обе стороны 45-й параллели. И становлюсь бессовестно счастливым, увидев свою фамилию в списке авторов. Виват, Смоленск! Да здравствует альманах «Под часами», подаривший сотням поэтов и прозаиков радость напечатанного слова!

**Сергей Сутулов-Катеринич,
главный редактор интернет-альманаха «45-я параллель»,
член Союза российских писателей, г. Ставрополь**

Пятнадцать лет альманаху «Под часами». Пятнадцать лет творческих обретений и утрат, открытий и потрясений. Большой отрезок жизни в невероятно трудных для любого литератора условиях, когда на карту поставлено не личное благополучие — а выживание России и всей русской литературы. Как нужно выживать, когда выжить уже, казалось бы, невозможно? «Под часами» — реальный ответ на этот вопрос. Издание, задуманное как альманах Смоленской писательской организации Союза Российских писателей, — самым удивительным образом сумело перешагнуть областные рамки и рамки своей организации и вместить на своих страницах лучших поэтов и прозаиков Москвы и Новгорода, Барнаула и Ленинграда, Минска и Сарова, Союза Российских писателей и Союза писателей России. За тяжелыми, продуманными, серьезными томами — энтузиазм смоленских писателей, дерзнувших сказать: «Лично от нас в литературе зависит многое». И это — действительно так! Поздравляю всех авторов, читателей и главного составителя и вдохновителя альманаха «Под часами» Владимира Макаренкова с пятнадцатилетним юбилеем и желаю всем поэтам, прозаикам и критикам, объединившимся под обложкой этого издания, мужества, вдохновения и творческих удач!

**Наталья Егорова, поэт, лауреат годовых премий журнала «Наш современник»
за 2005, 2009 и 2013 годы, лауреат Всероссийской православной литературной
премии им. св. благоверного великого князя Александра Невского
Александро-Невской лавры**

Вот уже пятнадцать лет в Смоленске выходит альманах «Под часами», главным редактором которого является Макаренков Владимир Викторович. В этом издании публикуется широкий круг авторов не только Смоленщины, но и других регионов России. Немало известных в России имён приняли участие в литературном процессе, толчком для которого послужили выпуски альманаха. Ему свойственно разнообразие стилей и жанров, литературных видов и форм в поэзии и прозе, литературной критике и публицистике. Смоленская областная организация поздравляет В.В. Макаренкова и в его лице

Смоленское отделение Союза российских писателей по случаю юбилейного 15-го выпуска альманаха «Под часами»! Желаем новых творческих свершений и вдохновенных взлётов главному редактору и всем авторам этого замечательного издания!

Олег Дорогань, поэт, лауреат литературной премии им. А.Т. Твардовского, председатель Смоленской областной организации Союза писателей России.

Банальна истина о скоротечности времени. Да, вот уже сколько лет отмелькало и сколько всего напроисходило – рождались стихи и проза, умирали люди, – а первый номер всё ещё заставляет сердце биться учащенно. Вот он передо мной: скорее похож на школьную общую тетрадь, причем не толстую, в "кожистой" обложке, а в самой простой, бумажной и по цвету до боли школьной, голубой. А сколько за этой "тетрадкой" предстоящих её споров, сколько дорогих имён: Вера Звездаева, Раиса Ипатова, Вадим Бавевский, Вилен Сальковский, Вера Иванова, Петр Мельников, Сергей Капитанов... Все эти имена уже плывут над нами в иной, небесной голубизне, а альманах живёт, растёт, радует читателя глубиной и разнообразием. Поздравляю! Горжусь, что вместе с товарищами стоял у истоков.

Счастливые часов не наблюдают.
Но знает счастье и иной секрет,
Который оно мудрым открывает:
Счастливые не наблюдают лет!

Леонид Кузьмин, поэт, лауреат литературной премии им. М.В. Исаковского, член Союза российских писателей, г. Смоленск.

Когда-то очень давно, лет сорок назад, работал я, будучи студентом истфака, в областном архиве Смоленской области, что находился в здании на Соборном холме, у самого Успенского собора. Изучал творчество Н.Д. Неелова, смоленского писателя, военного историка, очень интересного человека. Приходил утром, заказывал стопки папок с архивными документами из фонда, а невысокий седой человек приносил папки из хранилища. Я заказывал – он молча приносил. В читальном зале разговоры не поощрялись. Работник архива несколько раз тактично подсказал, на что обратить внимание, не высказывал недовольство, если одни и те же материалы я заказывал по несколько раз. Работа для меня шла интересно – из множества рукописей, архивных документов, наградных грамот, писем вдруг возник яркий образ человека – смелого офицера, писателя, драматурга, военного историка, обозначился круг его общения. Понимаю, что,

изучай я сейчас эти же материалы, я бы увидел и понял больше, чем двадцатилетний школяр, но курсовую работу, а потом и диплом я написал.

Однажды, на каникулах, я увидел в газете фотографию милиционера, стоящего под часами на углу улиц Большая Советская и Ленина, увидел фото этого человека в наши (тогда в семидесятые) дни, прочёл статью и понял, что именно он был тем работником архива, который помогал мне в моей научной работе. Не буду придумывать, что я побежал расспрашивать его про милицейскую службу, но сейчас меня немного удивило другое: закончив институт и отслужив срочную армейскую службу в ВВ МВД, я двадцать один год прослужил в милиции, дослужившись до майора (никогда в детстве не думал, что буду служить в МВД).

В архив и обратно я всегда ходил пешком мимо Часов и всегда бросал на них взгляд, сверяя время. После службы моя первая публикация состоялась в журнале «Смоленск», где был опубликован очерк о Н.Д. Неелове и состоялась первая публикация «Баллады о постовом Курицыне» В. Макаренкова. Мой первый художественный рассказ, напечатанный в смоленском альманахе «Под часами» – «Орден Святого Владимира» – повествовал о нескольких ярких эпизодах из жизни того же Н.Д. Неелова. Через несколько лет я стал членом Союза российских писателей. Что-то вроде архивного «воспоминания о будущем» получается. Под Часами...

**Вадим Удальцов, член Союза российских писателей,
Смоленск**

Уважаемый Владимир Викторович!

15 лет назад вышел первый номер литературно-художественного альманаха «Под часами» Смоленского отделения Союза российских писателей.

Поздравляем Вас с этим замечательным событием!

Первый номер напечатан в 2002 г. небольшой книгой под обложкой голубого цвета тиражом 200 экземпляров. Шло время, цвет обложки менялся, количество материалов и рубрик в альманахе увеличивалось, ширился круг авторов издания. Альманах «Под часами» стал одним из центров литературы, культуры, собравших вокруг себя людей талантливых, неравнодушных, стремящихся созидать, творить на благо нашей Смоленщины и России. Ваш альманах – одно из самых авторитетных литературных изданий, имеющих большую читательскую аудиторию.

Желаем коллективу редакции альманаха «Под часами» держаться когда-то верно выбранного правильного курса – предоставлять возможность талантливым авторам реализовать свои творческие возможности на страницах Вашего издания. Пусть удача всегда сопутствует Вашим проектам, делам, начинаниям!

**Администрация и коллектив Смоленской областной универсальной
библиотеки имени А. Т. Твардовского**

Уважаемый Владимир Викторович!

Администрация и коллектив ГБУК «Смоленская областная юношеская библиотека» поздравляет Вас, редакционную коллегию литературно-художественного альманаха «Под часами» и всех авторов, печатающихся в альманахе, с 15-летним юбилеем журнала.

Ваш альманах является неотъемлемой частью духовной, литературной и культурной жизни Смоленщины. На его страницах печатаются известные мастера пера, молодые литераторы и начинающие поэты. Спасибо Вам за искренность, за глубокую, вдумчивую мысль и верность славным традициям национальной словесности.

От всей души желаем Вам здоровья, активной творческой жизни, оптимизма на долгие годы, счастья, благополучия, реализации творческих идей и замыслов, вдохновения и неизменного читательского признания!

Директор библиотеки О.И. Григорьева

**К 15-летию литературно-художественного альманаха
«Под часами»**

Литературно-художественному альманаху «Под часами», ежегодно выпускаемому Смоленским отделением Союза российских писателей, исполняется 15 лет.

Вот уже полтора десятилетия жители города Смоленска, и не только они, имеют возможность, благодаря этому столь разноплановому изданию, окунуться в мир поэзии и прозы, представленной как широко известными авторами, ставшими уже классиками российской литературы, современными мастерами слова, так и только что вошедшими в мир литературы дебютантами.

Благодаря литературно-художественному альманаху «Под часами», кстати, любезно предоставляемому ежегодно в муниципальные библиотеки города Смоленска Владимиром Макаренковым бесплатно, наши читатели имеют возможность знакомиться с творчеством не только смоленских авторов, но и российских, произведения которых также широко представлены на страницах альманаха. Привлекает читателей и разнообразие литературных жанров: поэзия и художественная проза, краеведческие исследования, искусствоведческие материалы, рецензии.

На мой взгляд, огромной заслугой альманаха «Под часами» стало и то, что на его страницах публикуются произведения писателей двух творческих писательских Союзов Смоленской области.

От имени читателей и работников библиотек учреждения хотелось бы пожелать альманаху «Под часами» всегда быть «часами», отмеряющими и сохраняющими во времени лучшее в литературной жизни Смоленской области и других регионах России.

Т. М. Гапеева,
директор муниципального бюджетного учреждения культуры «Централизованная библиотечная система» города Смоленска

Я назначу встречу под часами.
Приходите. Правда, буду ждать.
Как узнаете? Я в шляпе и с усами,
«Под часами» буду я листать.

Я найду единственные строчки,
Те, что лучше всех, достойны вас.
Альманаха хрусткие листочки
Напоют нам долгожданный вальс...

Спасибо создателям и авторам альманаха за источник доброты, тепла и вдохновения!

Любовь Сердечная, поэт,
руководитель областного литобъединения «Родник»

Андрей ШАЦКОВ

«ОСТАЁТСЯ – РОДИНА»

В жаркое и душное воскресенье 11 сентября 1955 года (именно жаркое, ибо 16 сентября того же года в Москве был установлен абсолютный температурный рекорд: + 28° С) 100 лучших поэтов вышли на улицы столицы. Они группировались вокруг памятников своим великим предшественникам и около входов в книжные магазины, чтобы встретиться там с любителями поэзии, почитать стихи, подписать книги. Участвовали все – от молодого Евгения Евтушенко до Константина Симонова.

Наверняка был в их пёстрой компании и первокурсник Литературного института – 18-летний уроженец Смоленщины Володя Фирсов, в тенниске с короткими рукавами и лихим чубом на голове.

На следующий День поэзии проходил с еще большим размахом, и тогда же из печати вышел первый альманах с тем же названием, замысел которого, говорят, возник у Владимира Луговского, а в подготовке участвовала редколлегия, среди которой были Ярослав Смеляков, Павел Антокольский, Семен Кирсанов, Роберт Рождественский и другие. Он вышел в удивительной обстановке хрущевской «оттепели». В сборнике поместили тогда стихи реабилитированных Павла Васильева, Николая Заболоцкого и других «опальных» поэтов. Наконец-то стали доступны миллионам читателей стихи Марины Цветаевой. Огромная книжка, амбарного формата, искренне полюбились миллионам читателей, ежегодно прибавляя в тираже и популярности.

Последний «День поэзии» вышел в 1990 году, после чего прекратил своё существование. Поэтов тогда вытеснила политика...

21 марта 2006 года на круглом столе «служителей муз», проведённом в стенах Министерства культуры России, где мне посчастливилось в то время работать вместе с замечательным человеком, тогдашним министром культуры, внуком писателя Ивана Сергеевича Соколова-Микитова – Александром Соколовым, единодушно прозвучало настояние о возрождении «Дня поэзии» – издания, за свою пятидесятилетнюю историю ставшего символическим для нескольких поколений отечественных поэтов. Не скрою, это решение было подготовлено во время наших долгих дружеских бесед с Владимиром Ивановичем Фирсовым, отблески поэтической славы которого до сих пор не дают спать его многочисленным завистникам и недоброжелателям. И в том же 2006 году регулярный выпуск альманаха был возрождён!..

В мае 2011 года в моей телефонной трубке негромко прошелестел голос, раньше сотрясавший многочисленные аудитории: «Боец», надо увидаться!». Это был В.И. Фирсов – лучший, по моему глубокому убеждению, поэт конца XX века, которого мы за смелый, решительный характер и несгибаемую волю почтительно именовали в своём поэтическом кругу – Командармом. Но вместе с тем он оставался в душе тончайшим лириком, вся поэтическая любовь которого была обращена на службу Отечеству. Воспитанник Александра Твардовского, душевный друг Михаила Шолохова и Юрия Ггарина, – он сам казался мне воплощенной частичкой этой Отчизны. Кто не знает его цемющих душу строк!

*«Родина, суровая и милая,
Помнит все жестокие бои...
Вырастают звёзды над могилами,
Славят жизнь по рощам соловьи.*

*Что грозы железная мелодия,
Радость или горькая нужда.
Всё проходит.*

*Остается – Родина,
То, что не изменит никогда».*

То, что происходило в стране с поэзией (да и не только с ней), конечно, не могло не ранить Командарма. Последние два года он тяжело болел, практически не цепляясь за жизнь, и если бы не его верная жена – Людмила Васильевна...

Владимир Иванович как бы высох. Совсем тихим стал его голос. Однако взгляд золотисто-карих глаз был по-прежнему твёрд и светел. «Послушай, зная, что ты никогда не оставишь наше дело, я хочу подарить тебе, как человеку возродившему выпуск «Дня поэзии», свою гордость – самый первый номер этого сборника с моим юношеским стихотворением!»

Надо ли сказать, что почувствовал я, принимая последний дар любимого товарища. Огромная книга, «огоньковского» размера, в красной обложке. На обложке типографски напечатаны все автографы участников тогдашнего альманаха.

«Подпишите, Владимир Иванович», – взмолился я, протягивая ему ручку и раритет. Он несколько раз пытался взять в руки перо, но потом грустно улыбнулся и лишь покачал головой.

Чтобы скрыть невольные слёзы, я отвернулся и перевёл разговор на другое...

Владимир Иванович Фирсов умер в Москве 17 ноября 2011 года, не дожив 162 дня до своего 75-летия. Весть о его смерти застала меня в Санкт-Петербурге. На похороны успел примчаться прямо к отверстой могиле на Троекуровском кладбище, где долго целовал холодный лоб ушедшего вместе с Великой эпохой Великого поэта! «Все проходит – остается Родина...» – почему-то подумалось мне.

Альманах «День поэзии. 2011» со стихами Владимира Ивановича, как обычно, вышел в 2012 году к празднованию Всемирного дня поэзии (ЮНЕСКО), отмечаемого в день весеннего равноденствия – 21 марта. До него он не дожил всего 126 дней.

Уже работая над данным материалом и внимательно рассматривая первый – 1956 года – выпуск Дня поэзии, я сделал неожиданное открытие. На самой последней странице альманаха, с техническими данными, на которую обычно никто не заглядывает, маленькими буквами значится: *ДЕНЬ ПОЭЗИИ**** Редактор **В. Фирсов**. Художник Ю. Боярский...

ЧЁРНЫЙ СНЕГ

(Памяти Владимира Ивановича Фирсова)

*«Пусть будет черный дождь
И черный ветер...»*

В. Фирсов

Он чёрен был. Его родила ночь
В безумии циклонного набега.
Он падал вниз, стараясь перемочь
Следы того – обыденного снега.

Который накануне Покрова
Уже белел в оврагах и лощинах.
И опускали ветви дерева
В покрытых чёрной копотью лещинах.

Он был стокрыл, как стаи воронья,
И также вился в рамке небосвода.
Кресты церквей в полуночи крентя,
И пеленою застилая воды

Не ставших рек, чьей кровоток питал
Не мёрзнувшие на зиму болота.
И чёрных вод касался чернотал,
Цепляя их корнями у заплота.

Такие снеги в чёрных снах идут,
И в них ложатся лучшие поэты.
В таких снегах кресты не процветут,
И не раскроют венчик первоцветы...

И странны были эти чудеса,
И морок ледяного подсознания:
Разверзнутые долу небеса
И тёмные пороши наказанья

За то, что жизнь не сладилась пока,
И затерялась в пустошах дорога...
И чёрные идут, идут снега.
А белые – не выпросить у Бога!

17 ноября 2011 года

Владимир ФИРСОВ

Стихи, опубликованные в альманахе «День поэзии»

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ. 1956»

СВАРЩИК

Он режет темноту и таль,
В его руках перо жар-птицы.
Он ныне тружеником стал,
Окончив лишь вчера учиться.
Он смог увидеть ясный свет.
И с детством не успев проститься,
Он уносил из детских лет
Свою мечту – перо жар-птицы.

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ. 1965»

* * *

Я продолжаю вечное свиданье
С тобою,
Вечно юная земля...
Да не иссякнет
Грома клокотанье
И солнечная песенка шмеля!
И стук валька на речке в час рассвета,
И хруст косы, ныряющей в траву,
И гул машины,
И вода в кюветах,
Где небо обронило синеву.
Всё в памяти. В глазах моей любимой.
Ведь жизнь проходит,
Как ни говори,
В голубоватой зелени озимых,
В брусничной розоватости зари,
В цветах, плывущих по июньским рекам,
И в горечи кукушечьей тоски...
Всё — с человеком,
Ради человека.
Без человека это — пустяки.

ПОЛДЕНЬ

Был полдень сух и безмятежно светел.
Дремали клёны в сонной тишине.
И вдруг неожиданно
Навалился ветер,
И кринки загудели на плетне.
Запел плетень.
И это было гимном
Языческому шествию грозы.
И пыль кружилась над дорогой дымно,
И звонко бились рыжие овсы.
И с первой каплей,
С первым громом —
Ливень
Ударил в огороды и сады.
Почти неуловимый запах лилий
На землю опустился с высоты.
И было видно,
Как ручьи бежали,
Скликая непоседливых ребят,
Как у стогов
Пугливо кони ржали
И прятали под брюхо жеребят.
Но как-то сразу стало тихо-тихо,
Как будто и ни ливня, ни грозы.
Над снегом зацветающей гречихи
Остыли грома гневные басы.
Молчали вербы, и молчали клёны
И радуга,
Упавшая в Десну,
Глядела как-то очень удивлённо
На пахнущую небом тишину.

* * *

Ожидает меня переправа
Над рассветным покоем реки,
Где склоняются горькие травы
И по пояс в воде
Тростники.
Где скучают забытые лодки.
И, покачиваясь в тиши,
Песню славки-черноголовки

Молча слушают камыши.
Что за песня!
Не знаю красивой...
Сохранили лесные края
Приворотное зелье России —
Песню славки и соловья.
Всё во мне. До травиночки каждой...
Потому
Пронесу сквозь века
И трагедию песни протяжной
Работающего мужика,
И напев,
Проплывающий где-то
В загрустившей дали голубой
Паутинкою бабьего лета
Над нелёгкою женской судьбой.
Это то,
Что не ради забавы,
Ради жизни
Завещано мне...
Ожидает меня переправа
И тревога
На той стороне.

* * *

Птицы жмутся к жилью человека.
Знать, во всём доверяют они
Человеку двадцатого века,
Человеку,
Что птице сродни.
Пой, малиновка, песню рассвета!..
Я по-своему тоже пою
В середине цветастого лета
Немудрёную песню свою.
Я несу сокровенное слово
Благодарной природе на суд,
Позабыв,
Что опять птицеловы
Под полой свои сети несут.

МЫ

Не остались во мгле,
Не зачали в пыли.
Мы идём по земле
Продолженьем земли.
Наши руки нежны,
Наши руки черствы.
Наши очи черны
И полны синевы.
Мы идём по стране,
Улыбаясь векам,
Улыбаясь весне,
Голубым родникам.
Мы проносим свою
Радость вечной весны
Светлой радугою
Посредине страны.
От полей и лесов —
Чистый ветер в лицо.
Провожая отцов,
Продолжаем отцов.
Как живые,
Они
Подымаются в нас,
Если — трудные дни,
Если — горестный час,
Если кто-то зовёт
Нас на помощь, крича,
Если подлость живёт
На земле Ильича!
Если трудно стране,
Мы ведём себя так,
Как отцы
На войне
В громе жарких атак.

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ. 2011»

ПОЭТ

Перед грозой
Ветра неторопливы,
Как и поэтов мудрые глаза,
Чьи музы терпеливы,
Словно ивы,
Когда их гнет
Пришедшая гроза...

Под вечным солнцем
И под лунным светом,
В тиши
Еще живых материков
Мне по душе
Терпение поэтов,
Что рождено
Терпением веков.

Душа поэта,
Как Земля, — нетленна,
Не терпящая суеты сует.
Поэт — не гость Земли,
Он — сын Вселенной,
Неторопливо-истинный поэт.

Не гость Земли,
Не сын ее приبلудный.
И, блудных презирая сыновей,
Живет поэт, лишь совести подсудный,
Великодушной
Совести своей.

Рассветы гаснут,
Вечера
И ночи,
Уставшие от медленной борьбы...
Поэт — своей судьбы
Чернорабочий,
И он не раб
Изменчивой судьбы.

Певец народа,
Подлинный мечтатель
И ревностный хранитель языка,
Он — совести своей
Работодатель,
Той совести,
Что проживет века!

Запечатлевший радости,
Невзгоды,
Дни памятных утрат и дни побед,
Поэт — простите прозу —
Сын народа,
Народу пригодившийся поэт.

Живет поэт всегда
Своей мечтою,
Взирает с сожалением на тех,
Кто совокупно
С мелкой суетою
Свой каждодневный празднует успех.

И, силе вдохновенья
Благодарный,
Он с болью видит каждый день,
Как в лад
Творит
Трудолюбивая бездарность
И подменяет
Подлинный талант.

Творит бездушно,
Переняв основу
Стихов,
Забытых в нынешние дни.
Стихосложенцы
Сеют
Серость слова,
Что столь духовной серости
Сродни!..

Не так уж много
Я бродил по свету,
Но истину познал
В конце концов:
Неторопливость —
Только у поэтов,
Нетерпеливость —
Только у дельцов.

Но, к счастью,
Побеждает вдохновенье
И совесть
С сердцем пламенным в груди,
Что одаряют словом
И терпением
Поэтов,
Чье бессмертье — впереди.

ЗЕМЛЯ... ЗЕМЛЯ...

Юрию Гагарину

На стартовой черте ракетодома,
Ступив на трап,
Впервые ты поймешь,
Как дороги тебе
Раскаты грома,
Снега гречих
И молодая рожь.

Ты вспомнишь
Теплых дождиков капли
И мокрый луг, где ты косил с отцом,
И трап
Уже покажется не трапом,
А деревенским
Стесанным крыльцом.

Потом...
Потом ты скажешь: «До свиданья!» —
И под ракетой
Вспыхнет яркий дым.
Нахлынувшие вдруг воспоминанья
Уступят место формулам сухим.

Но кто сказал, что формулы — сухие?
Они к тебе издавна пришли:
В них синь озер
И даль твоей России,
В них все цвета и запахи Земли.

Постой!
Еще не поздно отказаться.
Земля, Земля, не отпускай его!
Он должен жить,
Губами трав касаться,
Водою умываться ключевой,

Встречать свои закаты и рассветы...
Но манит,
Манит дальняя звезда,
И глухи стены огненной ракеты.
Когда мы снова встретимся,
Когда?

Ты самой яркой искрою промчишься
В безветренной и бесконечной мгле
И все-таки на Землю
Возвратишься,
Чтоб плакать над стихами
О Земле.

Анатолий ПАРПАРА

«ЧТОБ ЗВУК ЯВИЛСЯ СЛОВОМ ВО ПЛОТИ...»

БАЛЛАДА О СУРОВОЙ НЕЖНОСТИ

На Запад уходил стрелковый полк.
А рядом с ним, таким суровым,
Бежал мальчишка белобровый,
Немногим выше кирзовых сапог.

Он спрашивал солдат:
«Ты — папа мой?» –
Ручонками хватал за голенище,
Но с каждым разом безнадежней, тише
Звучало горькое: «Ты — папа мой!»

О, этот голос, хриплый и родной,
От частого повтора монотонный!
А под шинелью бились учащённей
Сердца, ожесточённые войной.

У каждого такой же сын иль брат...
С какой печалью их глаза глядели,
Какою нежностью ладони их гудели,
Но пальцы их впивались в автомат...

Я детство мог забыть, как сон,
Как небыль,
Но через годы на меня глядят
Глаза солдат, печальные, как небо,
И небо,
Как глаза солдат.

И страшно мне в глазах увидеть синих
Живую мысль, забитую войной,
И слышать голос маленького сына:
«Ты папа мой?
Ты папа мой...»

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

Михаилу Алексееву

Быть может, ради озорства
Иль от избытка сил своих
Парнишка топором отцовским
Ствол груши старой подкосил.

И встал в невольном удивленье,
Когда отец, отняв топор,
Рассек грудь дерева, волнуясь,
И что-то ржавое извлек.

И было невдомек парнишке,
Зачем он, от слезы слепой,
То долго взвешивал осколок,
То примерял к своей груди.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ В ДЕРЕВНЕ

В деревне День Победы совпадает
С работами весенними на поле,
И потому дядь-Ваня в пять утра
Могучее семейство поднимает.

Еще кулик кричит за дальним прудом,
Но жаворонок в темно-синем небе,
Захлебываясь песней от восторга,
Как истинный поэт, природу славит.

Под эту песню ладные мужчины
Работают ритмично и добротню.
Под эту песню женщины готовят
Всё, что украсит доброе застолье.

Потом вода холодная остудит
Разгоряченное работой тело,
Потом семейство дружное окружит
Под сень листвы укрытые столы.

И дядя Ваня встанет. И осмотрит
Братьев, детей и внуков,
Улыбнется,
Поднимет свой бокал и погрузнеет,
Прогонит грусть
И выпьет за Победу.

А внуки ненароком задевают
Его пиджак на стуле. И медали
Так хорошо звенят...
А день к закату
Стремит свой шаг.
И веет тишиной.

РЯБИНА ПОБЕДЫ

Ренату Ибрагимову

Может, кого-то, и небеспричинно,
Насторожит, если я назову
Красные гроздья осенней рябины
Красным салютом, что мчит в синеву.
Это сравненье сорвалось невольно,
Но не назвать я его не могу:
Красные ягоды — зрелости зерна,
Красная песня на синем снегу.

Красная краска — цвет памяти сердца!
Кровь и пожары смоленской земли
Так опалили суровое детство,
Что обесцветить года не смогли.
Как мы салюты Победы любили!
И называли мы — я не солгу! —
Красными гроздьями спелой рябины
Красные взрывы на белом снегу.

Но, не замкнувшись в виденьях суровых,
Мне понимать было сердцем дано:
Красная девица, красное слово,
Красная площадь — в значенье «красно».
Как понимаете, небеспричинно
С давнего детства теперь я зову
Красные гроздья осенней рябины
Красным салютом, что мчит в синеву.

БАЛЛАДА О ГУДЕ

Я помню восторг тот мальчиший
и радость смоленской земли,
когда из-за сломанных вишен
«Т-34» вошли.

Задолго до их появления,
врагов повергая в дрожь,
гуденье,
гуденье,
гуденье
над лесом,
над полем неслось.

Но если изменников подлых
карающий гуд убивал,
то он же расстрелянных в поле
в бессмертие поднимал.

И в памяти – книге закрытой –
мне с красной строки этот гуд...
Я слышу – идут с кимберлитом,
«БелАЗы» неспешно идут.

И в мерном гигантов гуденье
суровая та красота,
и то же во мне восхищенье,
и радость высокая та.

С карьера до цеха по кругу
машины упруго идут.
И нет мелодичней для слуха,
чем этот рабочий их гуд.

Так пусть чередою «БелАЗы»
плывут в бесконечности дней,
и будут в России алмазы
для счастья Отчизны моей.
И вот почему — завершенье!
И утром,
и днем,
и в ночи
Гуденье,
гуденье,
гуденье
мне музыкой нежной звучит.

НОЧЬ ВЕТЕРАНА

...И снова солдатским пилоткам
Лежать в покрасневшей пыли.
И снова вгрызаться в высоту —
Горбушку родимой земли.

И слышать,
Теперь виновато,
Предвидя исход этих дней,
Последнее слово комбата,
Последнюю шутку друзей.

И верить,
Усталость стирая
В тот день незабвенный со лба,
Что эта война мировая
Последней войною была...

* * *

Над головой моей звенит великий космос,
В руках моих лежит землёй рожденный колос,
Вокруг меня стоят столетние леса,
И вечность, словно друг, глядит в мои глаза.

У каждого судьбой его отмерен срок.
Прости, что долго жить я буду, стебелёк!
Но и тебе, сосна, завидовать не след,
Что правнукам моим смотреть ты будешь вслед!

Да, смертны все вокруг! Но дело рук моих:
Дороги и дома, и музыка, и стих
Бессмертны, как язык, бессмертны, как земля,
Когда вложил себя бескомпромиссно я.

* * *

Пусть быт забьет начальные слова,
Пусть слог ребенком по лесу блуждает,
Но музыка звучит — она жива! —
И сердце волнами переполняет.

И выждать срок. Хоть дело и не в нем,
Но срок немало для рожденья значит —
Так нянчит каменщик свой новый дом,
Так женщина дитя под сердцем нянчит.

А уж какие выпадут пути,
Какая сердцу — горькая наука,
Чтоб звук явился Словом во плоти,
И Слово то не стало просто звуком,
Меня уже не спрашивай — прости! —
Где знак судьбы — что значит слово друга!

* * *

Я. Ухсаю

Ко мне приходит по утрам старик.
Он в кресло невысокое садится
И говорит.
И бледные зарницы
При слове каждом вспыхивают вмиг.

Он много видел на своем веку.
Ходил в беславье,
Как сейчас во славе,
Но даже горький голод не заставил
Менять на деньги честную строку.

И всё ж ему, как видно, повезло,
Когда познал он трудные утраты,
Поскольку требует жестокой платы
Святейшее его ремесло.

Он вспоминает жизнь свою, друзей,
И голос то улыбчивый, то жесткий,
И вот Васильев, Смеляков, Твардовский
Как бы живые в комнате моей.

Звенят стихи, мелькают имена,
Встает в необозримой перспективе
Без приукрас то в голоде, то в тифе,
То в радости строительской страна.

Какой упругой силою налит
Их юности неповторимый мускул...
Но грустная вневременная мудрость
В их голосах мальчишеских звенит.

Старик необычайно возбужден,
И я его волнением заражаюсь,
И понимаю старикову старость,
Когда бывает в молодости он.

Но он желает молодость продлить.
А жизнь его друзей невозвратима,
И странно слышать, как неотвратимо
Трещит годов связующая нить.

Прости, старик!
Помочь бессилен я.
Законы увядания жестоки.
Но юный ствол разбудят марта соки
Неумолимостью законов бытия.

И юною листвою зазвенит
Иная песня незнакомой рощи...
А вот кому из нас грустится больше,
Пускай рассудит тот,
Кто не грустит.

1976

ТВОЁ ЛИЦО

Шел первый снег большой зимы.
Безудержно, с хмельным весельем.
Дома, как белые холмы,
Толпились в сумраке вечернем,

А юный месяц, как перо,
На темно-синей шапке неба,
А переделкинский перрон
Окутывала молча нега.

И это все, в конце концов,
Наверно, было б просто мило,
Когда бы не твое лицо,
Которое все осветило.

Как будто бы на много лет
Явилась ты сказать природе,
Что солнце — бледно,
Месяц — сед,
Когда лицо твое восходит.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

«НАД СТРАНОЙ ЛЕДЯНЫЕ ДОЖДИ...»

ЛИСА

(Взгляд из поезда)

...После Тарусы — вновь пошли леса:
мохнатые, густые, точно шуба.
Тут всё растёт — от сосен и до дуба!
А вон — гуляет рыжая лиса.

Плутовка и не думает бежать!
У ней, видать, уже вошло в привычку
встречать тут поезд или электричку...
Ну чем они ей могут помешать?

Пылает шёрстка рыжая, как флаг,
не опасаясь вражьей закулисы...
Россия! Русь! Храни себя в веках!
Пусть живы будут и леса и лисы.

Пускай порой — хотя б со стороны! —
всем, кто спешит домой иль, может, в гости,
хотя б на миг окажутся видны
улыбка лисья или лисий хвостик.

В своей душе — мы дети до седин,
нам не хватает радости и ласки,
а лес с лисой, как блики из глубин,
выносят к нам воспоминанье сказки...

Живи, кума! Воруй на фермах кур!
Пускай твой запах бесит пустолаек.
Бог создал лис на свете — не для шкур,
им белый снег под ноги подстилая.

Мир красотой наполнен, чтоб душа —
не разучилась радоваться чуду...
Беги, кума... Ах, как ты хороша!
Так и пальнул дуплетом бы в паскуду!..

К ПОЭЗИИ

...В тот чёрный час, когда моя держава
рассохлась, точно бочка, и вот-вот
развалится – и даже обруч ржавый
её от этой доли не спасёт;
когда из всех щелей её и трещин,
из всех случайных нор, прорех и дыр
течёт поток «мозгов», валюты, женщин,
танталов, прославляющих весь мир;
когда вокруг – спят глаза рекламы,
а в душах горько, хмуро и темно,
когда в искусстве процветают хамы,
ну а менты «крышуют» казино;
когда повсюду – ложь и казнокрадство,
и брызжут в душу пошлость и цинизм,
когда цветут жестокость и злорадство,
и не скрывает радость сатанизм;
когда вся жизнь – лишь бесконечный шопинг,
а мир вокруг – один огромный ГУМ;
когда важнее, чем молитва, – допинг,
а интернет – в сто раз нужней, чем ум;
когда смысл жизни сохнет и мельчает,
и неуклонно сводится к нулю,
когда никто вокруг не замечает,
как гибнет всё, что страстно я люблю, –
кто это зло остановить сумеет,
в котором меркнет даже солнца свет,
в котором мир, как соловей, немеет
и вянет всё, как без воды букет?..

В дыму фуршетов, кастингов, экскурсий,
в азарте рынка, зуде суеты –
прошу: хоть ты, поэзия, не скурвись,
оставь душе частичку чистоты.
Мир без стихов – как комната без окон,
куда вовек не дунет ветерок,
чтоб духоты невыносимый кокон
прорвать напором животворных строк.
Мир без стихов – как колбаса из сои –
по-бутафорски яркая, но фальшив...

Поэзия! Ты – как бессмертный воин,
спасаешь мир. Пока ты есть – он жив.

ВОСПОМИНАНИЕ О ВЕНЕЦИИ

Венеция живёт, как карнавал,
всех веселя, влюбляя и дурача,
сырые стены за фасадом пряча
и запрудив гондолами канал.

Куда ни глянь – всё маска и обман.
Здесь жить нельзя, здесь всё давно прогнило.
Но отчего же сердцу всё здесь мило
и, синь вдохнув, становишься, как пьян?

И над сиянием изумрудных вод
стоишь, застыв с улыбкой идиотской...
(Сюда не зря всегда стремился Бродский,
и приезжал едва не каждый год.)

Жизнь превратилась в бесконечный бой,
душа в крови, но где же санитарка?..
Поднимешь взгляд у пристани Сан-Марко –
и грудь наполнишь новою судьбой.

Тут пахнет тиной. Тут зелёный мох
ползёт по камню, покрывая стены.
Тут шум и гам, и страшно вздуты цены,
но этот город обожает Бог.

Он, словно яркий шарик надувной,
летит мне вслед сквозь годы и ненастья,
чтоб не ослабла в сердце вера в счастье
и не тускнело солнце надо мной.

ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ

Ты останься со мной, пережди
непогоду и грустные мысли.
Над страной ледяные дожди,
как стеклянные нити, повисли.

Посмотри – вся Россия лежит,
как опасная скользкая горка.
Как бы солнечный сгусток души
не покрыла такая же корка.

Слышишь – ветки трещат за окном,
от нависшего груза ломаясь?
Нелегко жить в плену ледяном,
гнущей тяжести льда не сдаваясь.

Стынет сердце ледышкой в груди.
Новый век, как метель, сатанеет.
Мрак и холод лежат впереди,
и душа от тоски леденеет.

Защитят ли холодную кровь
свитера да из шкур одеяла?
Мир промёрз, как окно. Лишь любовь
в нём чуть видный глазок продушала.

Это наше спасенье! Она –
нас согреет сильней, чем одежда.
Нам любовь эта свыше дана,
чтобы в нас не погибла надежда.

Этот дождь, что сверкает стеклом,
он – не кара, а только проверка
наших душ и сердец на излом
и житейских трагедий примерка.

Чтоб, шагнув за порог избыной
на простор меж былым и грядущим,
мы любили наш мир ледяной,
веря в то, что он станет цветущим...

МИАЗМЫ МАРТА

Мезень. Мазай спасает зайцев.
В душе тоска... Ты где, Мисюсь?..
Мазками солнца, всем на зависть,
март, как Малявин, пишет Русь.

В лесу капель звенит мазуркой,
с берёз струится сладкий сок.
А ну-ка, подходи с мензуркой –
прими для бодрости глоток!

Восстав над сумрачными снами,
взамен зимы сухой и злой,
март птичьи песни, точно зная,
вознёс над мёрзлою землёй.

Смыв, как застывшую мастику,
снегов заумную мазню,
он, словно мальчиков Матисса,
ввёл в хоровод берёзок «ню».

Ещё морозец ходит низом,
но, уже чуя ток в крови,
март бродит кошкой по карнизам,
горланя песни о любви.

А в вышине — над крыш дворцами,
над хором кошек и собак —
мизинец Моцарта мерцает,
как Марса тлеющий маяк...

Как в сотый раз журнал «Мурзилку»,
листая мокрый старый сад,
весенний ветер, рот разинув,
в просторы устремляет взгляд.

Там, вдалеке от шумных улиц,
раздеты за год догола,
берёзы белые, сутулясь,
спят в ожидании тепла.

Мазай мазуриков ушастых
везёт, в долблёнку погрузив.
Спроси его, что значит счастье —
он лишь покашляет в усы!

Несутся сахарные льдины
по мутной мартовской воде...
Русь и поэзия — едины.
Мезень... Мазай...
Мисюсь, ты где?..

ГВОЗДЬ ВОЗНЕСЕНСКОГО

Я на даче роман сочиняю
и со зла не сужу ни о ком.
Старый примус сижу починая,
керосин попивая тайком.

В этих комнатах жил Вознесенский*
(я нашёл вбитый в стену им гвоздь!).
Он вынашивал тут возле сердца
монологи к поэме «Авось».

Ветер гнал облака, как перины –
будто в небе Господь накурил,
а на стенах висели картины,
что Пикассо ему подарил.

Нынче я тут сижу домоседом
и с террасы гляжу, не дыша,
как, подточенные короедом,
осыпаются ели, шурша.

Разошлись мои дебит и кредит,
пролетает успех вдоль ворот.
Нэнси Рейган ко мне не заедет**,
Маркес водки глотнуть не зайдёт***.

И хоть кружит по комнатам эхо
Вознесенского дерзких поэм,
сам поэт уж давно переехал –
далеко-далеко... насовсем...

Улетел вслед за ним невозвратно
модернизма щекочущий дух.
Ни горенья в глазах, ни азарта –
ничего не осталось вокруг.

* – Речь идёт о литфондовской даче в посёлке Переделкино по адресу: ул. Тренёва, дом 6, где с середины 1960-х и до конца 1980-х годов жил известный поэт Андрей Андреевич Вознесенский.

** – 30 мая 1988 года в гостях у А.А. Вознесенского на его переделкинской даче по улице Тренёва, 6 побывала жена президента США Рональда Рейгана Нэнси Рейган.

*** – Габриэль Гарсиа Маркес, известный колумбийский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе, автор знаменитого романа «Сто лет одиночества», повести «Полковнику никто не пишет» и других произведений, в 1987 году тоже посетил Переделкино.

Ветер бродит вдоль тропочек узких
и едва от тоски не ревёт –
всюду виллы стоят «новых русских»,
всюду пластик и евроремонт.

По шоссе, как дворцы на колёсах,
мчит сверкающих джипов река
мимо стайки берёзок белёсых,
наклонившихся у родника.

Смолкло рифм разудалых звучанье,
никому дела нет до стихов.
Только призраки бродят ночами,
не боясь услышать петухов.

Тут вчера ещё блёстки метафор
фейерверком неслись в облака,
а уже, как от греческих амфор,
не найти от них ни черепка.

Только век юбилейные даты
всё вплетает в тяжёлую гроздь,
что висит на стене, где когда-то
вбил поэт модернистский свой гвоздь...

ОТ БЕЛОГО СНЕГА НА СЕРДЦЕ – БЕЛО

От белого снега на сердце – бело,
и света в душе – как в берёзовой роще!
Все тёмные мысли пургой замело,
и жизнь стала чище, светлее и проще.

И жизнь стала ясной, как день в январе,
наполненный снежным слепящим сияньем.
Мороз на дворе. Сады в серебре.
Весёлые святки с вином и гуляньем...

Не хочешь на холод – себя не неволь,
сиди замурованным в жаркой квартире.
Но белая быль, словно белая боль,
отыщет тебя в заметеленном мире!

Ведь ты не медведь, чтоб медлительно сны
листать до весны в полутёмной берлоге,
лишь к маю решив из-под корня сосны
восстать, чтоб размять занемевшие ноги.

Зима для тебя – родовая печать,
твой воздух ментальный, твоя атмосфера.
Ну как же тебе снегопад не встречать
с задором ликующего пионера?

Смотри, как зимою земля хороша!
Бежит санный путь через все расстоянья...
От белого снега – сияет душа.
Попробуй сберечь в себе это сиянье.

ГЛЯДЯ НА ОБЛАКА...

Над землёю плывут облака.
Далека их стезя, нелегка.
То под солнцем плывут, то во мгле,
то дождём шелестят по земле.
То, как птицы, парят на крыле.

Над землёю плывут облака,
будто гонит их чья-то рука.
Обнимаясь с густой синевой,
над Смоленском плывут, над Невой.
Над моею любимой Москвой.

Над землёю плывут облака
из неведомого далека.
И глядит с высоты, чуть дыша,
в каждом облаке чья-то душа...
То ли воина, то ль – малыша?

Так когда-то и я поплыву
в ослепительную синеву,
где сливаются души навек,
будто сотни впадающих рек.
(Так уходит любой человек.)

И когда-то, смеясь и звеня,
океан этот примет меня,
дав возможность душе без преград
плыть над миром столетья подряд,
влившись в облачный белый парад.

Ах, как сладко смотреть с высоты
на деревья, поля и цветы,
слышать радостный гул голосов,
видеть буйные гривы лесов!
Не считая минут и часов.

Только нужен ли он, не пойму,
этот сказочный рай — одному?
Коль я в небе тебя не найду —
будет хуже мне там, чем в аду.
Будто птице в сожжённом саду...

Позови! Я узнаю тебя,
чтобы плыть нам сквозь вечность, любя,
через свет, через бури и мрак,
неразлитными во временах!
Дай мне знак, дай мне знак, дай мне знак...

* * *

Я погружаюсь глубже в годы,
всё дальше виден берег мой.
Так человек заходит в воду –
по грудь, по плечи, с головой.

Так человек заходит в море
и, пересилив страх, плывёт
туда, где в тающем просторе
его незримый берег ждёт...

В ВОЛНАХ

«Изломанный челнок, я снова брошен в море».

М.Ю. Лермонтов. «Маскарад».

Едва восстав от бед, от боли и от горя,
неся в душе ожог предательской любви,
изломанный челнок, я снова брошен в море
с напутствием вослед: плыви, мой друг, плыви!

Вокруг встают валы бурлящих вод летейских,
а впереди – горит слепающий свод зари.
Я слышу чей-то глас: не бойся волн житейских,
мир полон красоты, смотри вокруг, смотри!

И даже если вдруг огнём взорвутся дали
и захлебнётся мир в пролившейся крови,
не утопи мечту в унынье и печали,
перед тобой – вся жизнь, живи, мой друг, живи!

Отбрось обиды прочь, вручив себя надежде,
греби веслом, и жизнь – тоскою не губи.
Любовь ещё зажжёт тебя сильнее, чем прежде.
Ты слышишь в сердце жар? Люби, мой друг, люби!..

Вокруг режут века, как ветер на просторе!
И я – то рушусь вниз, то к небу вознесён...
Изломанный челнок, я брошен жизнью в море –
и не иссох в тоске, и этим был спасён.

У ЗИМЫ — ЦЕРКОВНЫЕ ОДЕЖДЫ

У зимы — церковные одежды,
белоснежной патриарших риз.
То — прощенья символ и надежды,
а не моды взбалмошной каприз.

Никому не пожалев подарка,
Рождество приходит к нам, как встарь.
И глядит с улыбкой Патриарха
до бровей заснеженный январь.

И сияют окна, как иконы,
в коих символ веры не угас.
И слышны в высоком небе звоны
звёзд алмазных, что горят для нас.

Пробираясь тропками кривыми
меж сугробов сонного села,
ветер тянет «Иже херувимы»
и за щёки щиплет всех без зла.

Жарко пышут в серых избах печки.
Серп луны прорезался из тьмы.
И стоят, как в Божьем храме свечки,
над домами белые дымы...

А НА РУСИ...

Двадцатый век остался за спиной.
Жизнь мчит вперёд быстрее всех фантастик.
Глядит сквозь окна мир совсем иной —
как в НЛО зелёный головастик.

Вдыхают люди ежедневно смог,
себя едой искусственной травят,
забыты сказки и отринут Бог,
и только деньги нынче миром правят.

*А на Руси, как в тысячном году —
слагают песни, любят и страдают,
и так же варят яблоки в меду,
и на Крещенье девушки гадают!*

*...Сажают лён и косят лебеду,
и хлеб душистый в печке выпекают...*

Душа живёт в предчувствии скорбей,
куда ни глянешь — всюду плач и слёзы.
Качу судьбу, как шарик — скарабей,
через года и русские морозы.

Не пытан я ни ссылкой, ни тюрьмой,
есть в доме хлеб, а к хлебу — чашка чаю.
Но жизнь всё чаще дышит в душу тьмой
и скалит зубы волком за плечами.

*А люди вновь, как в тысячном году —
слагают песни, любят и страдают,
и так же варят яблоки в меду,
и на Крещенье девушки гадают!*

*...Удят ершей на удочку в пруду
и в воды рек венки цветов кидают...*

*Ну почему мне — всё не трын-трава?
Я так устал ждать радостей нечестных.
Ищу для песен добрые слова, —
ну сколько ж петь про бедных и несчастных?*

*Я так хочу, чтоб, как в волшебном сне,
что к нам приходит в праздник новогодний,
моя судьба, как речка по весне,
в цветущий луг разлилась половодьем!*

*И пусть вокруг, как в тысячном году —
слагают песни, любят и страдают,
и так же варят яблоки в меду,
и на Крещенье девушки гадают!*

*...Поют молодки вечером в саду,
а парни им задорно подпевают!..*

*...Мир позабыл про горе и беду,
и на войне солдат не убивают!..*

*...Жизнь тянет дней счастливых череду,
и эти дни вовек не убывают!..*

Владимир СИЛКИН

КЛАНЯЮСЬ В ПОЯС ДОРОГЕ

ХУЛИТЕЛЯМ РОССИИ

Всё её страшат, предвещают
Гибель неминуемую и крах,
А Россия всех за всё прощает,
Гибнет на равнинах и в горах.

Новые одежды примеряет,
Пашет на земле без выходных,
И никак она не умирает,
Чтобы не оставить их одних.

Их, кому и завидно, и стыдно,
Кто привык пенять на времена,
Потому Россию и не видно,
Что такая светлая она.

15 апреля 2009

НА БЛОКПОСТУ

Смешной щенок, как и хозяин, курский...
Приученный к единственным рукам,
Он даже не облаял нас по-русски,
А ткнулся в ноги русским мужикам.

И на привет ответить не умея,
На привязи уставший до тоски,
Он проскулил, что рядом ходят змеи,
Вы тут поосторожней, мужики.

И снова в будку от жары палящей,
От нашей ласки и от наших ног,
Такой родимый, русский, настоящий,
Ещё на зло не лаявший щенок.

23 апреля 2016

ПУТЬ

Весна. Рассвет. Военкомат.
Отец, притихший и небритый.
Его сводящее с ума,
Почти неслышное: «Смотри там...»

Автобус. Поезд. Городок.
Примерка обмундирования.
Забывтый Богом уголок
С десятком сопок без названья.

Подъём. Дорога. Полигон.
Проверка. Должность замкомвзвода.
И приносящая циклон,
Непостоянная погода.

Приказ. Цветастый чемодан.
И вслед летящая «Славянка».
Мои солдатские года
Вбирать готовится «гражданка».

Сирень. Черемуха. Весна.
Вдоль чёрной пахоты грачиха.
Как хорошо, что не война,
Как хорошо, что дома тихо.

1988

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЬВОВЕ

В Стрыйском парке, на Краковском рынке
Говором сводят с ума украинки.
Сводят с ума неземной красотой.
Было давно это. Было со мной.
Было давно это, было во Львове...
И спотыкаюсь я на полуслове.
Было давно. Улыбался рассвету,
Как и положено в жизни поэту.
И проглядел и страну, и майданы,
Что затевали в стране шарлатаны.
Мелкие личности, жалкие бесы,
В мутной воде разглядев интересы.
Как далеко мне сегодня до Львова,
Где обесценилось русское слово!

И не понять мне, где правда, где кривда...
В общем, упали и рубль, и гривна.
Вот и задумался пане Мицкевич...
Каждый сегодня король-королевич...
Что за дымы там над Краковским рынком
Застят глаза молодым украинкам?
Это уходит по улицам Львова
Русское слово, приветное слово!

9 октября 2015

ТАКИЕ ДНИ

Летят снаряды в сторону Ростова,
Ещё минуют чью-то жизнь они.
В запрете не чужое, наше слово!
Такие дни, такие дни, такие дни...

Такие дни, что сердце лихорадит...
И светлое у тёмного в тени.
Опять у нас стреляют, слышишь, прадед?
Такие дни, такие дни, такие дни....

Что я скажу теперь на это внуку,
Что срок терпенья вовсе не истёк?
Что не усвоил я твою науку –
Не подставлять врагу бездумно щёк?

А жизнь идёт, и время правду пишет,
Но не горят сигнальные огни.
Я говорю, а мир меня не слышит.
Такие дни, такие дни, такие дни...

4 июля 2015

ШАЛЬНАЯ ПУЛЯ

Две пули встретились и разошлись –
Одна под сердце, другая в высь.

И та, что в небо гулять пошла,
Шальнойю пулей в степи была.

В разгаре лета, в ночном бою
Сыскала пуля мишень свою.

Пробила сердце и будь здорова,
И нет солдата из-под Ростова.

А там, от сына письмо читая,
Взялась за сердце мать молодая.

Кусала губы, встав на колени,
Молясь в тот угол, где бились тени.

Сюда вот пуля зашла хозяйкой.
Глядь, кирзачи стоят, висит фуфайка.

Присела пуля тихонько рядом,
Кося по дому стыдливым взглядом.

Пришла свинцовой, ушла пунцовой
От тётки Тони от Кузнецовой.

Рыдая, пуля упала в грязь –
У жизни с пулей прямая связь.

17 января 2003

РОТАЦИЯ

Никто не погиб и не ранен
Горячею этой зимой,
И так же, как раньше в Афгане,
Летят по замене домой.

От солнца копчёные лица,
И руки от солнца черны.
И ждёт возвращенья столица
Любимых мальчишек с войны.

Конечно, они не мальчишки,
И многое в жизни прошли,
И видели страшные вспышки
Вдали от родимой земли.

Их ждут беспокойные мамы,
Их ждёт на параде страна.
Но не отпускает упрямо
Чужая и наша война.

23 апреля 2016

СОЛДАТСКИЙ РЭП

Тишина сторожевой заставы,
На обед ещё горячий хлеб.
И контрактник, озорной и бравый,
Выдаёт нам «на закуску» рэп.

Ох, как он читает, причитает,
Как же всё доходчиво, мудро!
Он не только службу почитает,
Он войне глядит сейчас в нутро.

Не даёт грустить своим ребятам.
Балабол! Ну, это не скажи!
Он, как Тёркин на войне когда-то,
Верит и в звезду свою, и в жизнь.

Верит он Верховному и точка!
Верит командиру своему.
И простая рэповская строчка
Тоже подчиняется ему.

23 апреля 2016

* * *

– Понаехали! – палкой грозит, –
Никакого тебе уваженья...
И опять на кого-то кричит
И часами сидит без движенья.

Рукавом протирает стакан,
И права монотонно качает,
И себя он, давно старика,
Столько лет уже не замечает.

Никого тут на тысячу вёрст,
Даже птицы, и те улетели,
Как же в нем ещё что-то живёт,
В этом сморщенном, умершем теле!

Неужели и правда Кашей,
Неужели и правда бессмертен?..
Но ведь кто-то же должен людей
Окликать из окна на рассвете.

Август 2006

РЕЧКА ЛАПОТОК

Всей длины-то Лапоток –
С ноготок.
Никакой ему не нужен
Мосток.
Говорят порой про речку мою,
По колено, мол, она воробью,
Перейдёшь и не замочишь ступни.
Ты ей только о себе намекни.
Мол, уехал ты отсюда давно.
А как было, ей не всё ли равно.
Всех приветит, кто придёт, Лапоток,
Даст воды своей студёной глоток.
Без вопросов даст себя перейти,
Если только ты не сбился с пути.
Вот такой он, мой родной Лапоток,
А всего-то просто тихий приток.
А всего-то только прочих родней,
А всего-то лишь водою бедней.
Но искони на Руси беднота
Добродушна, горделива, чиста.

4 июня 2006

СНЕЖНЫЕ СЛЕПНИ

Скоро мороз отощавший окрепнет,
Станет щипать всех подряд.
Снежные слепни, снежные слепни,
Снежные слепни летят.

Снежные слепни декабрьской порою,
Снег, прилетевший с дождём.
Выйду на улицу, розу накрою
Старым солдатским плащом.

Что леденеть ей от этой напасти,
Что замерзать на снегу?
Жизнь ей облегчу, хотя и отчасти,
Всё-таки ей помогу.

Выживет роза и великолепней
Станут бутоны на ней.
Снежные слепни, снежные слепни
Кружат сильней и сильней...

Память моя, я прошу, не ослепни,
Дай оглянуться назад.
Снежные слепни, снежные слепни,
Снежные слепни летят.

22 декабря 2015

КЛАНЯЮСЬ В ПОЯС ДОРОГЕ

Тихо по жизни шагаю,
Кланяюсь новому дню,
Строчки для внучки слагаю,
Попусту жизнь не гоню.

Праздную осень и лето,
Счастлив весной и зимой.
И на все стороны света
Кланяюсь жизни самой.

Кланяюсь в пояс дороге,
За спину ладя суму,
Вот и выходит – в итоге
Кланяюсь всем и всему.

И никогда не обидно
Чувствам сердечным моим:
Кланяться людям не стыдно,
Стыдно не кланяться им.

8 ноября 2010

* * *

Старик в саду высаживает сливы,
Дарует жизнь и что-то им поёт.
И потому живёт всю жизнь счастливым,
Что помогать другим не устаёт.

Лес подставляет спину небосводу,
Луга питает талая вода...
А кто глядит сквозь пальцы на природу,
Другому не поможет никогда.

18 июля 2013

ЯМСКОЙ ЛУГ

В небе тучи летают, как змеи,
Зависая на нитях дождей.
Я обжиться никак не умею
В суете городских площадей.

И мальчишеской думкой влекомый,
Я хочу, я стараюсь туда,
Где по тёплому лугу Ямскому
Друг за другом вприпрыжку года.

Где приветливый месяц усталый
Воду синюю пьёт из рожка –
Из реки моей родины малой,
Без которой на сердце тоска.

Я обжиться никак не умею
В суете городских площадей.
Кружат в небе бумажные змеи,
Отзываясь на крик лебедей.

1989

СИЗЫЙ ГОЛУБЬ

Сизый голубь пьёт из лужи,
Не живёт зимой в тепле.
Но зачем-то Богу нужен
Этот голубь на земле.

Он один на свете знает
То, что людям не понять,
И на ближних не пеняет.
А зачем на них пенять?

Всё летает и летает
И молчать не устаёт.
Он людей не осуждает,
Он в них что-то познаёт.

Не умеет голубь злиться,
Хоть и слёзы бьют из глаз.
Вот, поди ж ты, просто птица,
А терпенью учит нас.

2012

СЕРДЕЧНАЯ ТРАВА

Как, вы не слышали имя такое?!
Но, говорят, и поныне жива.
Я, как услышал, лишился покоя,
Что есть такая в России трава.

Все перелески в округе облазил,
Лугом и полем ходил целый год.
Но не нашёл, видно, кто-нибудь сглазил.
Но всё равно где-то есть и живёт.

Разве возможно на свете иначе!
Ну, не увиделись, жребий не мой.
Я понимаю, большая удача
Встретиться в жизни с сердечной травой.

Ну, разминулись, но это не драма,
Это житейские, в общем, дела.
Если б нашёл, вероятно, и мама
Рядом со мною ещё пожила.

2 сентября 2007

ЯБЛОКО РАЗДОРА

Никого на этом свете,
И никто тут не вздохнёт,
Что ты в этом вот столетье
Сорвала запретный плод.

Разве кто-нибудь заметит,
Что нет яблока в саду,
То, что я на этом свете
По тебе с ума сойду?

Ты да я, и дождь в июле,
Изумрудные плоды,
И по всей земле уснули
Крепко райские сады.

Мы не спим, и мы в разлуке,
Мы с тобой устали врать,
Что не тянем больше руки,
Чтобы яблоко сорвать.

Только кто же ночью стонет
И зовёт из темноты?
Спи, никто тебя не тронет,
Людям не до красоты.

Мы увидимся не скоро,
Растворимся в никуда,
Вот и яблоко раздора
Не разделим никогда.

2006

Скрипит земля, в ночи вращаясь,
Устав за миллионы лет,
И я прощаюсь, я прощаюсь
С тем, что навек оставит след.

С дождями, павшими над лесом,
И с тишиной последних лет,
С былой страной, с её прогрессом,
С тем, что навек оставит след.

Я расстаюсь, не зная сколько
Отпущено судьбою лет
На то, чтоб попрощаться только
С тем, что навек оставит след.

И я прощаюсь, я прощаюсь
С тобой, любившей столько лет.
Скрипит земля, в ночи вращаясь,
Как я, кричит тебе вослед.

2000

СВЕТ

Светятся лес и поле,
Хрупкие облака.
И отступают боли,
И не берёт тоска.

Птица светло запела
В зарослях у реки,
Стайкой во ржи неспелой
Плавают васильки.

Светятся счастьем рыбы,
Светом полна ветла.
Всем и за всё спасибо,
Всем на земле тепла!

Пусть никогда не будет
Зла на чужих устах.
Не осуждайте, люди,
Ежели что не так.

28 января 2007

Борис СКОТНЕВСКИЙ**ПОСМОТРИ НА МЕНЯ НАВСЕГДА**

(Лирическая поэма)

*

Возвращаться в любовь — безнадежно!
Но приснился нечаянный сон...
Стало больно, и стало тревожно,
Беззащитно с любой из сторон.
Неуютно. Опасно. Я трушу, —
Не помогут ни опыт, ни страсть!
Но не надо спасать мою душу,
Потому что я чувю —
спаслась.

*

Сижу я в кабаке.
Мой нос не в табаке —
Он в табаке у тех, кто говорит серьезно.
Но я один, один на весь кабак,
Кто понимает, что оно и как,
Что все исчезнет рано или поздно.
И лишь любовь печальная моя
Задержится у края бытия, —
Ей хватит воздуха, с нее довольно!
Сижу, молчу в гудящем кабаке,
И наплевать, что нос не в табаке.
А на душе
так хорошо и больно.

*

Давай, мой друг, по двести грамм налей,
И да минует подлость стороною!
В чужой душе больнее, чем в своей,
Когда она становится родною.

Ты там один среди чужих теней,
Там беззащитно и темно до дрожи.
В чужой душе больнее, чем в своей...
И чем больнее, тем она дороже.

*

Я устал от памяти-заботы,
Но, попробуй, мысли оборви —
Есть места лишения свободы,
Нету мест лишения любви.

Некуда бежать, — кругом облава.
Всякий путь кончается стеной.
Я — направо, и они — направо,
Я — за угол, и они за мной...

Сколько можно?! Видно, долго можно.
А покой и воля — на потом.
Горько так, отчаянно, тревожно...
Хорошо...
Спасибо и на том.

*

Ты — девочка! Всегда. Во всем —
В незащищенности и страсти.
Опять тебе приснился сон
О счастье
или о несчастье.

А как глаза цветут твои,
А как грустят они, мерцая...
Но кто ты без моей любви?
Да просто б...ь
немолодая.

*

Душу загубишь —
Жизнь ни на грошик ясней.
Ты меня любишь,
Что ж мне больней и больней?

Всё без обмана —
Вот тебе храм на крови.
Что же мне мало
Даже счастливой любви?..

*

Мертвые листья на чистом снегу,
Строгие краски предзимья.
Все позабуду... Тебя — не смогу —
Рученьки, волосы, имя.

Смерть начинается. Боже ты мой!
Оклик живой, но напрасный.
Желтые листья летят надо мной,
В сердце нацелился красный.

*

Вспомнишь обиды свои,
Вечную тяжесть неволи —
Боже! Избавь от любви,
Как избавляешь от боли...

Воля! И милости вновь,
Равной и аду и раю,
Просишь: верни мне любовь —
Я без нее пропадаю.

*

Я сам себе не господин, —
Должно быть, воля слабовата.
Во всем виновен я один.
Нет! Ты ни в чем не виновата.

Мечусь, минуты торопя,
По краю самому, по краю...
Мне не за что прощать тебя!
Но я за все тебя прощаю.

*

Откуда тревога и грусть,
И нежность, и жалость сквозная?
Я помню тебя наизусть,
Тебя совершенно не зная.

Я помню тебя, как стихи,
Вошедшие в душу и память,
Которые слишком тихи,
Чтоб их позабыть иль поправить.

*

Вот и опять на свободе я,
Хочешь проверить, изволь.
Боль обернулась мелодией,
Музыкой сделалась боль.

Не говори «До свидания»,
Лучше уж крикни: «Прощай!»
И превратишься в предание,
Музыку,
ветер,
печаль.

*

Прощай и больше не зови.
Мы все за всё своё ответим.
Моя жестокость — от любви,
Будь счастлива,
хотя бы этим.

Прощай, любимая, живи!
Зови в свидетели Иуду.
Предательство у нас в крови,
Но этим счастлив я не буду.

*

Жизнь прошла от «А» до «Я»
И на волос от распада.
Мне любовь нужна твоя —
Мне саму тебя не надо.

Вот теперь-то понял я —
В нашей призрачной отчизне
Дух превыше бытия,
А любовь главнее жизни.

*

Такие пресветлые лица.
А жизнь, как суровая нить.
Чтоб не утопиться, не спиться,
Одно остается —
любить.

Согретому чистою болью,
Зажатому тягой земной,
Что делать мне с этой любовью
Слепой
беспросветной
родной...

*

Время прет от мая и до мая
По по ему лишь ведомой тропе.
Я тебя уже не вспоминаю —
Я не забываю о тебе.

И теперь пустыми вечерами
Ни измен не помню, ни обид —
Только свет, что пролетел над нами...
И летит, летит, летит, летит.

*

Эта музыка не заживает,
Лист над мерзлой землею летает,
А когда мертвый лист упадет,
Все равно она не заживет.

Всё так нежно и так беззащитно.
Не обидно? Уже не обидно.
Но руками не трогай, не смей —
Лишь дыханьем своим отогрей.

*

Слова и мысли тонут,
Когда иду к тебе.
Ты — самый тихий омут
Во всей моей судьбе.

Шелковистая травка,
Отлогий бережок —
Чудесная удавка
Для козлика, дружок.

Пасись, пасись, любезный,
Пощипывай траву
Над самой тихой бездной
Во сне и наяву.

До самой тихой смерти
Под тихую луной...
Зато какие черти
Хохочут надо мной!

*

А у меня душа болит,
Болит, как зубы, сердце, печень.
Не от тоски, не от обид —
Есть и поэтому болит,
Болит и защититься нечем.

Она не символ, не обман —
Комочек, но с небесной болью.
Еще я напишу роман,
Насквозь пропитанный любовью.

*

Слышишь — рядом стучат поезда,
В никуда, слышишь, из ниоткуда.
Посмотри на меня навсегда
И прощай. И останься как чудо.

Я тебя не держу — уезжай
На все стороны белого света.
Оглянись навсегда и прощай,
И не плачь. И спасибо за это.

Я махнул бы с тобой за века,
Только держат угрюмые корни.
Улыбнись навсегда. И пока —
Я тебя буду ждать на платформе.

*

Ни за что и ни про что
В непогоду мир любя,
Сдерну с вешалки пальто
И пойду искать тебя.

Я пойду тебя искать
Ни с того и ни с сего.
Что хочу тебе сказать?
Да, пожалуй, ничего.

Просто засмотрюсь вослед
Через дождь, ветрище, тьму
На похожий силуэт,
Сам не зная, почему.

*

Я смотрел в эту темень до дрожи
И искал бесполезный ответ.
Пустота! Мне никто не поможет,
Кроме Бога (которого нет?)

И на окна от верхних до нижних
Поглядел — и наполнился весь
Тихим страхом за дальних, за ближних, —
И любовью (которая есть!)

2014-2015

Валерий ДУДАРЕВ

15 февраля 2016 года в гостинном зале Смоленской областной универсальной библиотеки имени А.Т. Твардовского состоялся торжественный литературный вечер, посвящённый 107 годовщине со дня рождения русского лирика XX века Н. И. Рыленкова. Центральным событием вечера стало вручение литературной премии имени Н.И. Рыленкова, учреждённой Администрацией Смоленской области в 2012 году. Лауреатом 2015 года стал поэт, главный редактор журнала «Юность» Валерий Фёдорович Дударев. Премию ему вручила заместитель губернатора Смоленской области О.В. Окунева. На следующий день в Рославльской центральной районной библиотеке прошёл ещё один литературный вечер памяти Рыленкова, в котором приняли участие и новый лауреат, и дочь поэта И.Н. Рыленкова, член жюри премии поэт Борис Лукин, смоленские и брянские поэты. 17 февраля Валерий Дударев, Ирина Николаевна Рыленкова и Владимир Макаренков посетили школу имени Н.И. Рыленкова в селе Тюнино Рогнединского района Брянской области, где провели творческую встречу с её учащимися и учителями. Тюнинская школа, её ученики и учителя, те условия, в которых живут сегодня селяне, их открытость и радушие, любовь к русской поэзии и к своему знаменитому земляку поэту Рыленкову настолько потрясли главного редактора «Юности», что денежную часть премии он перечислил уже из Москвы на счёт школы – для её первоочередных нужд. А ещё в этой поездке между Ириной Николаевной и Валерием Фёдоровичем возникла договоренность о серии публикаций материалов о творчестве Н.И. Рыленкова и его жизни на страницах журнала «Юность» – ведь Рыленков при жизни являлся постоянным автором этого журнала.

Авторы и читатели альманаха «Под часами» от всей души поздравляют Валерия Фёдоровича Дударева с присуждением литературной премии имени Н.И. Рыленкова и желают ему новых творческих свершений!

Уместно напомнить имена предыдущих лауреатов литературной премии им. Н.И. Рыленкова: В.С. Баевский (заслуженный деятель науки РФ, доктор наук, профессор СГУ, член Союза российских писателей), Скотневский Б.А. (поэт, член Правления Союза российских писателей, председатель Тольяттинской писательской организации), Алфимов Е.П. (известный смоленский прозаик, поэт, писатель-фронтовик, член Союза писателей России).

МНЕ ИНЫЕ ЧУДИЛИСЬ ПУТИ...

Много в нашей Покровке
Полуспившихся рож.
Горше нашей зубровки
Не ищи – не найдешь.

Наша правда – в стакане!
Продышался, припал...
И еще один Ваня
Смертью храбрых упал.

Не сгущаю палитру –
Это ж надо суметь:
Окаянную литру
Натошак одолеть.

Если в каждой утрате
Разобраться – представь! –
Нам метелей не хватит
Замести эту явь.

Что, казалось бы, проще –
Просто в поезд садись.
Пашни, домики, рощи:
И катись, и катись!

Пей цейлонский вприкуску
Да в окошко смотри.
Под Орлом иль под Курском
Полегчает внутри.

И травиться с чего бы?
Эта даль!
Эта высь!
Будь счастливым до гроба,
Только Богу молись.

Но уставишься в небо –
И охота реветь.
До чего же нелепа
Наша русская смерть!

До чего же бессильны
Вековые мечты!
До чего же, Россия,
Одинокая ты!

Росказней геройских между прочим
Не найдет потомок обо мне.
Коротать безжалостные ночи
Не пришлось в Афгане ли, в Чечне.

Поделюсь безжалостно и сухо:
 Жил да был, ничем не рисковал;
 Плел стишки и пороху не нюхал;
 Не разил пехоту наповал;
 Не бомбил селения украдкой.
 Счастлив тем, что в этой жизни

краткой

Никого, браток, не убивал!
 Сиротой Ахмедку не оставил;
 Не оставил беженку вдовой.
 Одногодка мой во вражьем стане
 Воротился к матери — живой!
 Вдруг, когда его огнем скосило
 И стервятник прыгал на песке —
 Вдруг как раз той пули не хватило,
 Что в моем покоилась рожке?

Может быть, я в том и виноватый,
 Что совсем нигде не воевал,
 Что свою смертельную гранату
 Я в чужой колодец не бросал,
 Что в полях и в звездах над рекою
 Мне иные чудились пути!
 Что ж...

За счастье мирное такое
 Ты, браток, прости меня!
 Прости...

ГУННЫ

Если творенья не пахнут степью —
 Выброси их в окно!
 Новые гунны родятся с целью
 Выбросить все равно!
 Если в рожденье твоём виноваты
 Ливень,
 полынь,
 репье —
 Скоро тебя подберут сарматы,
 Они же дадут копье!

Ухо — к земле!
И поверишь силе
Из-за Уральских гор!
Слышно в пургу:
жеребца Аттиле
Вывели на простор!

Русич!
О вещем забудь Олеге
И раздави змею!
Счастье найдешь в кочевом ночлеге!
Гибель найдешь в бою!

Зарос,
зачах
неба склон —
задымлен!
Вьют канюки круги!
Нам ли с тобой дожидаться римлян —
Кровью платить долги?!

Встанем без гимна!
Пойдем без флага!
И затрещат миры!
Наше ученье —
Орда и Брага!
Наши дары —
остры!

Диким поверьем, былиной станем,
Древко зажав в горсти!
Чернее кошки,
нежнее лани
Бег
изгнанных
с Шелкового пути!

РУЗА

Не все окошки занавешены —
И занавесятся при мне.
Враз опустевшие скворешены
В моем качаются окне.

За лесом кладбища просрочены.
И не воскреснут никогда!
В метель старухи у обочины
Замрут,
 застынут
 навсегда.

Задрезбит литая денежка,
Добавив черного руке.
Заговорит простая девушка
На нефламандском языке.

Ее сухие междометия,
Как вековые образа,
Добавят ветра и бессмертия
В мои печальные глаза.

Как зреет в ночь
 грешно и матово
В дожде предчувствие снегов!
За ивой вроде бы Ахматова?
За мхом лесным — Мариенгоф?
За лесом
 затемно и замертво
Печаль вселенская!
 У окна
 ни терцины,
 ни гекзаметра —
Силлаботоника одна!

ИЗ ЦИКЛА «РУССКИЕ БАБУШКИ»

Она иных не слаще,
Столичная зима!
Безлюдно,
 словно в чаще!
Облезлые дома!

Под лавкой мерзнет гулька,
А рядом,
 хоть потоп,
Собачка
 да бабулька
Топ-топ себе,
 топ-топ!

Позвякает сосулька,
Собачка поскулит,
Поморщится бабулька:
Болит

чи не болит?

А муж, Василий Палыч,
У ту войну погиб.
Сыночки запропали.
Сын — Хведор,
сын — Пилип.

А ценоповышенье
Накинуло хлопот.
А год ее рожденья
На тыща восемьсот!

Попробуй-ка пройтись
От дома до ворот —
Когда твоя денница
На тыща восемьсот!

А ей еще грустится
О Боге,
о царе,
О внучке,
о пшенице...

Темнее во дворе.
Поземка подгоняет.
Собачка пристаёт.
Душа не понимает,
Который нынче год!
— Неужто это, Жулька,
Расейские места?
Топ-топ, топ-топ бабулька.
Святая простота!

ЖЕНЩИНА

Потуже закутаешь плечи!
Закат

и не люб,
и не ал!

И надо исполнить за вечер
Громоздкий,

смешной ритуал.

Подумаешь,
 больше недели
Бессонница колет нутро!
У нас же не высшие цели —
Снести до помойки ведро.

Снести
 и вернуться достойно!
Холодной водицы испить,
Добраться к окошку спокойно,
К петунье подсесть и пожить.

Забуть торгашей-паразитов.
Войти
 в тишину,
 в синеву.
И словно о давнем,
 забытом
Спросить удивленно:
 «Живу?»

Пяти-,
 девяти-ли
 этажка —
Все годно
 на быт,
 на ночлег.
Везде по-звериному тяжко
Тянуть перегруженный век!
Всегда человечески жутко
Отдать свое сердце барже!
А жизни всего на минутку
На том неземном этаже.

ПРОВИНЦИЯ

Пока вселеновы ковши
Над нами счастье проливают —
Ты целый мир любить спеши,
Куда б ни вывела кривая!

Прощанье – что?
Прощанье – дым!
Дымит, прощается эпоха.
Ты на земле необходим,
Здесь без тебя кому-то плохо.

Пусть побеждают миражи!
В них канет каждая из весен,
Но ты, прощаясь, расскажи:
О, сколько в мире верст и вётел!

В забытых Богом городах
Который век кипит работа!
В них цел языческий размах,
В них византийское есть что-то.

В них вишня каждая цветет
На грани ада или рая,
И отрок ясный пропадет,
Судьбу Рублёва избирая.

Пока часовни на Руси
Еще остались у обочин,
Ты клятву в ночь произнеси
Неутолимей и корочей!

Провинция!
Вот часослов!
Ни грай,
ни публика столичья
Не затемнят колоколов
Ее скитаний
и величья.

ВОРОН

Ты сегодня полюбишь другого,
Снова станешь бодра и одна.
Во вселенной метельева гона
Ненасытная зреет луна!

Ты полюбишь его в одночасье,
Задыхаясь в пророчьем бреду, –
Так чужое, надменное счастье
Подбирают себе на беду.

Будешь ждать, украшенья срывая,
Что тебя он своей назовет,
И не слышать за лязгом трамвая,
Как по Угличу ворон идет!

Ты теперь не полюбишь, как птицу,
Одинокую, черную Русь –
Безмужичьи, каленые лица
Уцелевших в эпоху бабусь.

Не отведаешь горклого слова
Возле райских кремлевских ворот.
Виждь – на Вологде плачет корова,
А по Угличу – ворон идет!

Виждь – на лунном костре беспредела
В хороводе язычьей тоски
Золотое коровино тело
Раздирает страна на куски.

Разлетаются пенные краски,
И невольничьи манят торги
В непролазные, жаркие ласки
Вековой пугачевой пурги!

Провожая рябин озаренье,
В недогляд,
 в недопол,
 в недород
Сквозь смятенье,
 смиренье,
 прозренье,
Сквозь поэтом недожитый год,
Как царевича мука и зренье,
Вифлеемское помня мгновенье,
К нам по Угличу ворон идет!

АКРОБАТИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Из снегопада в снегопад –
Он встречным елям лишь по пояс –
Вперед,
 назад,
 мостами над
По осевой промчится поезд.

ЧАЙНАЯ

Я буду басовым и сильным
В истоках долгот и широт!
По гуду, по соли, по сини
Высокий дойдет пароход.

Прилив в наслоении быстром
Разляжется весел и прост.
Застыв, за Селеной, за пирсом
Покажется ветер и мост.

«Карамба!»
– звучало над чайной.
Вертела гашиш матросня.
Жгли крабы, причалы и чайки,
От ветра лишь эхо храня.

Сокровища!
Участь лихая
Сверкая, заныла в горсти,
От крови лучась и харкая,
Пугая чумным Гаити.

Пугай!
Одинокий и сильный,
Вперед по излучинам лет!
Пускай одноногий Джон Сильвер
Взойдет на летучий корвет!!!

Мы, поэты последнего ряда,
Допиваем прокисший абсент.
Мы – ваш Дант в дебрях рая и ада,
Вашей жизни последний момент.

Серебра нам с тобой не досталось,
Да и золото тут не в чести –
Но надеемся, самую малость,
И колосья сжимаем в горсти.

Соберем семена и корни,
И, путем продвигаясь зерна –
Мы роняем стихотворенья,
Словно шишки сосна.

Нам и ворон – благая примета,
И княжна – придорожная блядь.
За сто первый лесной километр
Нас положено отселять.

Мы – полынь!

Мы – Путивль!

Мы – Непрядва!

Мы – надгробий чужие цветы –
Самозванцы последнего ряда,
Прощельги последней черты.

Александр СУВОРОВ

ПОЛУМОНАХИНЯ-ПОЛУБЛУДНИЦА

Перед самой сдачей тома поэзии в вёрстку нашему издателю Ирине Флиманковой я получил известие от Бориса Лукина, что в Москве 13 июля скончался поэт и литературовед Александр Суворов. Мне сразу вспомнилась наша последняя встреча на фестивале современной литературы, театра и кино «Наше время», проводимом вот уже не один год автором проекта и составителем антологии «Наше время» поэтом Борисом Лукиным в Москве. Суворов пришёл на фестиваль во второй половине дня, скромно сидел в зале и слушал выступающих, сам же не выступал, видимо, в силу того, что вид у него был очень болезненный. Но в перерыве он подошёл ко мне и спросил: «А нельзя ли и мне напечататься в вашем замечательном альманахе?» – «Конечно, можно, Александр! Нужно прислать мне материал по электронной почте, и в следующем номере будет публикация» – ответил я, порадовавшись за альманах. «Я переслать не могу, у меня нет компьютера, я уже десять лет, как живу в подъезде. Но у меня с собой стихи на флешке, друзья собрали. Можно сейчас скачать...» – спокойно предложил Суворов. Презентационный ноутбук был занят, и мы попросили директора библиотеки №164 "Просвещения трудящихся" Нину Анатольевну Мирзахамидову, так много помогающей в пропаганде современной литературы, перебросить стихи Суворова с одной флешки на другую. Так ко мне попали материалы Александра Суворова: его стихи, эссе, статьи, рассказы. Наверное, они есть и у друзей поэта. И всё же, мне думается, попали они в альманах «Под часами» не случайно, а по предвидению свыше. Ведь в нашем альманахе действует рубрика «Наше время». Как составитель альманаха, я постараюсь и в последующих номерах публиковать произведения ушедшего из жизни автора антологии современной литературы России «Наше время».

Царство Небесное русскому поэту Александру Суворову.

Владимир Макаренков

* * *

Полумонахиня-полублудница,
Где потеряла ты ангельский лик?
Книга открылась зловещей страницей,
Вся ты в шептанье раскольничьих книг.

Кто ты, вся в алом и черном до рези?
В выступлениях света галдит воронье.
Кто ты, блаженная, полная спеси,
Как настоящее имя твое?

Непроницаемы лики святые,
Кто мне ответит, откуда беда:
Воры ворвались – и в храмы пустые
Лег динамит и зажглись провода.

Ныне ты в черном и скорбной походкой
Тихо бредешь чередой панихид,
Завтра – юродивым выдадут водку,
И – трепещи, погребальный гранит.

* * *

Утро на Воробьёвых горах.
Проутюжена гладь реки.
Город где-то в иных мирах,
На берегах других.
Поезд умчится в туннель метро,
И вновь за окном темнота.
Лампочка мне подмигнет хитро,
Как пророку во чреве кита.
Слушай, Ниневия! Слушай, Москва!
Скоро огромный кит
С Белого моря к твоим мостам
Двинется напрямки.
Бывшее канет в безбрежных днях,
Недолго осталось ждать –
Чудо-юдо в ночных огнях
Близится к нам во льдах.
На нем путиловская броня
И лес корабельных антенн,
Студеное море и море огня
Нипочем для его систем.
Хвостом ударит – снесет мосты,
А пустит еще фонтан –
Метеоритный дождь с высоты
Прольется по значным местам.
И выколи-глаз настанет тьма,
И сын не познает отца...
Мы пишем как будто один роман, –
Роман своего конца.

* * *

Наших встреч ворованные ласки
Навсегда останутся в душе.
Стихи звуки, и огни погасли
Где-то на последнем этаже.

Нам такое изредка дается –
Обмануть постылую судьбу.
Все проходит, счастье – остается,
Пулей в сердце, в цинковом гробу.

Злым оскалом, тусклой вереницей
Не всегда влекутся наши дни.
Завтра может солнце измениться,
Только нам себя не изменить.

Наших встреч ворованные ласки
Навсегда останутся в душе.
Даже если в мире все напрасно –
Есть окно на верхнем этаже.

* * *

Вижу флаги черные на ветру,
Вижу – лебедь белая на снегу,
В заповедном воздухе дышит грусть:
Никогда не свидимся мы в миру.

Пусть на солнце черные письма
Чертят вековечные из-под туч,
Мы в иные свидимся времена,
Поборов иссохшую немоту.

Если нет свидания на земле,
Значит, утро раннее предстоит.
Нарисуй мне зореньку на крыле –
Пусть на белом светится, пусть горит.

* * *

Небо жгут глаза сирот,
Солнце щерит медный рот,
А внизу клубится пыль
На мильон квадратных миль.
Копошятся клерки в банке,
Пузырится «виски» в склянке;
Полис – рыбой оглушенной,
Мусор, ветром распушенный.

Небо жгут глаза сирот,
Небо больше не живет.
Лишь лазоревые кудри
Вьются на фабричном утре.
И листает ветер книжки –
Нет сестренок, нет братишек,
Все слилось в осиный рой.
Гамлет больше не герой,
Пушкин больше не поэт,
Свет есть тьма,
 А тьма есть свет.

Небо выпито до дна,
Вся вселенная видна.

* * *

Среди ночи гоняю гордую нирвану –
От двери в угол, из конца в конец.
Не нам, не нам, не русскому Ивану
Бояться обескровленных сердец.

Индусы, говоришь, изгнали страсти напрочь?
Туда им и дорога – в холодец.
У нас нутро горит, моторы пышут, лампы,
И путь нирваны нам заказан наотрез.

Я был там и не раз, рассказывать не стану,
Как возвращался в забытии домой,
И я, как воду, пил нирвану из-под крана,
А бытие хлещу алмазною струей.

Но всякий раз прильну к земле на полчаса,
Чтоб одолеть коварное бессилье,
А там, кому-нибудь вцепившись в волоса,
Всю ночь рассказывать про матушку-Россию.

* * *

Пеший иль конный, посторонись! –
Красное яблоко катится вниз.
Русские едут, каждый – герой,
Солнце прикрылось Афоном-горой.
Только у русских нет ни шиша,

То-то и едут они неспеша.
С ярмарки людной, с рынка домой
Едем с пустою драной сумой.
Проторговались, вдрызг пропились,
Между собою передрались.
Вот и осталось, пой да горлань,
Да убирайся в свою глухомань.
Нет ни заката и ни рассвета,
Были когда-то, песенка спета...
Землю терзает мор мировой –
Есть ли на свете хоть кто-то живой?

* * *

Поэт должен быть гоним,
Лишь небом одним храним,
Жить впроголодь, водку пить,
Красивых женщин любить
И не унывать, греша,
Похожим быть на ежа –
Так, чтобы ничья рука
Не смела им помыкать.

* * *

Пусть Новый век стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
Пусть море горбится волнами
И небо пенится вдали.

И пусть купальщики, волнуясь,
Гадают, будет ли гроза –
Среди веселья им блеснули
Ужасные судьбы глаза.

Они глядят из поднебесья,
Они ужасно высоки,
Но льется ангельская песня
Сквозь пароходные гудки.

Та песня вольно, сладко веет
Над всем простором до небес,
А горизонт уже чернеет,
И кровоточит древний крест.

* * *

То ли дождь, то ли снег –
В этом мире священного нет.
Я рисую свой дом на песке,
Только прут обезумел в руке.

Вместо дома – безлюдная степь,
Вместо друга – бродячая смерть,
Вместо Бога – кружит воронье,
А под боком все рыщет зверье.

Всё зверье – ни лица, ни души...
Не тужи, добрый друг, не тужи –
Встанет солнце и в нашем окне
И тебе улыбнется и мне.

* * *

Дева убаюкивает зверя
И ему нашептывает нежно –
И сама в свои слова не веря,
Что не все на свете безнадежно.

Дева заговаривает зубы –
И клыки у зверя есть и когти, –
Поначалу он казался грубым,
И в объятиях трещали кости.

А теперь он стал таким желанным
И смиренным, кротким, как ребенок,
Раньше был невежей и болваном,
А теперь – двухмесячный теленок.

И теперь уж зверь ласкает деву,
А у девы обмирает сердце.
И она, со смехом и без гнева,
Любит зверя вовсе не по-детски.

* * *

Наши дни отцвели вдали,
Человек – это сон земли,
Человек – это явь и бред,
Капля света в полярной мгле.

Сиротливая, зябкая тень –
За окном наступивший день.
Серебрится снег на ветвях –
Это зимнего неба прах.

Слезы мерзнут – едва из глаз,
Всё как будто бы в первый раз.
Фонари за окном не спят,
Снегопад нас укрыл до пят.

Новый год. Сумасшедший дом.
Утро серое подо льдом.
Не сорваться бы в полынью,
В ледяную погибель свою.

* * *

Ночь – лихая всадница безумья
Мечется по призрачным краям,
Города в мечтательном раздумье,
Мы одни на свете – ты да я.
Ты да я, да тройка с бубенцами,
Вороных безудержный галоп.
Мы летим, как боги, под венцами
И не бережем своих голов.
«Будете как боги», – нам сказали,
Оттого навеки нам сродни
Херувимы с птичьими глазами
И болотных демонов огни.
Правит ночь конями до рассвета,
А наутро мы очнемся вновь,
Я – бродяга в образе поэта,
Ты – моя отцветшая любовь.

* * *

В тенетах утренней нирваны
Мы просыпались, как младенцы.
Ты говорила: «Слишком рано,
Завесь оконце полотенцем».

Напрасно дворники старались
И посыпали льдинки дустом,
В подъезде двери открывались
И приходили люди в чувство.

Нам снова звезды загорались
И сумерки спускались с неба,
Плыла Венера над горами,
Смеялась ветренная Геба.

А вечер был такой же долгий,
Точь-в-точь как в пепельной Помпее.
Приоткрывался звездный полог –
И ты являлась из купели.

* * *

Грибною тишиной укутан вещей бор.
С молитвой приходя, найдешь в душе утеху.
Уединись в глуши, зажги лесной костер.
И свет рассеет тьму, а треск разбудит эхо.

Скорей, скорей гряди от людных площадей,
В пустынной тишине врачуй больную душу,
Сорокадневный срок останься без людей,
Дай сердцу не глядеть, не биться и не слушать.

ЦВЕТЫ

Жизнь есть цвет, и нашему цветенью
Век отпущен краткий и жестокий.
Мы живем по своему хотенью,
Презирая мудрые уроки.

Оттого нам нравится в растениях
Их весна любви, цветов цветущих,
Что мы сами небрежем цветеньем,
Что мы прах от вечности летучий.

Дорогие, оттого вас люди
Выбрали в посланники к любимым –
Что другой весны у нас не будет,
Оттого мы и неповторимы.

Оттого вас пьяные торговки,
Как невольниц, продают на рынке –
Что вам ветер целовал головки,
Что вам дождик намочил косынки.

* * *

Визжали скрипки полонеза –
Намазанные ядом струны
Впивались в сердце темной резью
И кровью орошалась юность.

А томных танцев бес послушный
Все лебезил и юбки путал,
Скрипел зубами вечер скучный,
За дверью ветер выл кому-то.

Напрасно барышни, как пчелки,
Вились над праздничным паркетом.
Ведь каблучки устали щелкать,
А принца жданного все нету.

Нет и не будет в жизни встречи,
Все будут жалкие свиданья,
И будут вечно, будут вечно
Страдать кисейные созданья.

Все стихло. Годы не воскреснут,
Но в школьном погрустневшем зале
Осталась музыка чудесно
И юность с Вашими глазами.

* * *

Есть в грозной бархатной тиши
Предгрозовых тревог
Одна опора для души –
Могучий русский Бог.

Он нас всегда считал детьми
До самых смертных мук –
Рожденных русскими людьми,
Гораздых ко всему.

Нас Бог без усталы берег
От всех житейских зол –
И всех Настён, и всех Серёг,
И всех, кто рядом шел.

Нас Бог для Царствия хранил –
Тот спасся, этот – спал...
А тех, кто спился – Михаил
Архангел подобрал.

В миру и в игрище огня,
Среди злодейских лиц –
Храни, Господь, храни меня,
Всех братьев и сестриц.

* * *

Власть зла над русской землей,
Неистребимая веками.
Кровь под запекшимся Кремлем,
Чьи башни кажутся клыками,
Бурлит подземными толчками.

И – свыше ничего вокруг,
И – немые ангелов паренья.
Непостижимый жизни круг
И птичье радостное пенье
Среди небес в садах весенних.

Умытый солнцем до краев
Двор, детворой звенящий за день.
Не оттого ли мы живем, –
Цветы, поверженные наземь, –
Что смех и грех толпятся сзади.

Забвенья поиски. Полет
Над земляничными полями.
А Русь живет себе, живет –
Страна людей с шестью нулями
И жизнь не меряет рублями.

И пусть звериная тропа
Незримо вьется меж домами,
И пусть обманщица-судьба
Хмельком нам годы затуманит –
Туман небесный станет манной.

Русь – ты блаженная мечта
Обидимых и ненавистных,
И до могильного креста
Нам не постичь жестоких истин.

* * *

Посмешище для всей земли,
Пылит немытая Россия,
И ей всё видится вдали,
Средь поруганья и бессилья,
Небес таинственный Мессия.

Она стоит, как детский труп,
Восставший из руин бомбежки,
В дыму, на огненном ветру,
В уютной, бросовой одежде,
Убогую, не узнаешь ты.

Избита, проклята, жива,
Оплевана по-чистоплюйски, –
Так пробивается трава
К белесым небесам июльским –
Я с 41-го боюсь их...

В пылу расхристанной ночи,
Истерзана по-изуверски,
Она зовет, она кричит,
А пламя лижет занавески
Под дулом снайперов немецких.

Ну а пожар всегда пожар –
Займется день зарею новой,
Не увернуться, не сбежать
От сумасшествия земного –
Ведь не оно всему основой.

Немыслимо для всей земли
Живет незримая Россия,
И всё ей кажется вдали
Небес таинственный Мессия.

* * *

Ехал Грека через реку
Из заморской Византии,
На санях по белу снегу
Прокатился по России.

Видел Севера сиянье,
Слышал эхо на бору
И сказал нам на прощанье:
Живым буду – не помру.

Прошептал: «Прощай, Рассея...
Нараспашку, наизнанку
Я душою стал рассеян,
Не вернусь – прощай, славянка!»

Пыль столбом на полустанке,
Пол-России на перроне –
Грека едет, словно в танке
В «самоход» за самогоном.

Не живетя Греке в Риме,
Не гуляется в Париже:
Что бы там ни говорили,
А в России небо ближе.

Был – и нету человека,
В синем небе тают звоны.
Не приедет больше Грека –
Засмеют его вороны.

ДЕТСКИЕ РАЗГОВОРЫ

– Я жизни хочу отдаться, –
сказал заводной мальчуган, –
Я стану Гамлетом Датским
И брошусь к твоим ногам.
Офелия отвечала:
– Довольно других забав.
Наш мир погребен в печали,
Любовь – не твоя судьба.
– Я пылко хочу влюбиться,
Чтоб вечность вместить в горсти...
– Ты молод еще жениться,
Пожалуйста, подрасти.
Ты станешь седым, известным,
Ворчливым старым брюзгой,
Я буду стервой, но честной,
Наполним дом мелюзгой.
И в каждой кровати детской
Оскалится злобно пасть,
И станут наше наследство
Кромсать, прожигать и красть.
– Нет, лучше уж быть на сцене,
У ангелов на крыле –
Пусть дальше несется время
На проклятом корабле.

* * *

Если нет духовника –
Заведи хоть хомяка.
И живите с ним вдвоем,
Пусть толстеет с каждым днем
И творит себе грехи
Для хомячьей требухи;
Будет сыт и обогрет
Он – хомяк и ты – поэт.

* * *

Чувства боли и трагизма
Двигут поршни нашей жизни.
Только ты не унывай,
Будь поэт, а не трамвай:
Электричество и газ –
Эта пища не для нас.

* * *

Золотистая кожа
И слоновая кость –
Как мы с Вами несхожи,
Как Вам нынче спалось?

Золотистая вечность
На морозном ветру,
Молодая беспечность
И тревожная грусть.

Годы вьются, как вьюга
Средь ночи ледяной.
Мы любили друг друга,
Да теперь все равно...
Никогда Вас не встречу,
Ваших рук не пожму.
Даже юность не вечна –
Почему? Почему?

* * *

Мне не надо ни жаркого меда,
ни хладного ада,
Покатилось кольцо –
потемнело лицо на пиру.
Вот и жизнь пополам,
а другой мне и даром не надо –
Все пройдет, все развеется,
словно туман на ветру.

Минут вешние воды,
останутся вещие строки –
Будто взгляд исподлобья
обиженных деток-сирот,
Чья-то женская доля,
застывшая возле дороги,
Да мужицкие байки,
да праздный нарядный народ.

Благодатью небес
осени нас, Надмирный Владыка,
Коль земной благодати
на свете, увы, не дано, –
Только вешние воды,
да пасхальные светлые лики
И блаженная память,
как чаша по кругу с вином.

* * *

Всё человеку поделом –
Играет музыка печально,
Склонился вечер над столом,
И взгляды прячутся прощально.

Друг друга нам не озарить,
И в солнцепеке роз венчальных
Изнанка будущей зари
Была сокрыта изначально.
И пусть мерцает разговор –
Под ним огонь и рвет и мечет,
И сыплются слова в костер,
Не озаривший нашей встречи.

* * *

Коль так созвучен небу птичий гомон,
А родники – июльской синеве,
Сотри с листа красу, отдай ее другому
И – помолчим о молодой листве.

Затянем лучше песнь о громовых раскатах,
О грязи неистоптанных дорог,
О том, что жизнь дана, чтоб умереть когда-то –
И будешь в этой смерти одинок.

И снова – синева. Над миром – птичий гомон
И – крики голосистой детворы.
Жизнь не устанет течь, отдай свой дар другому,
Оставь, как бог – средь солнечной поры.

* * *

Мужичок-с-ноготок зацепился за гвоздь
И повис возле самой звезды,
Но хватило ума ухватиться за ось –
И на полюсе двинулись льды.

Потекло все рекой, только ужас какой –
Затопило цементный завод,
И помчалась струя, прямо в вечный покой
Увлекая утопший народ.

Мы искрим, как гранит, в нашем горле хрипит
Вековая, кондовая злость,
Оттого и земля, как солома, горит
До корней золотистых волос.

От полярного льда вся разлилась вода
И возник Мировой океан,
Так земля и осталась вдовой навсегда –
Не вернулся ее Капитан.

От тяжелой воды сердце стиснули льды,
И пошло оно камнем ко дну,
Уберите подальше стакан от беды,
А не то я сейчас утону.

Вы до Судного дня не тревожьте меня
И не брызгайте мертвой водой,
На душе у меня иордань-попынья,
А под шапкой – рассудок седой.

* * *

Не бывает горше горя,
Выпивает капля море
И становится рекою –
Жизнь становится другою.

Жили-были два столба,
И у них была изба.
Раз поссорились столбы
Из-за прелести избы.
Разошлись у них пути –
И решил один расти,
А другой – весной цвести.
Вот несчастная судьба –
Два столба – одна изба.

* * *

Вот погодка – занять да выпить
За веселый приход весны
И за рамки приличий выйти
На просторы родной страны.

Пусть поэзия торжествует
Даже в виде хмельных причуд,
А общественность повествует
О приливе весенних чувств.

Солнце в марте всегда приятно,
А журчание вешних вод,
Как кошачья песня марта –
И доказывай, что не кот!

Жизнь идет через пень-колоду,
И, наверно, так жить нельзя –
Зная брод, не иду по броду,
Такова уж моя стезя.

* * *

Дольше века не длится день,
Ночь нас ждет неизвестно где,
Скажет только один пророк,
Для чего ты себя берег,
Жил да был из последних сил
И свой вес на костях носил.

Дольше века не длится жизнь,
За конец ее не держись:
Очень скользкий у жизни хвост,
Если века закончен рост.
Накопил капитал житья –
Подставляй свою часть жнивья.

Дольше жизни не длится жизнь,
День прошел – вот и спать ложись
И не думай, шальные сны –
Это верный признак весны.
Нам уже не сойти с ума –
Слишком радиус мозга мал.

* * *

Летит, как рой сухой листвы,
Курьерский поезд в ночь,
Он из горячей головы
Весь сон прогонит прочь.

Стучит, как каплями дождя
По мокрому стеклу.
И ты промокнуешь, уходя
В предутреннюю мглу.

Там люди спят или не спят,
И плачет чья-то дочь.
Там знать не знают про тебя
И не спешат помочь.

Стучат колеса, мы одни
Средь сонных голосов.
И лишь бессонный проводник –
Как маятник часов.

Впотьмах лишь тени говорят
И шепчутся огни,
Там фонари в пути горят,
Летят часы и дни.

А поезд мчится напролом
По городам ночным,
И ночь грозит ему крылом,
Как детям озорным.

Так дробно россыпь медяков
Рассыпана во мгле –
Так мы живем в конце веков
На пасмурной земле.

* * *

Как светел мир на грани сна –
Как малое дитя.
Прозрачны сумерки без дна,
Открыты всем путям.

Пусть воду осеняет крест
Над бьющим родником,
Пусть мимолетный лунный лес
Дрожит под сквозняком.

Я к вам когда-нибудь приду
И окна отворю –
Пусть звезды шепчутся в саду,
Предчувствуя зарю.

* * *

Любовную лодку качает волна,
И ластится черною кошкой она.
В глазах затаенно колышется блеск,
Ни берег не виден, ни небо, ни крест.
И ни огонька, а кругом глубина,
Лишь блудною кошкой скребется волна.
Любовная лодка, мы в море вдвоем,
Мы так одиноки на судне своем.
Сидим, отвернувшись, не смотрим в глаза,
Ни вымолвить слово, ни сказку сказать.
И берег не виден, и крепнет волна,
И тяжело вздыхает впотьмах глубина.

* * *

Райская погода, вольница весны –
Вы когда-то тоже были влюблены.
Синеокий ангел звал Вас за собой,
Да растаял в небе шарик голубой.

Не вернуться больше в прежнюю весну,
Не шагнуть с обрыва прямо в глубину:
Нет теперь сноровки ветреной души,
Не звенят подковки, голубь не кружит.

Было все и смолкло где-то вдалеке,
Только сердце бьется птенчиком в руке.

* * *

Люди бьются, как рыба о лед,
Мимо смотрят глазами пустыми,
Аэробус по небу ведет
Злобный дух, вопиющий в пустыне.

Первомай. Православный народ
Правит «Красную Пасху»,
Да и кто их сейчас разберет –
Все свершается наспех.

Собираются люди в полет
На оторванной льдине,
Бабка Сталину честь отдает,
Как скелет – медицине.

Вдоль по Питерской ангел бредет,
Завывая от горя.
А милиция дело сошьет,
А о нравах не спорят.

Навсегда улетучится дым
В облака мироздания.
Время минет, ты станешь седым
И тогда – «до свиданья!»

Люди бьются, как рыба о лед,
Только ангелов нет и в помине,
И никто здесь уже не живет,
Кроме лиц и фамилий.

Елена ИСАЕВА

«МИР МРАЧНЕЕТ, ЕСЛИ ОН ФИОЛЕТОВ...»

СУХОЙ МОСТ

Здесь торговцы прячутся в тень –
Вещи за себя говорят.
На Сухом Мосту каждый день
Прошное разложено в ряд.

Отголоски бывшей страны –
Карточки, значки, ордена –
Никому теперь не нужны,
И моя ли в этом вина?

Наклоняешь голову вниз –
Словно давит на плечи груз...
Старые афиши актрис –
Их любил и знал весь Союз.

Солнечный июльский Тифлис –
В изумрудном абрисе гор, –
Балерина, лыжница, лис,
Летчик – детства белый фарфор...

Где еще так лица чисты?
Взгляды статуэток лови...
То ли это мост без воды,
То ли это жизнь без любви...

Я давно не прошлым живу,
И не объяснить никому,
Почему с собою в Москву
Мальчика с собакой возьму...

Тбилиси, июль 2013

* * *

Все подробности стерты –
Лишь вода и земля.
Акватория порта –
Жизнь начнется с нуля.
И о чем промолчала –
Все зачтется в судьбе –
От винта, от причала,
К настоящей себе.
Чтоб не резала вены, а кивнула легко
И Венерой из пены
Уплыла далеко.
Что с собою берете?
Уходя – оглянись:
Акватория Поти
Поднимается ввысь.

* * *

Кончилось время деда Хасана
Снайперской пулей простой –
Там, где на гомон его ресторана
Грустно взирает Толстой,
Там, где пройдешь мимо Дома Ростовых
С робкой надеждой в душе:
Может, наступит время Толстого?
Сколько же можно уже?

* * *

А возраст мой такой опасный –
Не пожелаешь и врагу! –
Я в сорок лет себе несчастной
Любви позволить не могу.

Я не хочу тебя неволить,
Но в этом мне не прекословь:
Все, что могу себе позволить –
Одну счастливую любовь!

* * *

Стану бледною льдинкою
Между встречами редкими...
Не дружи там с блондинками!
Не ходи там с брюнетками!

Я работою выжата,
Жизнь не дарит оттенками...
Не тусуйся там с рыжими!
Не якшайся с шатенками!

Стоп! Выдумывать нечего!
Понимаешь – и таешь вся:
Улыбаясь там женщинам,
Ты ведь мне улыбаешься.

* * *

Они сливаются в одно:
Неважно – кто там сверху, снизу...
Но кто-то первым все равно
Включить захочет телевизор!
Но кто-то первым отстранит
Другого – типа, передышка...
На самом деле – все, финит
А ля... дописанная книжка.

Чтобы душу больше не калечить,
Чтобы не отмаливать года,
Проведи со мной последний вечер
Перед расставаньем навсегда.
Партия закрыта. Шарик в лузе.
Бесприютно-вольно на душе.
И твоя прощальная джакузи
До краев наполнена уже!

АНТИКРИЗИСНОЕ

Сколько нас, в глухую ночь ныряющих,
Вдруг на звук знакомый обернётся!
Этот джаз, в ночной Москве играющий,
Словно «SOS» с «Титаника» несётся!

И страна, вплывающая в кризис,
Всё равно отчаянно хохочет!
Как из трюма, задыхаясь: «Мы здесь!»,
Так «Ямайка» вырвется из ночи.

Повторится звук легко и чисто,
Остальное всё не повторится –
Это знают мальчишки-джазисты,
Это знает рыжая певица!

Гуд бай, май бэби. Поздно. ТЧК.
Нам не хватило места на земле!
У нас походочка – как в море лодочка,
И мы плывём на «Пьяном корабле»!

И спасая всё, что есть хорошего,
Память вдруг реальность подменила,
И танцуют все вокруг из прошлого –
Те, кого давно похоронила.

Смерть уходит, барной дверью хлопая,
Кларнетист любые лечит раны –
От Стамбула до Константинополя –
Американо... Американо... Американо...

Мало читаешь, не расширяешь словарный
Запас, мало гуляешь на воздухе свежем.
Не различаешь ударный и безударный,
Всё растворяется в какофонии, в промахе, в лаже...
Мало думаешь, мало дружишь и любишь мало.
Мало шепчешь целительных слов, нежных,
Не перетягиваешь на себя одеяло,
Стала почти незаметна и безмятежна.
Мало видишь вокруг оттенков, вещей, предметов.
Улыбаешься странно, почти виртуально.
Мир мрачнеет, если он фиолетов.
Жизнь скучнеет, когда она бездетальна.
Выбирайся, давай – начни хотя бы с простого –
Открываешь словарь и читаешь слово за словом...

Я не знаю, как устроен рай.
Может, это – море, пляж и тенты,
Сетка волейбольная, студенты...
Господи, прости мне... не карай.
И кафе открыто до восьми,
И безе выносят на веранду...
В эту волейбольную команду,
Господи, когда-нибудь возьми...

* * *

За взлет заплатится паденьем,
А после жизни будет смерть –
Себя за этим наблюденьем
Застать и все перехотеть.
И чувствовать спешить не надо,
Ведь вряд ли кто спешит в раю.
Там только тихий шелест сада,
Где нежно ангелы поют.
Зачем же ты в огонь глядишься –
На счастье или на беду? –
Не слыша, как стучат по крыше
На даче яблоки в саду...
Есть на земле подобья рая, –
Учись же радоваться им,
Как этот ёжик у сарая,
Довольный яблоком одним.

* * *

Направо пойдешь:
Любовь найдешь –
Покой потеряешь.
Налево пойдешь:
Покой найдешь –
Любовь потеряешь.
Сказка ведь ложь,
Что ж ты стоишь –
Смотришь с такой тоскою?
Прямо пойдешь –
Волю найдешь,
Где ни любви, ни покоя.

Как по покойнику, отвой –
Он больше не любимый твой.
Он так... Ходячее пальто...
Мираж, нелепость, тлен, никто...
Того, кого любила, нет.
Летишь одна среди планет,
Летишь, сожженная дотла.
Опять... космическая мгла.

* * *

Мы даже не знакомы, вроде.
И не враги, и не друзья.
Зачем, зачем она приходит
Повсюду, где бываю я?
Вот здесь я с ним в кино ходила,
Здесь он впервые начал врать...
Я отдала ей все, что было!
Мне больше нечего отдать...
Вот здесь ложились тени на пол
От проезжающих машин,
Вот здесь счастливый дождик капал
И судьбы тайные вершил.
А здесь витринная подсветка
Вдруг озаряла суть вещей...
Я в прошлое вступаю редко,
Я не хочу туда вообще...
Но сердце бьется, сердце бьется,
А на войне, как на войне!
Мне очень нелегко дается
То, что дается все же мне.
Когда ни жизнь, и ни искусство
На помощь к вам не поспешат,
И девальвированность чувства,
Казалось бы, не избежать...
Зачем же вновь на наши лица
Витрины той ложится свет?
Вот что она понять стремится...
Но не найдет ответ.

Борис ЛУКИН

ЕСТЬ В СЕРДЦЕ СТРАННЫЙ КАМЕНЬ ОГНЕН

РУССКИЕ

Упираясь головой в небеса,
Как в последний – затянули пояса
И воскликнули: «Доколе нам терпеть!»,
А сильнейшие сказали: «Лучше смерть».
И досталось – слабейшим умирать
Долго-долго; и в молитвах помянуть
Сильных, славных...
Где отец и где там брат?
Именами их – детишек называть.
И к тому, что стало с нами, – привыкать.

Видно, правда, что всему на свете срок.
Даже смерти.
Вторят дети: «С нами Бог!»
И тогда мы в образа – глаза в глаза;
Учим с детками, что надо бы сказать...
Подпирая головою небеса
И покрепче затянувши пояса.

* * *

Я помню, в детстве «Мама ждёт»
важнее нету слов,
что там – за снегом и дождём –
глядят раз сто в окно...
Ей нет роднее ничего,
чем я
и тень моя...

Мной позабудется легко.
Всё годы затемнят.

Но день придёт: прильнёшь к окну,
глазочек надышав,
и сам заглянешь в ту страну
счастливых малышат.

Шепнёшь во тьму: «Ну, как вы там?
Всё ль помните меня?..»
Ответом –
в дом,
устав летать,
ворвётся ребятня.

МЕДВЕЖЬЯ РЕКА

Вода ушла под плавники,
под камни,
трущиеся брюшья,
под плодоносные пески,
став вязкой жидкостью горючей.
Так нагревается река
от прущей
друг по другу рыбы.
Так яхты мира ждут регат,
и паруса от нервов – дыбом.
Шипенье пенящихся тел,
влеченье к таинству горбылью...
Начало,
жаль,
я проглядел...
но не медведи...
те – здесь были.
Они врывались поперёк,
движенье жизни – не помеха,
трепало их, как стебелёк,
и выдох рыб бежал по меху.

Вгрызались,
жадничать не смев,
в оранжевую
вечность,
в тягу
к рождению,
в звёздную купель
вторгаясь,
в чешуи изнанку.

И понял я – у них в горбах
бьёт плавниками,
трётся
 молодь.
Не слышит этого рыбак,
не видит,
 жизни новой полон.

А берег цвёл от медвежат
и каждым камушком дрожал.

САХАЛИНСКИЙ ЗАЛИВ

...Двух нивхов – смотрителей моря, сетей
и рыбы, входящей в окружье хмельное –
я долго смотрел... и тогда по воде
мой разум ушёл, как медведь, на зимовье.

Что толку в ту даль по полжизни глядеть,
коль даже без женщины столько не выжить?
А может, они, пробежав по воде,
смекают, что в говоре рыбьем им слышно.

Куда мне понять... Они тысячи лет
вбирали в себя эту тайну земную.
Хоть сладостно вьюги поют по зиме,
но вжись не понять эту рыбу немую.

Река, конечно, скоро стронется...
Вовсю цепляясь в берега,
Не миновать весенней вольницы,
Что воспёт поэт в стихах.

Не миновать грачей в проталинах,
Скворцов, снующих у летка,
Веселой неминуемой тайны
Зовущей – жить...
не умирать.

ТОЛЬКО ВЕСНА

Странно в мире... Спокойствие. Будто весна
Свет не задела своей огнедышащей трелью.
Тихо, привычно трамваев стучат семена,
Сыпясь на стыках... но искры в утробе не спеют.

Спеет равнина, клочками срывая снега.
Зреет река, возбужая рыхлистую ледью.
Птицей на ветке, чей щебет по капле стекал.
Солнцем на взгорке, чей профиль по-мартовски меден.

Мною, тобой и детишками, спящими всласть,
Ждущими мира душевного, лада телесно-земного.
Кто это выдумал злую такую напасть
Не замечать:
по весне
нету спасенья иного.

ЖИЗНЬ

Ветер, говоришь...
Дышит
атомом каждым весна.
Щебет - как булка
пышный
иль игристо-пенно вина.
Облако снегом талым,
серою твердотой
напоминает старый
колодец с чёрной водой.
Землю сравнить...
и не с чем...
Забыто и выглядит,
как...
А впрочем:
как милая
вечером,
кормящая дитя.

Всё – таинство
понабрякшее
без умысла напоказ,
разломишь
и ешь
так мякишек,
скорее –
парной пока.
И нету предела щедрости
особенной в первых днях.
У вёсен беззубы челюсти.
Нет похоти –
жизнь одна!

Женщина моя отошла ко Господу,
зимнюю реку посуху перейдя.
Не успокоюсь, снова прочтя в Апостоле,
что жена – слава мужа, добродетелю
нагу цена – медяк.

Посему жена и теперь спасает мужа?
Палочка-выручалочка, что ли, в раю она?
Словно планеты тени вокруг Бога кружат.
Звёздочкой малой ты ли глядишь с окна?

СОНЕТ 39, ЗЕРКАЛЬНЫЙ

1.

Сонет тридцать девятый из Неруды мне рассказал,
что жить совсем нетрудно.
Он с первых строк моим всецело стал.
Там про тебя, как будто ты – чилийка,
и бронзой кожи с местным схожа людом,
и профиль твой – ацтечки словно лик.

Я путаюсь в народностях и датах,
всё потому, что сердце жжёт утрата,
так землю зной бесплодною творит.
Увы, нет рядом нежных рук твоих.
Когда твоей заботой мир не убран,
не приготовлен расцвести поутру,
не вздыбят вены рек судьбы туман,
не вспомнит сердце жизни аромат...

2.

Но помню я, как вымерзшую розу
теплом ты оживила рук своих,
водой живой и мёртвой напоив,
лучом с небес так солнце сходит просто.
Ты не одна, с тобой твоя семейка:
лопата, тяпка, лейка, дружно все
врачуют грядки, чтобы поскорей
цветущей зреть ожившую земельку.

Горжусь, люблю... мозолей не стесняюсь
я рук твоих... Веселой птичьей стаей,
нет, роем пчёл, вся – льнёшь к душе моей.
И чудо: камень сердца охладевший
теплом ладоней, словно жаром вешним,
согрет, поёт: что смерти больше нет.

Две тыщи лет так безнадежно
И так легко на свете жить.
Времён последних льётся нежность
От горних данная вершин.
А мы по-прежнему беспечны,
Жадны, унылы и срамны.
Мы помнить будем это – вечно –
Во оправдание вины.
А то, что там про нас не помнят,
Поверить можно,
да – нельзя:
Есть в сердце странный камень огнен,
И дух в сем горне не иссяк.

Что за умница, любимая моя.
Успокоилась и смотрит на меня,
Словно в облачке слетела, рядом сев,
Полюбив во мне и тот и этот свет.
Я гляжу, не налюбуюсь, ангел мой,
Души-странники вернулись домой;
Неужели нам не надо больше слов:
Бог – одно,
оно же, стало быть, – любовь.
Позабудем человечески слова,
Но не это вот одно...
...Не эти два.

НАМ ПРО ТО ГОВОРИЛ ЛУКА

И опять меня в грусть опрокинет
неприсутствие рядом тебя,
словно в этом я сам повинен,
а не просто деньки летят.
И всего-то на миг расстались.
Вот инет, и мобильник тут.
Я, наверное, слишком старый –
мне твоих не хватает губ,
говорящих о всём на свете
от Украины до подруг,
глаз твоих и волос, что ветер
рук моих развеивает вдруг.
Этих, Боже ж ты мой, словечек,
смеха, шепота, тишины...
они помнят про то, что вечны
мы... на свете не только сны...
мы не тени, не отголоски,
даже если на сутки врозь,
мы, как дети наши, –
подростки,
нам, как в юности, –
вновь везет
жить
и в муках любви нежиться
звездной матери на руках,
не войны мы, из мира беженцы...
Не про то ль говорил Лука?
Чтобы грусть не терзала душу,
чтобы тело бросало в дрожь
от признания «ты мне нужен»,
от вопроса «уже ли ждешь?»

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА

Что тебе в этой Сороти?
Река, мил друг, как река.
Осенью тонет в золоте,
а летом в грязи бока.
С холмов –
с одного хоть с третьего
взобраться, коль хватит ног:
округу вложи в конвертики,
как в детстве в подушки сон,

и разошли их по свету
с Балкан до чухонских скал
или развей их по ветру,
лети, мол, моя тоска;
чихали чтоб други-вороги
с того, что мне не до них;
и, верно, мои тревоги
уже не вмещают дни;
читаю Четьи-Минеи я,
к земным ли брожу, к Святым –
долечиваюсь, виденья
и ночью и днём видны.

ТОСКА

В пыли дорог устав, нет мочи,
за Волгу плыл... Там перед ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим...
Так было... но теперь иные
здесь виды – тусклые, больные,
и волны бьют у самых стен
монастыря – предвечный плен.
И я тут был: чрез пень колоду
валили мы лесов простор,
чтоб реку вывести в затвор,
пустив века-веков под воду.
«Кто знал, что вождь наш был неправ?» –
так думал я, к мощам припав.

Герою моего романа
усладно было вспоминать
чернила Керженца в тумане,
и что огромная страна
вдруг просыпалася к работе,
не зная о своей свободе
и ведая, что счастье – есть;
в тумане падших звёзд не счесть.
А ныне нам отец Владимир
про Желтоводский монастырь
поведал явь, как будто сны:
что лики кажутся лишь дымны,
то чернота нисходит с них –
с картинок лет переводных.

* * *

Когда я думаю о долге
перед людьми, их – предо мной,
смысл слова враз сбивает с толку,
и «долг» становится «виной».

Жизнь с первых слов вгоняла в краску.
«Тебе не стыдно?» – спросит мать.
И представляю я огласку.
И впору лечь и умирать.

А раскрываясь в новом смысле,
«любовью» становился долг.
Прёт лошадь в гору воз, вся в мыле...
Хозяин зол. Хозяин строг.

С такой любви – одни тревоги,
печали буден, горечь встреч.
И всё чего-то должен многим –
не скрыть себя, не уберечь.

Но вспоминается позднее,
что долг-то красен платежом,
и оттого ещё большее,
и сам себе уже смешон.

Так заплутавшийся в трёх соснах:
любви, виновности, стыда, –
или раздай все серьги сёстрам,
иль со свету сживёт среда.

Не знаешь и куда податься.
Не вековать же одному.
И долг взывает к силе вражьей:
на бунт, на кровь... во тьму коммун.

Когда-нибудь века страданий
вернут простой и вечный смысл
ещё не названному знанью,
что называли «долгом» мы.

* * *

Всё, чему учился в жизни я,
передал, сынок, тебе сполна.
На твоей коленке – мой синяк.
На глазах – моя же пелена.
Солнце всходит – я его зажёл
и к порогу нашему привёл.
Помню, ты сказал:
«Как хорошо».
Я подумал: «Видимо, не врёт».

* * *

Снег пошёл. Да это Небо
Тянется к земле.
Чтобы нам, кому там не быть
Жить не по себе.
Чтобы тело прозябало
Не с того, что стынь –
Потому что оторваться
Трудно от земли.

ДРУГАЯ СКАЗКА

Вернулась речка в берега,
И обжита скворечня...
А мне Ивана-дурака
Судьба легла на плечи...
Не то, чтоб завистью влеком,
Но точно – не по чину,
Совсем забыв про стариков,
Почти дурачину.
Почто приметила судьба,
Свалив под ноги золото?
...Была бы вислюю губа –
Тогда уж, вроде, ладно...
Тут – ни горба, ни сундука;
Одна мечта да вера,
Да чуть умения в руках,
Да стыд сидеть без дела.
Таким он вышел на базар
И объявил народу:
– Бери, что хочется глазам;

Плати же – чем угодно.
На золотишко всякий хват;
И отдавали с лишком –
И честь, и совесть, и права
На предков и детишек.
А ввечеру подбив итог,
Карман наружу вынув,
Забрал с собой Иван, что смог:
Всё, что взвалил на спину.
И вот теперь к землице гнут
Чужие честь и слава,
И на погостах – крест к кресту,
Безродных птах орава.
Другому б это не поднять...
А дураку – забава...
Растёт под боком ребятя
Дурацкого всё нрава.
Хоть рядом, хоть издалека,
Гляди, спешу навстречу –
Судьбе Ивана-дурака
свои подставив плечи.

ПРОХОЖИЙ

Николаю Лугинову

Здесь совсем другое небо.
Этим звёздно-снежным небом
по-за-сыпан двор.
Здесь порою нету хлеба;
и за этим самым хлебом –
так уж выдалось поэту –
топчут ноженьки простор.
Дед мой Пётр ходил за солью
к Волге на паром.
И не думалось об этом.
Вспомнилось потом,
как стоптал тропкою снежной
пару-тройку валенок,
матернувшись, делом грешным,
словно сбив окалину...
Устоять бы...
И по тропке
в горку,
с горки –

вытерпеть...
Снег шершав, как хлеба корка.
«Сам хотел,
так вот тебе!» –
я шепчу.
Звезда морозит.
Тьма с размаху
оземь
бросит
тело и слова
прошагавшего за хлебом;
разбери –
землёй иль небом
шла душа жива...
Тот,
кто выдумал порошу,
Тот,
кто хлеб небесный крошит –
Он вовеки прав.
Путь земной
и путь небесный,
То ли звёздный,
то ли снежный –
всё не разобрать.
Словно в храм,
бреду тверёзо
к деткам –
ждут в тепле –
отвечать на их вопросы
к небу и земле.

Вячеслав АР-СЕРГИ

А Я ОСТАНУСЬ С РОДНИКОМ

ВСЕНОЩНАЯ

Ах, ночь ты постылая,
В рамке окна –
Осень унылая.

Голые ветки облезлые,
В лужах уснувших –
Листья опалые.

В теми небесной –
Шторой задернутой,
Звездочки нет ни одной.

На подоконнике ясная
Свечка горит
Одинокая.

Путнику светит она,
Дорогой бредущему тяжкою –
Свечка одна.

Скоро уж вся догорит...

Но затеплит рукою девичьей
Свечечку новую
Ангел....

Февраль 2012

ВЕТЕР...

(слогом притчей Деда Кокана)

Трепет бессонных ночей,
Нежность заветных речей,
Гнев своих сил молодых,
Наивность идей озорных:

Я бросил на ветер,
На ветер, на ветер
Родины милой моей...

Годы трудов неоплатных,
Рассветов тугих, незабвенных,
Прощаний с людьми – задушевными,
Стычек с людьми – окаянными:

Я бросил на ветер,
На ветер, на ветер
Родины милой моей...

Строки мои полюбовные
Читали глаза равнодушные,
Песни мои незастольные
Пели певцы забубенные.

Камни с дорог, мною пройденных,
И вина бокалов – весёлых, печальных,
Своё ожидание светлого дня,
Где сам отпустил бы грехи у себя:

Я бросил на ветер,
На ветер, на ветер
Родины милой моей...

ГОБУСТАН*

Я стал валуном серо-жёлтым
В городе грустном, с виду суровом –
Солью морской иссушенным,
В память свою заключенным.

Песчинки любви сжаты в памяти той,
Песчинки прощаний и пепел костров,
Песчинки слезинки горючей, сухой,
Подвластные воле осенних ветров.

Оливы колышутся передо мной,
Чинар застывает чужою чертой,
Море поет камням упокой –
Как отходную их жизни простой.

* Гобустан – археологический заповедник в Азербайджане: 1) наскальные изображения, 2) древние стоянки и др. объекты периода между верхним палеолитом и средневековьем.

Камнем я в темное небо гляжу,
Слышу дыханье соседних камней,
Рисунком наскальным себя награжу –
Обличьем коня, что меня помудрей.

Он знает сквозь горы дорогу домой,
И каменный всадник будет попутчик
Ему к луговине, до боли родной –
Оживший уколом верблюжьих колючек.

Баку, 20 октября 2011

РОДНИК (песенка)

Чуть засветло уходят рыбаки
На берега неведомой реки,
А я останусь с родником,
Что зажурчал сегодня под холмом.

Кораблик бумажный по волнам пушу
И об ушедших светло загрузу:
Им не прожить без великой реки,
А мне по душе мал-мала родники.

Чистой воды я в кувшин наберу,
Песню для милой нежней подберу:
Хватит воды для любви с родника,
Пусть уж не мне громыхает река.

Июль 2011

ЗАГИТОВА СЛОБОДА

Алесю Карлюкевичу

Утро струилось, округа дремала,
В небе поблек отпечаток звезды.
Калитка в подворье томно скрипела –
Я уезжал из тепла Слободы.

Десять шагов к ожиданию авто
Я прошагал, словно Тит, сквозь лета –
Не оглянувшись назад, а не то –
Я б не уехал в свои города.

С яблоньки падали фрукты,
Слышал их стук за спиной –
Прощанье готовя, упали минуты,
А в них был – у Друга постой!

Как оберег в дорогу свою
Затитовый свет я взял у звезды,
Что и во снах мечту окрыляла мою –
Что не уеду из той Слободы...

2008 г. Беларусь, Пуховичи, с. Затитова Слобода

ОТЕЦ

Отец мой был романтиком –
Электриком, старателем и моряком.
Под перелив его гармони
Слезу пускали даже кони,

Что на лугу паслись ночном.
Они смотрели на Луну
Глазами рыбы подо льдом,
Забывшей, что она – в плену.

Грустна была гармошечка –
Отцовских бед «клавир».
Не оттеняла самогоночка
Его тоски сапфир.

О чем отец грустил?
Не знаю по сей день...
Чего себе он не простил?
Берез укрыла тень...

Сегодня думая о нем...
Я бы купил аккордеон,
Коньяк с трёхзвёздочным лицом,
Но в небеса уплыл
отцовский галеон.

НА СТЕКЛЕ

Виновата ли я,
Что ты хмурый
Стоишь у окна?
Не видя меня,
Не видя себя
В вымытом мною
Стекле?

Виновата ли я,
Что улыбка ушла
С лица твоего?
Что удача прошла
Стороной от тебя...
И о чем ты молчишь
За бутылкой пустой?

Виновата ли я,
Что в машине своей
Надежной рукой
Не волнуешь колено мое?
Что забыл ты открыть
Передо мной свою дверь...
Перестал подпевать
Нашей песне весной...

Подойду я к окну,
Посмотрю на себя,
Но увижу одни
В закорючках слова –
Партитуру молчанья
Луны немоты:
Виновата во всем,
Виновата в одном,
Что вины твоей нет
Совершенно ни в чем.

* * *

И грустно триединство:
Тебя со мной,
Меня с тобой
И одиночество
Твое со мной.

Тем одиночеством со мной
Ты скреплена одной
Заглавной нитью золотой,
Что одиночество твое –
Со мной.

Сквозь толщи фраз
И гипс тщедушных тел
Живая рана – как наказ
Ухода с равнодушья дел:

Он возвращает меня к той, –
До кончиков волос родной,
На свете ведь у ней одной
Все одиночество –
Со мной.

РЯБИНУШКА МОЯ

(по мотивам удмуртских народных песен)

Наше солнце сменяет Луна,
Нашу зиму сменяет весна.
Чёрный локон волос – седина
Обовьёт, как крепка пелена.

А дорога лунная мне не тяжела,
У весны пробудная песня весела.
Чёрный локон блазнится тёмной колеёй,
Седина протравлена белой сулемой.

Мне восточный ветер весточку прислал,
Полынёвый запах душу опростал.
К пепелищу родному память привела,
Без меня рябинушка сушью замерла.

Под веткою рябиновой лягу на снежок,
Не найду подушечку – положу ледок.
Пепелище родное мягко подо мной,
Одеяло тёплое – ветер под Луной.

Хорошо забытому под звездой заснуть,
Память окаянную в поясок заткнуть.
Рябина индевелая апрель мой сторожит,
Про любовь обманную ветка шебуршит.

МАРТ

Ангел летал над парком больничным,
И падал пушистою ватою снег...
Люди прижались к оконцам невзрачным,
Не видели ангела, знали – он здесь.

И ангел шалил, как ребенок,
В берёзок жердинки стучал,
Он вьюгою снег выдувал как слонёнок,
И свечкою в небо взмывал.

За окнами люди ему улыбались,
Друг к другу поближе они становились –
От этого стало им сразу теплей,
А жизни дороги свои и – светлей.

Тут ангел присел, завозился с застёжкой
На сандалете своём золотом,
Спешил он заветною стёжкой
К своей ангелице, любовью несом.

И вскоре вспорхнул из больничного парка,
Позёмкою беглой следы заметал...
В горле комок от такого подарка...
Наш снеговик на воротах стоял.

7.03.2013

ГАДАЛКИНЫ ПРИМЕТЫ

Кисти калины – монистами – к свадьбе,
Стройные ели – к встрече друзей.
Ромашковый луг – волною морскую спешит
Он к тебе,
Бегущий ручей – ушедших уж лет
ничего нет быстреей.

Росы серебро – это к деньгам и удаче,
Деньги и золото – к дорогому свиданию,
Сумерки вечера тайного – к наградам раздаче,
Туманы утра – с любовью своей к расставанию.

Мы ищем друг друга приметы –
Гадалке доверившись в ночь...
Приметам найдутся ответы,
Лишь только бы боль превозмочь.

Та боль от ушибов, увечий,
Полученных непониманьем,
Что не обойтись без величий
Слёз и обид пред прощеньем.

Мы ищем приметы друг друга
Во днях и ночах – отовсюду...
Снегам и дождям подруга-разлука
Путь ворожила мне как заслугу.

27.02.2013

ПО СУДЬБЕ

Глоток воды – в жару,
Кусочек хлеба – в голодѣ,
Пиджак – подбитый на ветру,
В обувке хлюпает вода...

А это тоже – жизнь. Моя, твоя
И очень многих, многих и других...
Глубока да нерусска, крепка колея
Столбового пути – без прямых.

А в зеркале лицо меня изводит
Вопросами о том: да почему и как
У нас и жизнь живут,
Где всё – никак, но всё же – так?

А всё живут
От деда истиной – в цене :
Не по закону,
Не совести, душе ,
Не по любви
И по понятиям,
Да не по Богу
И не сатане...
А также –
По Судьбе
И несудьбе...

31.10.2012

ЗИМНЕЕ...
(по С.А. Есенину)

В руки взял, как поэта награду,
Я замёрзший кленовый листок...
И не скрыться теперь за ограду –
Одиночества вышел весь срок.

Мне подпой, воробей, по зиме!
Моргни прорубью глаз, стынь-река...
Загрустят матерински по мне
Камы милой в лесах берега.

И ворона в логу подпоёт,
А за нею синиц, снегирей хоровод...
И под валенком скрип ветерок разнесёт –
Песню Родины нашей метель обметёт...

Но не холоден ей высоченный сугроб,
Под сугробом – наш дом!
Где по нотам кленовых листов мы поём –
И вдвоём, и втроём... вчетвером.

07.09.2015

ЛУННЫЙ БАЛ

Ты видела – падают звёзды
К вашим ногам – как тогда...
Деревья присели на отдых
На лунное небо пруда.

Чуть слышно родник прошептал
О том, что забылось в годах...
Как нежно тебя обнимал
Под листопады в лесах.

Для вальса среди планет
Светился Луны торшер,
И нет уже слова «нет»
На шёпот-призыв, mon cher*.

* mon cher фр. (мон шер) – мой милый.

...Прошёл лунный бал,
Таксист на руле придремал:
Он в грёзах на бал приезжал,
Тебя танцевать приглашал...

ДРУГУ

От города в сторону Камы –
Родная деревня моя,
Памятью доброй ведомы
Вернёмся туда – ты и я.

А помнишь рассказы мои
О нашей деревне в логах...
Ведь знаю неверья твои
О бывших у нас чудесах.

И скромно скажу, как всегда:
Наш народ далеко знаменит,
У него – непроста простота,
По-удмуртски с Судьбой говорит.

Он умеет работать на славу,
Он умеет сплясать с огоньком,
От зерна отмеряет полову,
Не обносит друзей первачком.

...А деревья столбами стояли,
И цепями гремел чей-то пёс...
Слишком юными мы уезжали –
Хоть и ангел нас бережно нёс.

22.10.1015

ОКТЯБРЬ

Кисти рябин прихватило
Колким морозцем ночным.
Грустью в груди защемило... –
Дымком потянуло печным.

А в прошлом мы чинно уселись
За щедрым семейным столом –
Как будто бы птахи слетелись
Над домовитым гумном.

Вот в центре стола – перепечи
И шанежки горкой лежат,
Душевной беседы предтечи –
Пузатые рюмки стоят.

А вот и удмуртской гармошки
В окошко стучит перебор,
Хозяйской дочурки сапожки
Несутся скорей на угор.

Вот там плясунам-то раздолье –
Осенние свадьбы звенят!..
Я помню фартовое счастье –
Девчонок глаза маяками горят...

...Но застыли рябинами в поле
Октябри мои в снежных дождях:
Лишь один всё гуляет на воле –
С ним дружили мы в юных летах.

29.10.2015

ЛЕТЯГА

Летяга слетела на ветку...
И белке совсем невдомёк:
Она не похожа на птичку –
Восторженной плоти пушок.

Но всё же летяга – летала!
Как планер с раскрытым крылом,
Нередко нас с неба видала
Смеющихся вместе с дождём.

И дальше летяга летала
У берега, над соснячком...
Но нас уже не повстречала
Стоящих под вишней-дичком.

Не слышала, как мы смеялись
Над снегом, бураном, пургой,
Не видела, как мы обнялись,
Прощаясь пред новой весной...

25.11.2015

ВЕТЕР ПОКАЯННЫЙ...

А во дворе пустом
И ветру – скукота...
Сидит он под окном
Теперь как сирота.

А если б вышла ты,
Он бы с поклоном встал,
Пригладил бы цветы,
Но лезть к тебе не стал.

Он бы стоял в теньке,
Переминался и вздыхал,
И бурей в городке
Тебя бы не пугал...

Из-за него вчера
Так быстро ты ушла...
В такие вот ветра
Ты рядышком прошла...

16.12.2015

МОЯ МЕЧТА

Не босиком мечта моя ходила
Удмуртскою дорогой непрямой,
Из простенького жбанчика не пила
Удмурточки хмельной настой.

И на плотях она не плыла
За льдиной грозною весной,
И с копкою картошки не спешила
Под дождь осенний ледяной.

Она копеек сроду не считала
Средь своих банковских счетов,
Она со вздохом не смотрела
На фото южных островов.

Зато она всегда летала
Меж белых-белых облаков,
Меня с небес не замечала
Средь замолчавших чудаков.

Но слышу я мечту свою
В журчаньях наших родников...
Свою печаль верёвочкой завью –
Ковчег мечты без парусов...

29.01.16

ЗИМНИЙ ДОЖДЬ

В Ижевске любят про погоду говорить –
Гадать, судачить, покумекать и решить:
Куда и в чём пойти, а может быть,
Про все дела и позабыть...

Усесться на диван с чайком –
Неспешно думать о своём...
О прошлых днях вздыхать –
Себе по морде надавать...

А за окном – такая непогода,
Там ливень, буря и невзгода,
А дома – хорошо, светло,
От капли коньяка тепло...

Но и в раю не в радость одному –
Нет дела до Адама никому...
Кряхтя я встану, вон пойду
И Еву вредную найду...

03.02.2016

Алексей ВИТАКОВ

СУМРАК СОЗВУЧИЙ

А помню, деревня была без названья,
Грибник семилетний по пояс в хвоще.
Из мудрого детского непониманья
Смотрел он: «Зачем им так много вещей?»

Старуха Агафья, а может быть Дарья...
Сказала, прищуриив забельменный глаз:
«Он камешек Богом зовет и в кармане
Таскает его. Вот такой он у нас!»

Ушло за увалы комяцкое лето.
Туман уже прятал звезду в бороде.
Я понял тогда, одиночество — это
Болезненный мальчик в осенней воде.

Старуха... не то Акулина... иль Марья
Добавила: «Жалостлив. Как подрастет,
Деньгу не сшибет, бабу вряд ли ударит.
Я чую таких завсегда наперед».

Мы в ночь уходили. Прибрежные камни
Опутывал мрак. Растворялась во мгле
Деревня, как жест из времен стародавних.
Лишь камешек долго горел нам вослед.

Был ливень впрямь. Был ливень вкось. Был ливень сквозь.
Холодный август чешуей скользил меж сосен.
Латала бабушка и вешала на гвоздь
Мои рубашки: «Ничего, потом износит».

А быт тяжел. А быт — как бык. А быт — как лось.
Глушь леспромхозная. Таежный век без края.
Но золотился от свечи веселый гвоздь.
Спешил опавший лист на запах каравая.

Так хорошо лежать и, корочкой хрустя,
Смотреть, как всадник тенью вырос от заплаты.
И слышать: «Господи, пребудь в нем, как дитя,
От гроз сегодняшних до зорь его закатных!»

Был ливень в сон. Был ливень в ночь. Был ливень в день.
А быт — да был он. С той поры прошло немало
Но всякий раз в канун Успенья вижу тень.
Промчится всадник — жизнь завертится сначала.

Глухая ночь. Смешливая река.
Луна — в воде. Косматый берег чахнет
Над ней, и остро хариусом пахнет
Зеленая котомка рыбака.

Зажги костер. Присядь удобней. Пусть
Твой слух твоя рука опережает.
Смотри в огонь. Пиши, как на пожаре,
Выучивай шум ветра наизусть.

На двадцать строк — пятнадцать крепостей,
Которые без штурма не сдадутся.
Лишь пять всего откуда-то прольются.
Вернутся, словно дети из гостей.

Дай уху слышать, а руке бежать.
А если не бежит — стоять на месте,
Как звезды слышат жаберные песни,
Качаясь на волнах и чуть дрожа.

Дослушайся. Побудь на берегу,
Пока багрянец утренний не брызнет.
Что за душой твоей? — случайность жизни.
Да хариус — ответишь — на уху.

Звякнет луна медяком по окошку.
Вскрикнет сова.
Да проскачет горбун
над перелеском, болотом с морошкой.
Дернет калитку, заглянет в избу.

Носом пошмыгает: все ли на месте?
Черную лошадь
поставит на двор.
Углями печь перестанет потрескивать.
Всадник наткнет сапоги на забор.

Ляжет на доски. Укроется бреднем.
Он еще остро
и так, как никто,
помнит ребенком старуху в переднике
ветхом –
поверх мехового пальто.

Вспомнит владенья крапивы кусачей.
Мох, озаренный
брусничным кустом.
Мост. Меж опорами промельк русалочий,
бырь, заметенную волчьим хвостом.

Вспомнит, как детям рассказывал сказки
старый охотник
про духа тайги.
И улыбнется — какие все разные
в отсветах тихо бегущей реки!

Вспомнит, как парус зачатъя все выше
в ночь уходил
к одинокой звезде.
Сорванный лист проплывает над крышами.
Светится в воздухе, словно в воде.

ЗАВИСТЬ

Когда же ты кончишься, блудный певец!?
Когда попадешь в невода!?
Когда же с ума ты сойдешь наконец!?
Вот смеху-то было б тогда!

Зачем по-звериному воешь во мрак!?
Ах да — снова музыка сфер!
И, черт бы подрал, все не хочешь никак
Скрипеть на плакатный манер!

Ну хоть бы ты спился, скатился с колес!
Так нет же, глядишь мимо лиц,
Твердя про какое-то пение звезд,
И в вытяжке слушаешь птиц.

Песком между пальцев куда-то бежишь,
Бормочешь под нос, не дыша.
Из сломанной кости какой, расскажи,
Твоя народилась душа!?

Она — истеричка и полный слабак,
Марина твоя! Разве нет?
Мычанье твое про наклон ее лба
Совсем уж невысказанный бред!

Еще из нее — про наклон вроде рек..!
А думать пора про почет.
Чего не измыслит больной человек,
Издавшись за собственный счет!

Скорей бы свершился тот праведный суд
Над ветром, что выпью кричит!
Когда уже вирши твои разнесут
По мусорным бакам грачи!

Налетела однажды гроза на рассвете.
На меня из небесных пещер
Выезжал черный ворон на велосипеде
В развеваемом плаще.

Он педали крутил, растопылив колени.
Сладковатый дымок изо рта.
Толпы призраков серых и струи растений
Шелестели за ним по пятам.

Крупных градин была толчея у подъезда.
«Конь» под вороном цепью гремел.
Из колес его спицы с пронзительным треском
Рассыпались в клубящейся тьме.

Тарабарщиной рынка свинцовые капли –
По асфальту, по крышам, по мне.
И стояла душа моя горькою цаплей.
Оперенье прилипло к спине.

И сквозь хохот вороний, сквозь ветер бумажный,
Сквозь грозы разъяренную медь
До меня докатилось: «Всё жду вот, когда же
Я к другому смогу улететь?»

Я не раз еще буду грозою разбужен.
И не раз душу встречу свою.
Так и будет она длинноногая в луже –
Расщепленный, лоснящийся клюв.

А быть может, себя представляя к награде,
Всю промокшую насквозь ее,
Впереди себя ворон на раму посадит
И умчит в королевство свое.

Речушка там коленками дрожит,
Подол приподнимая иван-чая.
Лобастый берег облака считает,
За голову ладони заложив.

Изба, окном повернутая к югу,
Чтоб дольше журавлям глядеть вослед.
Орел витает в небе. По земле
Лениво ходит тень его по кругу.

Старухи-сосны отсидели корни.
Чернеет муравьиная строка.
Из неба, как из зеркала, рука
Выходит и в траве медвежьей тонет.

Висит дорога в воздухе и клочья
Горячей пыли на немом столбе.
Душа листает воду в старой бочке
И смотрится – и нравится себе.

Спи, отец. Легка седая глина.
Помню, как ты, между прочих дел,
Всей своею сутью ястребиной
Жизни научить меня хотел.

С той наукой спорить было глупо.
Виноват – на Бога не пеняй.
И взлетал ремень. Сжимались зубы.
Ничего. Терпи. Запоминай.

Руки настезь – хрустнули суставы.
Настезь все – глаза, улыбка, грудь,
Синяя наколка с лесосплава.
«Нет, сынок, о ней пока забудь!»

Поворотом лба в иное время,
Но о нем ни слова, лишь намек.
На руки взял мать, в одно мгновенье
Небо повернул в глазах ее.

Ты любил беседовать без смеха.
Я любил, глаза полуприкрыв,
На плечах твоих куда-то ехать,
Белый свет за волосы схватив.

Я – «Тридцатьчетверка»! Со мною – на «Вы».
Имею все ж полное право!
Во мне экипаж: Константин из Москвы,
Володька и Имантас Грава.

Еще мы все вместе и папой зовут
Костяна, а Граву зверюгой,
Володька — старшой. Дело наше — мазут.
А грязь — боевая подруга.

Рву с места. По нам артиллерия бьет.
Ложится на землю пехота.
Механик-водитель — из Риги — ведет
Меня на немецкие доты.

— Ну, я за Москву щас! — сказал Константин
И выстрелом польшко вздыбил.
— Давай, папа Костя! — кричит командир, —
Давай за Смоленск и за Рыбинск!

Давай же за Ригу и за Ленинград! —
А враг уж бежит, не догонишь.
— Да тихо вы, черти, ё! — рыкнул комбат, —
Ведь это ученья всего лишь!

Всего лишь ученья, товарищ комбат!
А я вспомнил хлебные крошки.
А мне показалось, что тигры горят.
И вьется дымок козьей ножки.

А мне показалось, я вышел один
К деревне. Теперь она наша.
Пылает земля. Закурил Константин.
В глазах его зарево пляшет.

Я — «Тридцатьчетверка»! Я выжил один!
Покрытый немеркнущей славой!
Во мне экипаж: из Москвы Константин,
Володька и Имантас Грава!

Семьдесят с лихом эстонцу. Словам
Придавал он большое значенье.
— Здравствуйте, Роберт Иваныч..!
— И вам... Леша, как вы там? Как баба Ксенья?

Семь у эстонца козлух и венюк,
Подпоясок, дырявая лейка,
Борода, крошки сыра, кирзовый сапог.
– Вы в какой класс изволите сей год?

– В пятый, – ему отвечаю.
– Ну-ну. Заходите на сыр. Угощаю. –
Он о сыре любил. Никогда — про войну.
– На войне, Леша, люди дичают.

К чему это он? Вязнет сыр на зубах.
В нос бормочет. Я не понимаю.
Вот ведь, экая конская рускость в глазах.
Жаль. Такие быстрее сгорают.

– Ну, Роберт Иванович, спасибо...
– Иди. Может, сыра в дырявые руки? –
Улыбнулся. Я в сени. Зеленый мундир.
И медаль «За Великие Луки».

Яшка скользкий, как обмылок,
Вор — ни дать ни взять.
Он на горлышках бутылок
Может станцевать.

Перочинный нож в кармане.
В голенище плеть.
Яшка жизнь не отнимает,
Он дарует смерть.

У вербованных зарплата,
Дыбится карман.
В колья местные ребята
Взяли молдаван.

Рухнет кто-то, как осина,
Вздрыгнут лопухи.
Завтра девушка Марина
Сочинит стихи.

Кровь по бешеным рубашкам.
Вот уже кто где
молдаване. Только Яшка
Бьется в борозде.

Волосы, как черный ворон,
За спиной барак.
Яшка держит нож за горло,
В этом он мастак.

Фикса, бойкая деваха,
Братка, Кистенек,
Вспашут от шнифтов до паха,
Довершит Мысок.

Рухнет кто-то, как осина,
Вздвогнут лопухи.
Завтра девушка Марина
Сочинит стихи.

Яшка пятится к бараку.
Падает в золу.
Но вскочил, рванул рубаху.
Взял бензопилу.

Не реви, не плачь, осина.
Навсегда усни.
Завтра девушка Марина
Много сочинит.

Наконец-то крикнул кто-то:
«Шухер. Уходи!»
Все рванули на болото,
Яшка впереди.

И пропал. Скрипит осина –
Тяжелы грехи.
Пишет девушка Марина
Грустные стихи.

ПО СТАРОЙ СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГЕ

Только ястреб, только ветер,
Только белый снег в окно.
Ястреб ждет, когда проедет
Мой серебряный «рено».

И такая чуть живая
Вьется ниточка во мгле.
До Смоленска снег не тает
На трепещущем стекле.

Кружит в небе мой пернатый:
Камнем вниз, стрелой вдаль,
То по кругу, как распятый,
В каждом перышке печаль.

То невидимые звезды
Он спешит крылом обнять,
То хватает клювом воздух,
Что-то силась мне сказать.

Слышу крик его безумный:
– Сколько не был! Как ты мог..!
Вот пожалею, не думай...
Пусть тебя накажет Бог.

– Что ты, – отвечаю, – бредишь?
– Нет, – кричит, – прости. Нет сил!
Я боялся не доедешь,
Как и к той, что позабыл!

Не доедешь, не домчишься.
Сгинешь где-то в стороне.
И уж больше не приснишься
Ни Смоленску и ни мне.

Вечер. Поле. Снег. Ненасье.
Где дорога? Не видна.
Только в небе кружит ястреб,
Словно выпавший из сна.

Руки никто не подаст, коли падаешь в грязь.
И ты, сочинитель, помни: никто не отмоеет...
Опять этот кто-то выводит меня на связь
Со светом потусторонним, а значит, и с тьмою.

Ну что, малышка, ты хочешь ещё стихов?
Поверь, это может закончиться очень скверно.
Всего лишь однажды, случайно открыв засов,
Не сможешь забыть странный шум за ветхую дверью.

Для снобов, мещан и глупых филологинь
Поэзия – лишь принадлежность к заветной касте.
Закрой эту тему, а лучше и вовсе задвинь.
Клади на неё... она не приносит счастья.

Кто ведает: стану ли я твоим?
Но если стану, то ты будешь самой лучшей.
Со мной обходись, ну так, как с душевно больным,
Когда вдруг за мною явится сумрак созвучий.

Спустился вечер. Тень на огороде,
Отброшенная жимолостью. Вдруг
Рука из бочки медленно выходит:
«А ну-ка, подойди сюда, мой друг!»

Бежать скорей, скорее же туда, где
У отмели коленки в синяках.
Но и оттуда медленно рука
Ползет наверх, дремавшая в засаде.

Бегу. Она прыжками, как лягушка,
За мной. Собачий лай. Калитка. Мать.
Мне восемь лет. Я прячусь под кровать.
И просыпаюсь утром на подушке.

Словно голосом ступая над огнем,
Заводила речь соседская старушка.
Кудри бесом белым – истинный содом.
А глаза на ниточках, как у лягушки.

Говорила сказку долгую, а в ней
Домовитый гном смеялся над медведем,
Великан жевал соломинку во сне,
И веселый людоед на драндулете.

Словно зарослями собственных кудрей
Шла она, порой глаза поднять не смея.
И фамилия похожа на «пырей»,
Из калаш огромных – тоненькая шея.

Кто она была? И как попала к нам,
В край, где трактор пробивал себе дорогу?
Плат не носит, говорили, эко срам!
Скот не держит, говорили, срам, ей-богу.

То ли Клара, то ли Кира – как-то так.
Как не скажешь – нет, не угодишь в копейку.
Ни могилы толком. Дом. Гудит сквозняк.
Да береза проросла сквозь телогрейку.

Не бывает истории у счастливых.
Гром не задержится на раскате.
Он, словно хоббит на самокате,
Промчится под окнами. Ахнут сливы.

Удивленный тополь от Б. Пастернака.
Синь в узелке – еще не разлита.
В нем что-то есть, Борис Леонидыч,
От вашего лба и вашего «плакать».

Я укроюсь за ним. Но гром будет меток.
Дерево рухнет, не сдюжив напора.
И между сердцем моим и горлом
Оттиснет навеки черную ветку.

Навсегда счастьем меченый, бестелесный.
В точке одной, одном измерении.
Капля встает на носки. Мгновенье.
И вот полетела, чтобы исчезнуть.

Олег ВОРОПАЕВ**ПОЛЫННЫЙ ВЕТЕР СТОНЕТ НАДО МНОЮ****КАРЕЛИЯ**

Без холода смеха,
без холода грусти,
в дощатом «Париже», не стоящем мессы,
свободные вирши слагать безыскусно
тяжёлому небу и чёрному лесу,
где каждый извечен,
и каждый случаен,
и в соснах закрученных нордовый норов,
и одинокие высверки чаек
острыми клювами жалят озёра.

МУРМАНСК

Быстрое лето. Руки костлявых трав
тянутся к чёрным квадратам размытых окон.
Северный город на тех же семи ветрах.
Северный город в сером плену сопок.

Палевых туч лёгок полярный аллюр.
В доках лимонную водку пьют капитаны.
Под кораблями старый залив хмур.
Спит ледокол – лижет волна раны.

Северный город. Чего же ещё ждать?
Северный город. Рябиновых дней лето.
За маяками – веретено дождя.
Тёмные скалы... Ветер.

ПОГОЖИЙ ДЕНЬ

Смотрю в глаза красавицам прохожим,
Чему-то улыбаюсь про себя.
Какое счастье – этот день погожий!
Какое счастье – просто жить, любя
Весь Божий свет, и в нём себя немного,
Как малую частицу бытия...
Какое счастье – лёгкая дорога,
Слепящий снег и молодость моя!

* * *

Давным-давно, когда меня в походе
Сразила печенежская стрела,
И умер я, и жадно птицы зла
Мне выклевали очи на восходе,

Не ты ли долгий век меня ждала?
Не ты ли, сквозь медлительные годы
И осени дождливые исходы,
Из волн небытия меня звала?..

Не верю я, что это повторится.
Другие времена, другие лица.
Истлела печенежская стрела.

И ты со мной... Но чудится порою:
Полынный ветер стонет надо мною,
И ты одна... и в небе птицы зла.

ДЕТСКИЙ ПОРТРЕТ

Жизнь – это больше, чем перечень лет,
Больше, чем проводы в старость...
Весело смотрит мой детский портрет
На седину и усталость.

Что ему годы грядущих забот,
Скучных дорог километры?
В детской улыбке наивно живет
Вера в попутные ветры.

Мальчик доверчивый, мальчик смешной,
Сердцу не сладить с годами...
Лишь иногда я бываю тобой –
В дни возвращения к маме.

* * *

меж выгоревших сопок
в городе
где белые ночи
и где ещё жив отец
в северном городе
с дымными трубами серой промзоны
и сонными криками чаек
в вечном шестнадцатилетии
тихо бреду
об руку с теплым дождём
и послеполуночным солнцем

РУССКАЯ ТЕМА

В горле хрип. Гуляй, деревня!
Дед гармонику достал
на причале довоенном,
у поклонного креста.

Эх, «трёхрядка»-замануха!
Каблуки вбивают пыль.
Озорная молодуха
зазывает на кадрили.

Над коленями оборки,
усмехающийся рот...
За деревню, на взгорке,
кто не пляшет, тот поёт.

Водка плещется из кружки...
«Да ничто!..» Ещё нальют!..
И склоняются друг к дружке
почерневшие избушки,
в землю вросшие по грудь.

* * *

В мачтовых соснах
игольчатый дым лета.
Матовый полдень
остановил солнце.
Медленной чайкой
в небе остекленелом
облако тает последнее
у горизонта.

Травы горячие
из желтизны поля,
как часовые,
соцветий штыки –
в небо.
Травы горячие
завтра умрут стоя,
вечности прежде напившись
из глаз утра.

Сонная память...
Дальней реки русло
линию жизни
врезает
в ладонь лета.
За миражами,
над желтизной поля –
сонная память...
высохший вздох ветра.

* * *

Звучанье вокзала. Огни электрички.
Царевну встречаешь?.. Княжну?
Условности к чёрту и к чёрту кавычки.
Встречаю чужую жену.

Давно ли казалось – чужого не надо.
Краплёная карта – не в масть.
И вдруг леденящая страсть конокрада –
Украсть!

И не было лучше... и не было хуже.
Непойманным вором живу...
Огни электрички. Вокзальные лужи.
Встречаю чужую жену.

БАЛЛАДА О ЗВЕРЕ

Затравили охотники дикого зверя.
Он спасался, как мог, в растревоженной чаще.
То к земле припадал, то, покою не веря,
Вдруг летел напролом, ошалело-пропавший.

И ушёл бы... да псы отыскивали по следу,
И загнали в болотную мутную жижу,
И осталось на псовую эту победу
Безнадежно и злобно хрипеть: «Ненавижу!..»

Подоспевшие люди стрелять расхотели,
Но прикладами долго и весело били.
А потом, по решению пьяной артели,
Полумертвого зверя, смеясь, оскопили.

И отправили в город, в железную клетку,
Для забавы детей и весёлых прохожих...
Но очнувшийся зверь, доедая объедки,
Перестал быть на дикого зверя похожим.

Лишь во сне беспощадная память болела,
Возвращая его в непролазные чащи.
И тогда он рычал тяжело, очумело
И спросонок метался по клетке смердящей.

И глаза его ненависть вновь излучали,
Молчаливую ненависть праведных судей.
И казалось, бессильные слёзы кричали:
«Люди добрые!.. Где же вы, добрые люди?..»

* * *

Из сырости тумана над рекой
Унылых берегов посмертный слепок.
Заснеженный рассвет на стыках веток
Ласкается шершавую щекой.

Чужая, позабытая планета
На грани обозначенных веков –
Ты так же бесконечно далеко
От этого щемящего рассвета,

В обыденности ночи новогодней
Оплакиваешь всех – кого угодно, –
И рядом опечаленная смерть,

И тот же полуобморочный город,
Где времени разрушенная твердь
Рассветным снегом сыплется за ворот.

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА

Полказны разорил для принцессы одной...
Усмехнулась она, не любя:
«Дорогого ли стоит твой герб родовой?»
Я сказал: «Не дороже тебя».

Я в боях за неё сто врагов истребил,
Сто достойных и дерзких ребят.
Рассмеялась она: «Сколько стоил твой пыл?»
Я сказал: «Не дороже тебя».

Трубадуром я в дальние страны умчал,
О принцессе повсюду трубя.
Вдруг письмо: «Сколько стоит,
чтоб ты замолчал?»
Я в ответ: «Не дороже тебя».

* * *

Нам не осталось даже немного
Тихого счастья вечером снежным,
Чтобы в окошке луна и дорога,
И разговоры о чём-то нежном.
Всё наизнанку, всё по-другому –
Нервные взгляды, беглые встречи...
Не извиняйся, режь по живому,
Это, случается, тоже лечит.

Поздно считаться – кто неподсуден,
Поздно считаться – кто непорочен...
Просто от боли выжженных судеб
Руки распались в холоде ночи,
И не осталось даже немного
Нежного света снежного утра...
Тихое счастье – это от Бога.
Долго ли?.. Коротко?.. – не было будто.

* * *

Лесная охота. И я камышовый бог.
Смешной повелитель дней перелётного царства.
А ночью в смолёном срубе – брусничный грог
И тёплая печь, как высшая степень барства.

Какая любовь и какая там жизнь была,
За этим ольхово-голым угрюмым раем,
Как будто не помнят тяжёлые два ствола,
Когда в перелётные души во тьму стреляют.

Таёжного эха раскатисто-спелый смех.
Мотивы тумана на белые сны похожи...
А где-то за далями валится первый снег
И стороны света простуженный ветер гложет.

* * *

всю голубую огромность
летающего мира
вдруг ощутить над собою
в летней степи засыпая
и раствориться
в пылающем звоне цикад
в нервах травы
и не думать о смерти

Владимир СОРОЧКИН

БЫВАЮТ ДНИ

КАКОЙ ПОРТНОЙ...

Какой портной в пресветлой горенке
Под шорох ветра и планет
Смог без сучка и без задоринки
Сшить воедино этот свет,

Соединить сиянье месяца
И синеву звенящей мглы...
Посмотришь – жизнь твоя поместится
На острие его иглы.

ПОТАЁННОЕ НЕБО...

Потаённое небо вишнёвого цвета
Разольёт осторожно – волна за волной –
Тёплый чай утонувшего в зелени лета –
Терракотовый, терпкий, тугой, травяной.

Что за тени толпятся за нами, пугая?..
Ничего ты не скроешь: таи – не таи...
Как горьки на беспечных губах, обжигая,
Родниковые, глупые слёзы твои.

Улыбнись! – и не будь так строга и предвзята. –
Уходя, я навек забираю с собой
Глаз бесценных твоих акварельную мяту,
Смолянистый чабрец, золотой зверобой.

ЗНОЙ

Дорога шла туда, где начинался зной,
И собственную тень притапывали ноги.
Лес крался по бокам, и воздух слюдяной
Тлел над песком прямой, как долгий взгляд, дороги.

Вдоль просеки, едва покачиваясь, плыл
Свод сосен и берёз, оттягиваясь мимо,
И радужница, сев в накатанную пыль,
Была, как всё вокруг, – чиста и недвижима.

Всё замерло на миг, протяжный, как юла
В движении своём на месте без запинок,
И бронзовый испод застывшего крыла
Сравнился с чешуёй обветренных песчинок.

Казалось, что вот-вот – и лес и высота
Смешаются, совпав в частицах и ионах,
Найдя единый тон, пролившись, как вода,
Вобравшая цвета от синих до зелёных.

Казалось, жар сейчас сомкнётся, завладев
И всем и вся окрест – потерянно и слепо...
Но дрогнули крыла, и бабочка, взлетев,
Вернула на круги земную твердь, и небо...

СИРЕНЬ

О, как спешит сирень цвести,
Когда ночами бьёт остуда.
Шепчу: «Прости меня, прости,
Моё нечаянное чудо...»

Пусть я ни в чём не виноват,
Но – посмотри, как – изнывая,
Сирень горит, слова горят,
Своей вины не сознавая.

Готов вобрать духмяный вихрь
Любой каприз, любую шалость,
Когда дыханье губ твоих
С небесным сумраком смешалось.

Как густ и сладок аромат
Цветенья, мая и печали.
Мы столько лет уже подряд
Лишь этим воздухом дышали.

Так неразрывны и просты
И бесконечны в дымке смутной
И эта жизнь, и май, и ты,
И этот день сиюминутный.

НА ОБЛАЧКЕ

Костёр уже замрёт вот-вот,
Погаснув без затей.
Гнездо из дыма птица вьёт
Среди густых ветвей.

В такой глуши, в такую тишь
Исповедем покой...
Но никого не удивишь
Идиллией такой.

Цветенье яблонь. Полузной.
Огня дрожащий взгляд.
И откровенен – белизной –
Пропахший дымом сад.

А мы с тобой знакомы пять
Минут, а может, лет,
Но всем словам моим не спрясть
Тебя и этот свет.

А день растёт, как снежный ком,
И я в своей глуши
Тебя рисую угольком
На облачке души.

ЧЕРЕМУХА ЦВЕТЁТ

Как ночь черна! Черёмуха цветёт,
И кажется – за неимением веры, –
Что в этом городке – наперечёт
Знакомы мне все улочки и двери.

Я здесь – впервые. В мареве весны
Пусты глухие окна, как стаканы.
Спит городок. И сны ему тесны,
Но так наивны и благоуханны.

Лишь нависает влажною стеной
Черёмуха, обрушиваясь в плаче.
Ты – далеко. Ты даже не со мной.
Ты – там, где всё иначе. Всё иначе.

Как ночь черна в углах зелёных ниш!
Как жжётся запах, ластясь пеленою...
Я жду звонка. Сейчас ты позвонишь
И эту ночь рассеешь надо мною.

ПУСТЬ ХОЛОДНАЯ ТЕНЬ...

Пусть холодная тень пробежит по судьбе,
Но лишь станут прочней нас связавшие нити.
Как легко каждый миг вспоминать о тебе –
Невесомой, как летнее солнце в зените.

Эти дни, словно сны пролетают, и в них
Остаётся надежда сияющим следом.
Как легко о тебе вспоминать каждый миг
Бесконечного дня, осиянного светом.

Не хочу ничего забывать и менять.
Не прервётся горчащая память живая.
Как легко каждый миг о тебе вспоминать,
Нити солнца в волшебный клубочек свивая.

ТЫ ПРИХОДИШЬ ДОЖДЁМ...

Ты приходишь дождём, ты себя не жалеешь совсем.
Ты становишься явью, окутанной терпкими снами.
Но чем ближе хотим мы друг к другу приблизиться, тем
Всё безбрежнее пропасть невольно встаёт между нами.

И, как будто пульсируя, дни обращаются вспять,
Оплывая тягучей водой по иссеченной раме,
И, когда я к тебе прикасаюсь, – опять и опять
Разрывается небо, утробно играя громами.

Ты приходишь дождём, неразрывной сплошной пеленой,
Ты смываешь ту ложь, что минувшие годы не смыли,
А когда исчезаешь – вокруг растекается зной,
Оставляя меня задыхаться в потерянном мире.

Но мне страшно тянуться к тебе, преступая черту,
Чтоб прильнуть, чтоб уткнуться незряче в продрогшую шею,
Чтоб не видеть в зрачках твоих трепетных ту пустоту,
Что собою заполнить уже никогда не сумею.

ОСЕНИ ПРИЗНАКИ ЯВНЫЕ...

Осени признаки явные
Видишь на каждом шагу.
Слышно, как падают яблоки
В стареньком нашем саду.

Дальнее поле распаханно –
Всё – из полос и заплат.
Дверь ненароком распахнута
На догоревший закат.

Можно простить и покаяться,
Можно забыться виной.
Вместе с тобой мы пока ещё,
Ты ещё рядом со мной.

Помню себя каждой толикой
Только твоим и ничьим.
Пахнет зелёной антоновкой,
Детством и небом ночным.

И расставаться не хочется,
Но, словно загнанный зверь,
Из темноты одиночество
Смотрит в раскрытую дверь.

КРОНЫ СОСЕН

Кроны сосен, словно невод,
Лишь нащупывая дно,
Процедили наше небо –
С облаками заодно.

И, почти придя в упадок,
Сквозь игольное ушко
Лето рябью голых пяток
Через озеро ушло.

Но ещё деньком последним
Задержалось по пути
И, скользя по соснам медным,
Улыбается: прости!

Знаешь, пряча в клетках пледа
Грозовой озноб разлук,
Мне до боли жалко лето,
Ускользнувшее из рук.

Пусть уходит остальное,
Но ещё, как тихий скит,
Это озеро льняное
Нас с тобою приютит.

Там, где солнце на ладони,
Где, не чувствуя вины,
Кроны сосен, точно клоны,
В небеса устремлены.

НОВОГОДНЕЕ

Мы можем не видеться днями,
Но всё же – по-детски ясны, –
Кружат над твоими полями
Мои новогодние сны.

И мне их хватает с лихвою,
Когда, засыпая на миг,
Я кутаюсь в жаркую хвою
Декабрьских объятий твоих.

Сквозь снег – запашистый, как ландыш,
Бенгальский горит огонёк,
И хрупко мерцают гирлянды
Печалям моим поперёк.

Но где-то за белыми снами
Лежат, как начало пути,
И жизнь, что прошла перед нами,
И поле, что не перейти.

ВЕРХНИЙ СУДОК

Эта речка бежит, как подранок,
По оврагу, вдоль топкой тропы.
Никуда ей не деться из рамок
Берегов и бетонной трубы.

Неказиста и неприхотлива,
Знай, свои обдирает бока –
Даже в бурную пору разлива
Не бывает она глубока.

Но и ей, неуёмной, по нраву –
В пору тёплых туманов и гроз
Напоить и деревья, и травы,
Приютить плавунцов и стрекоз,

Пригубить из весёлой криницы,
Из болотины взять тишину,
Прожурчать, прозвенеть, проструиться
И сорваться – с разбега – в Десну.

БЫВАЮТ ДНИ...

Бывают дни пронзительного счастья,
Когда, уже почти сойдя на нет,
Душа не разрывается на части,
Но воедино связывает свет,

За тенью жизни – призрачной и длинной –
Скрывает и безверие, и зло,
И трещины замазывает глиной,
Как ласточка разбитое гнездо.

КАЗАЛОСЬ, ВСЯ ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ...

Казалось, вся жизнь впереди.
Коль молод – плевать на потери.
Но шёпот твой: «Не уходи» –
Меня удержал возле двери.

С тех пор пролетели года.
Я столько оставил и вышел
Из столько дверей – в никуда,
Но слов этих больше не слышал.

Давно отшумели сады,
Давно уже выросли дети,
Но шёпот твой: «Не уходи» –
Ещё меня держит на свете.

ПОСМОТРИШЬ ВСПЯТЬ...

Посмотришь вспять – а всё уже пропето.
Ткёт паучок одежду тишине.
Перетекает в осень бабье лето,
Лишь холодок проходит по спине.

Зима катит в глаза, но и тем паче
Мне дней не жаль, сгорающих дотла,
Пока у жизни есть ещё в запасе
Хотя бы искра Божьего тепла.

ДВА ВИТЯЗЯ

Сузилось небо, как сеть.
Сжалась звенящая высь.
Там и сошлись, где не грех умереть.
Только на том и сошлись.

Накрепко сшиты копьём и мечом
Жизни и смерти края.
Первый спросил у второго: «А в чём
Верная правда твоя?»

И он услышал в ответ тетиву
Жгучую, как суховой:
«Правда моя – что пока я живу,
Правды не будет твоей».

АНГЕЛ

Пред собой я так близко увидел чело
Золотое, как свет, и благое, –
И одно – точно солнце – горело крыло,
И синело, как небо, другое.

И ничто не смущало саднящий покой,
Лишь лучи расходились тугие.
Я спросил у него: «Почему ты такой?..
Почему твои крылья такие...»

Я тянулся к нему, словно пыль на стекло,
Можно было потрогать рукою
И одно, что горело как солнце, крыло,
И, подобное небу, другое.

Но исчез он, и меньше не стало огня,
Лишь рассыпалось ветром горячим:
«Я такой, чтобы ты не увидел меня
Меж землею и солнцем парящим...»

ЗАВТРА

Ни одна из примет своему же не внемлет совету:
Жить, как все, сохраняя подобье покоя и сна.
Я не знаю, что там, где нас нет, но по дольному следу
Сумасшедшей зимы – сумасшедшею будет весна.

И спасибо тебе, рассыпающей жизнь, как орехи,
Как об стенку горох, подбирающей нужный ответ.
Нам никто не простит ничего – ни грехи, ни огрехи,
Но – глаза закрывая – теряют огни, но не свет.

Это только сейчас, только здесь – и нигде на помине:
Этот вечер, зовущийся утром, да час с небольшим
Ты спешишь быть собой, потому что сейчас и отныне
Есть сегодняшний день, становящийся завтра чужим...

ОТЫСКАТЬ...

Звезда над водосточною трубою
Висит, как будто капелька стекла, –
Будь дождь сейчас над улицей рябою,
Она б в трубу на землю протекла, –

Исчезла б, сверху вниз переплывая,
Вслед за хмельной водой пустившись вскачь,
Чтоб расколотся, камень оплавляя,
Пытаясь в луже небо отыскать.

ИЮЛЬСКАЯ ГРОЗА

Вкус лета безнадёжно горек,
Вот и сейчас, подмяв дома,
Гроза обрушилась на город
Ордой, сошедшею с ума.

Опять сверкнуло по соседству, –
Как волны, бьющие в причал,
Пытливый град, подобно сердцу,
По пыльным стёклам застучал.

И, грохоча машинкой швейной,
Над параллелями квартир
Вода пробила день ничейный
Сплошным потоком чёрных дыр.

Ни сожаления, ни спора...
Как бесконечен этот дождь!..
Наверно, ты вернёшься скоро –
На землю грешную сойдёшь...

ВИКТОР КУДРЯВЦЕВ

СИРЕНЬ, РАСПЯТАЯ НА ПЛАХЕ...

* * *

Снова ночь. Ни конца ни краю.
За окном не видать ни зги.
На кого я вас оставляю,
Неотпущенные грехи,
Жестяные мятые трубы,
И кумач, посреди двора,
В предрассветном ознобе губы,
Голубое лекало бедра,
Соловьи, гудки, лепетанье
Полусонных березовых рощ,
И последнее, с Ларой, свиданье,
И нездешний, стеною, дождь...

Снова ночь. Ни конца ни краю.
(Подскажи, Господь, помоги!)
На кого я вас оставляю,
Ненаписанные стихи...

* * *

Опять Победа. Но без мамы,
Ее кургузого плаща,
Косынки, вянущих тюльпанов...
(«Умаялась, пока дошла!»)

Опять нестройный залп салюта.
Шульженко. Витька с Моховой.
И бесконечная минута
Над непокрытой головой.

...Мерцают на могилах свечи:
Андрей, Настёна, дед Иван...

И расправляет мертвым плечи,
Как в 41-м, Левитан.

* * *

Всё об одном... Всё об одном...

За пыльным маминым окном
Несутся тучи табуном,
И стонут ветлы, поле, дом...
А ты, глотая черствый ком,
С обидой, горечью, стыдом –

Всё об одном... Всё об одном...

* * *

Синицы пропали. И люди пропали.
И белые груди к окошку припали.
И в комнате стало темно и уютно.
Я помню тот день за минутой минуту.

.....
Синицы пропали. И люди пропали.
Тонули в сугробах молочные дали.
И мальчик в худом, затрапезном пальтишке
Прижался к олешине зябкою мышкой.

Синицы пропали. И люди пропали.
И к вечеру буря утихнет едва ли.
И мальчик бежит, под горою помешкав,
На зыбкую точку – по вешкам, по вешкам.

Синицы пропали. И люди пропали.
Сначала, прижавшись друг к другу, молчали,
Потом – растирали ладони до хруста,
Смеялись. И пахло волнительно-вкусным...

.....
Синицы пропали. И люди пропали.
Как холодно маме в ее одеяле.
Укрой же, Господь, сиротливость ночлега
Спасительным, чистым Рождественским снегом.

* * *

Дождь декабрьский барабанит по крыше –
Снова твой гроб забивает гвоздями.
Мама, ты, конечно, меня услышишь
Там, в своей глубокой глиняной яме.

На дворе – Новый год – веселый праздник,
Такой веселый, что завывать бы волком;
Достает из мешка детство и дразнит:
Отыщи попробуй в стогу иголку.

Недотрога снежная, как же грустно...
Если честно, – хочется удавиться.
На столе всё есть, только в доме пусто,
Только на фотографиях – любимые лица.

.....
И ты, мама, старилась в одиночку,
Всеми забытая в четырех стенах,
Стыдясь попросить родного сыночка:
«Побудь со мною, ведь я не полено!..»

Катая во рту мандарина дольку
До боя курантов, говорила Богу:
«Он у меня заботливый, вот только
Опять забыл, что у мамы изжога...»

Потом улыбалась светло и кротко:
«Ложись-ка, старая, пожалуй, поздно...»
Пахло валерьянкой в доме. А в окна
Смотрели чужие яркие звезды.

* * *

«Без меня вам трудно будет, детки», –
Повторяла перед смертью мама.
...Уходил во двор, стыдясь соседки, –
Сколько можно, – как с ребенком, прямо!
Обойдусь без причитаний длинных
(Позади, считай, полжизни с гаком).

...Липла к сапогам слепая глина.
Выла за бугром, в селе, собака.

Прожит день, пустой и неуютный,
Мается вдовцом холодный вечер.
Мать встает из гроба на минутку:
Мальчику накинуть плед на плечи.

* * *

Ведь это ты, скажи мне, мама,
Приходишь каждый раз к шести?
И все зовешь меня упрямо:
«Сыночек, Витенька! Впусти!..»

А мне – не вымолвить ни звука.
(На мокром скошенном лугу
Стою, схватив тебя за руку,
И все проснуться не могу).

Ну, вот опять: «Сыночек, Витя!..»
А мне и губ не разлепить, –
В удавке пуповинной нити
Решаю: «Быть или не быть?», –
Ни там, ни здесь, а где-то между
Судьбы, зажатой в кулаке...

И голос, потеряв надежду,
В рассветном тает далеке.

* * *

Бьется или не бьется?
Тикают или нет?
В руки вновь не дается
Серенький злой рассвет.

Что там, Господи, дальше
Брезжущей полосы,
Что остановится раньше:
Сердце или часы?

* * *

Мне вчера не впервой показалось, –
Эта боль, что насилует грудь,
Навсегда под крестом прописалась
И задушит меня как-нибудь.
Может, в мокрой, вонючей постели,
Может, в поле у тихой реки...

(Разве могут спасти, в самом деле,
Даже лучшие в мире стихи.)

* * *

*Осот – сорное травянистое растение
семейства сложноцветных.*

Ты же знал, что никто тебя не спасет,
Нелюдимый колючий и злой осот,
Чей удел – межа, чьих грехов – охапка.
Так зачем же ты ожил и вновь зацвел,
Соблазнившись на пестрый весны подол,
Дурачок, – поверил дразнящей тряпке?

Ты же знал, что все будет именно так:
В голове – пустота, у щеки – кулак,
За окном – затраханная природа:
Пустыри да дымящаяся труба...
Вот и вся твоя нищенская судьба
Посреди бесплодного огорода.

* * *

Снова в мертвом доме не сидится.

Плотью набухает мокрый снег...

Темные, глубокие глазницы
Поднимает к Небу человек.

И бегут по терниям щетины,
Горячи, бессильны, солоны,
То ли слезы преданного Сына,
То ль потеки бешеной слюны.

* * *

Стали с годами циничнее, суше
(Боль и обиды, попробуйте, взвесьте!..)
Законопачены ватую уши,
Не проникают недобрые вести:
Умер сосед. Разлюбила супруга.
Смыло пол-острова где-то цунами...

(Этот ли плакал над мертвой пичугой
Желчный старик в пионерской панаме?..)

* * *

А вечно только зло.
Ну, может быть, разлука.

Опять белым-бело.
На кладбище – ни звука.
На кладбище – покой
(С картины Левитана).
И хлебушек ржаной
Над полыньей стакана.

ОСКОЛКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (Эпитафия)

Л.М. Турчинскому

Стихи, стишки, стишата,
Стишочки, может быть...
Хотели все ребята
Под Блока закосить,
Ахматову, Бальмонта,
Любяра, наконец...

Ценители афронта,
Насильники сердец
Хорошеньких курсисток,
Кудрявых писарей,
Ораторш голосистых,
Чекистов-упырей
Строчили дни и ночи
По вздыбленной Руси,
Желали все, короче,
Парнасский крест нести.

Кто истово и верно,
Кто только за паек,
Те – обличая скверну,
Те – вознося порок:
Нимфеток-проституток,
Иуду, кокаин...
Смердящий поезд жуток,
А Бог на всех один.

Стихи, стишки, стишочки...
Розалия в Крыму.
Страна дошла до точки:
Кто к стенке, кто в тюрьму,
Кто за море навечно,
А кто на Соловки...
Миндальничать, конечно,
Советам не с руки.

Процокали копыта
Пегаса, на убой,
И пулею пробита
Звезда над головой.

...Рифмач, трибун вчерашний,
Щебечущая б...

А все же было страшно
Любому умирать.

* * *

Я хотел самой обыкновенной вещи – любви.

Г. Иванов

Отравлен «Распадом атома»,
Не помню, в который раз.
(Острее ножа анатома
Язык ядовитых фраз.)

В зверинце бездомных Цутиков,
Поэтов, пленительных шлюх
Нездешнюю дивную музыку
Улавливает мой слух,
Стихи и грехи де Садовы
(Праведников и б...)

Пожалуй, трущобы адовы –
Прибежище лучших людей.

* * *

Сирень, распятая на плахе
Июньских адовых ночей,
Когда умаялся Морфей,
И тело в бязевой рубахе
Ты мял под стонущие ахи
В объятьях душных простыней.

Увы! дыхание Гипноса
Бросает в дрожь осенний сад.
В нем запахи теперь царят
Разлуки, тления, навоза...

Глухая пыльная заноза,
Безжалостен твой аромат.

* * *

По твоей улыбке можно было сверять часы.
Если ты опаздывала, они отставали тоже,
Уронив на пол виноватых стрелок усы,
Замирали лягушкой и маялись в темной прихожей.

А дальше неинтересно: пружины порванной звук
До сих пор комариным писком впивается в темя...
Разве можно исправить творение Божьих рук,
Остановивших совсем не часы, а седое время.

* * *

Даже после этого можно жить,
Даже после этого можно спать,
Зябкую синицу с руки кормить,
О судьбе России стихи писать.

А тогда казалось – рассыпья в прах!
А тогда казалось – сгори в аду!
Корчилося коростою на губах
Имя чужестранное – Неприду.

Что же мы за люди? – смешки в ответ,
Что же мы за твари? – скажи мне, Бог,
Прежде чем погаснет в палате свет,
Прежде чем мне сделать последний вдох.

* * *

«С тобою буду до конца,
До самой точки
Свечою, каплею свинца,
Слезою дочки,
Горбушкой хлеба, колеей,
Мерцаньем тела,
Соломой, теплою золой,
Страницей белой...
Моею болью каждый грех
Вперед оплачен».

...А вот же взял растаял снег
Всего лишь за ночь.

* * *

Вздремнуть на часок хотя бы,
Да сон позади.
Ручная нежная жаба
Прижалась к груди.

Ни кожи, вроде, ни рожи...
Губы холодок...
А так на счастье похоже,
Что в горле комок.

...Чужие мягкие боты
Шуршат за стеной.

«Ну что ты, дурочка, что ты!
Ведь это – за мной...»

* * *

Четвертый раз проходит
Под окнами старик:
Сутулый. Трезвый вроде.
Индюшечий кадык.

Обветренные скулы.
Сухой пергамент щек.
Что я привстал со стула,
Ему и невдомек.

Он шаркает ногами,
Он загребает снег.
Не усидел в бедламе?
Иль потерял ночлег?

С какой-то тихой думой
Скрываясь за углом,
Старик молчит угрюмо,
Ему общаться в лом.

...Снежинок бойких улей.
Вечерних улиц медь.
А мне уже на стуле,
Боюсь, не усидеть.

Появится ль? во сколько?
Старик из-за угла
(Не раздавить бы только
Холодного стекла).

...И, шаркая сторожко,
Торя свою межу,
Под темное окошко
Опять я выхожу.

* * *

Время думать о ночлеге.

Не нарочно, в простоте,
Что напишете, коллеги,
На штампованной плите?

Неужели – «помним, любим»,
Не дай бог, еще – «скорбим»?
Что я вам и вашим судьбам, –
Пустельга, мякина, дым...

На околице погоста,
Где бежит за рядом ряд,
Напишите лучше просто –
Без фамилии, без дат –

«Неизвестному поэту».
И посейте лебеду.

Так любил я землю эту,
Что и мертвый к вам приду.

Владимир МАКАРЕНКОВ

МОТИВЫ ЕЛЬЧАНИНОВА

*Памяти народного художника России
Ельчанинова Владимира Васильевича
(1932 [Гжатск (Гагарин)] – 2015 [Смоленск])*

НА 80-ЛЕТИЕ

Просторная жилая мастерская,
Хозяин пронизателен и мил.
Мазками мирозданье постигая,
Пересоздал, облагородив, мир.

Подчинена магическим законам
Игра цветов, теней, полутонов.
И просится на улицу из дома
Живое содержимое холстов.

Художник, разве белый свет изменишь?
Мир сотворён божественным мазком.
Ты стар и мудр, а всё по-детски веришь,
Бежишь за облаками босиком.

И я такой же, разве что моложе
Да вместо красок – звуки и слова.
А век жесток. Благодарю, художник,
За светлый мир надежды и добра.

СОН

Летела по небу телега.
В упряжке мчался белый конь.
Мерцал таинственный огонь...
В конце времён, в начале века.

И две фигуры на телеге –
В одеждах белых до колен –
В предошущенье перемен
Парили ввысь в духовной неге.

Любовь их в космос возносила.
Внизу блистали купола...
А за подрамником плыла
На чудный свет любви — Россия.

НОСТАЛЬГИЯ

Откуда люди толком знают,
Что вот, рассеивая мрак,
По небу ангелы летают,
А спят в заоблачных мирах?

В какие веки ангел белый
На землю сел и слёзы льёт!
Он не последний и не первый,
Кто сам не верит в свой прилёт.

Не те провинция, столица,
Народец – потерявший стыд...
На берегу Днепра, как птица
Подбитая сидит, грустит.

Очнётся и взмахнёт крылами,
Почуяв – где-то рядом враг.
И станет заново над нами
Пугать неустршимый мрак.

УЖИН С АНГЕЛОМ

На озере – плавучий остров,
Как на спине кита, село.
Луна и облако неброско
Слились в прообраз НЛО.

Но не земля внизу, а небо.
По сторонам, над головой.
А на столе – краюха хлеба,
И ангел – не мираж – живой.

На ужин вышнего соседа
Привёл земной крестьянский след.
И длится жаркая беседа
Две тысячи Христовых лет.

ЗЕМЛЯКИ

- 1 -

Напрасно иноземцам льстишь.
Как, космонавт, куда летишь?
В какие Каина края,
Флуоресцентные моря?

Ты скороходы-сапоги
Обул... А с чьей большой ноги?
Рубаха красная твоя
Трепещет, радость не твоя.

А дети, бабы, старики
Синичек шлют тебе с руки.
Но, подпоясанный рублём,
Гоняешься за журавлём.

- 2 -

На чужбине свободу искал,
Край родной обходил стороной.
Всё казалось, удача близка.
Но ни с чем я вернулся домой.

Мне с порога никто не сказал
Долгожданное: «Здравствуй, сыночек!»
Так взглянула свобода в глаза,
Что рыданье сдержать я не смог.

За столом я проплакал всю ночь,
Угнетённый сыновьим грехом.
Одиночества гордая дочь,
Вот и стал я твоим женихом.

- 3 -

Вновь ветер, словно мачты, раскачал
Берёзы, разгулявшись по округе.
И кладбище – заброшенный причал –
Траву пригнуло в взбалмошном испуге.
И обнажились ржавые кресты,
И сломанные, гнутые ограды...
И стало больно так от красоты

Природы... и несправедной расплаты
За кровную крестьянскую любовь
К кормилице-земле... но дунул ветер –
И облако надвинулось, как бровь,
И дождь – посыльный прожитых столетий –
Как будто возразил, что нет, не зря
Любили... образ кладбища не мрачный.
Вживую держат кости-якоря
В родной земле берёзовые мачты.

ПОЭТ

Руки в брюки, в небо нос.
Праздное растенье.
Паренька прости, Христос,
Милуй за безделье.

Не «Та-та, бу-бу, гу-гу».
Все слова – как лилии.
Конь пасётся на лугу
С ангельскими крыльями.

БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ

Второе столетие на тему смоленскую
Художники пишут Большую Советскую.
Ненастные дни и денёчки погожие.
Штрихами – машины, мазками – прохожие.
Но зреньем художников сделались главными:
Успенский собор с золочёными главами,
По левую сторону – церковь, по правую –
Мужской монастырь... Рукавицей кровавою
Истории стёрта краса твоя прежняя,
Молоховская и Большая проезжая!
Большая Советская, сердце как плещется,
Назвать тебя нежно Большой Благовещенской.

ГОЛУБОЕ КРЫЛЬЦО

Не мудри, расставляя треножник.
Есть у каждой эпохи лицо.
По наитию добрый художник
Написал «Голубое крыльцо».

В майской дымке изба утопает.
 В волнах воздуха плещется сад.
 Голубое к глазам прилипает,
 Просветляет задумчивый взгляд.

Ситец кофты раскрашен морошкой.
 Юбка синяя, белый платок.
 По ступеням крахмальной дорожкой
 Наземь сходит небесный поток.

Это было, да как ещё было
 В нашей жизни в благие года!
 Мать звала, мать ждала, мать любила.
 Свет с крыльца озарял города.

САДОВЫЕ РОМАШКИ

Эти белые ромашки –
 Как крестьянские рубашки,
 Что одела детвора.
 Во дворе и за забором
 Излучают светохором:
 «Лето – лепная пора»!

Полезайте-ка в лукошко.
 Вот дорожка под окошко,
 Где любимая живёт.
 Есть на то ещё причина:
 Нарисует Ельчанинов –
 Рану на сердце прижгёт.

ЛЮДМИЛА

Ты мальчишкой меня полюбила.
 Стать собою с тобою я смог.
 В дивном облике женском, Людмила,
 Драгоценен мне каждый штришок.

Перед вечностью я не спасую.
 Жизнь и смерть – на сердечных весах.
 Я тебя на земле нарисую,
 Чтобы образ твой жил в небесах.

В ОЖИДАНИИ ГУМАНОИДОВ

Я не знаю счастливее доли,
Чем родиться в раздольном краю.
За деревню – луг, лес и поле,
В небе звезды – как птицы в раю.

Каждый Богу за труд благодарен.
Дал бы только здоровья и сил.
И зачем жало зависти Каин
Брату Авелю в сердце вонзил?!

Ни злодеев, ни царской указки.
Что ни дом – самовар во дворе.
Здесь рождались народные сказки
О лесных чудесах и добре.

Вспоминая родные преданья,
Я мечтаю весь год напролёт
О святых уголках мирозданья
И о тех, кто оттуда придёт.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Едва заметен жёлтый след.
Но всё не так уже мятежно.
Пастельный цвет, спокойный свет,
Согласье с тем, что неизбежно.

С рассветом зябко, моросит
Унылый дождичек спросонок.
К полудню солнышко знобит
На полотне небес суконном.

Под вечер кажется, что мир
Пойдёт к закату летним шагом.
Но солнцу будто свет не мил,
Заваливает небо шлаком.

Скорей! К домашнему теплу,
К дарящим радость домочадцам.
Напрасно жмётся хмарь к стеклу,
Дождинки нищенски стучатся.

P.S.: ЦВЕТЫ

Всё думал я раньше, а как это так
 Поэты поют о каких-то цветочках,
 Когда процветает в умах кавардак,
 У каждого есть на другого заточка.

Полвека прожив, нахлебавшись сполна
 Похлёбки из горя и благодати мира,
 Насытился я, и в глазах пелена
 Рассеялась – вот, погляди, шелкокрыло

Порхаю с пчелиной любовью к цветам,
 Друзей находя по мелодиям песен,
 Пою, с равнодушьем к большим городам,
 Пою без конца – удручён или весел.

На песни цветы отзываются нежно,
 Мелодии света являя в цветках.
 Час грянет – и будут букеты безгрешно
 Лежать на скрещённых посмертно руках.

Вячеслав ИВАНОВ

Я РЕЖУ ВЕНЫ

Я встретил ее после долгой разлуки
Красивую очень – не хуже, чем до.
Я гладил ее обнаженные руки.
Мы долго смеялись и пили бордо.

Она говорила, что слишком шикаую,
Как будто мой сборник идет на ура,
А я отвечал ей: за встречу такую
К бордо не мешало бы взять фуагра.

Мы с ней танцевали под что-то из ретро,
А после, усевшись в мой кабриолет,
Неслись по проспекту проворнее ветра,
Пугая ворон, обгоняя рассвет.

Мы взяли в гостинице номер уютный,
Стонали до хрипа, а после того
Спросил я: «Ты слышишь, как птицы поют нам?»
«Не слышно, – сказала она, – ничего».

И свет из окошка на грудь ее падал.
Я нежно шептал ей какую-то чушь.
Сказала: «Нам видется больше не надо,
А то обо всем догадается муж».

И, вызвав такси, так же быстро исчезла
В лучах предрассветных, как привкус бордо.
И долго по Лиговке, вжавшийся в кресло,
Я ехал, и было мне хуже, чем до.

Когда и солнца луч тебя не греет,
Когда достало всё в родных местах,
Как хочется уехать поскорее
Куда-нибудь, где любят просто так.

Куда-нибудь, где нет вот этих улиц,
 Наполненных печальными людьми,
 Где кто-то, улыбаясь, а не хмурясь,
 Легко тебе признается в любви,

Где вместо этих кленов – кипарисы,
 Где скалы, а не лесополоса,
 Где легкий ветерок зовется бризом,
 Где море подпирает небеса.

Где б сердце с новой силой застучало –
 И к черту так приевшийся покой! –
 Где есть еще надежда все сначала
 Начать, махнув на прошлое рукой.

Не злодей и не садист,
 Не убийца, не мучитель.
 Вроде был простой учитель,
 А теперь я экстремист,

Потому что выходил
 Я на улицу с плакатом:
 «Против взяток и откатов»,
 И кому-то навредил.

Вызывали на поклон
 Нашей школы директрису
 И сказали: «Эту крысу
 Нужно гнать из школы вон!»

И угрюмый трудовик
 Мне вчера не подал руку.
 Надо, мол, такую суку
 Всеми средствами давить!

Прокляла наедине
 И учительница пеня, –
 Сколько нужно же терпенья,
 Чтоб в лицо не плюнуть мне!

Что подвел я коллектив,
 И физрук сказал с похмелья
 И спросил, чего имею
 Я с того, и в чем мотив?

Я сказал ему: «Илья,
Мне Гейропа деньги платит.
Не на голом же окладе
Так живу богато я!

Помнишь, новый мой пиджак,
Что купил в универмаге?
Денег дали в бундестаге!
Это ж все не просто так!

А на что недавно взял
Проржавевшую «копейку»?
Это Меркель мне, злодейка,
Заплатила за скандал!

Но вмешалась в мой бюджет
И Америка к тому же!
И смеситель новый в душе
Завтра ставлю я уже!»

Вдруг физрук затрясся так,
Что уверовал я твердо,
Что вот-вот мне двинет в морду
Справедливости кулак!

Но, похлопав по плечу,
Он спросил меня тихонько:
«Как связаться с ними, Лёнька?
Я же тоже к ним хочу».

Как будто жил. Ходил как будто
К кому-то в гости, а потом
Как будто пил как будто утром
Как будто кофе с молоком.

Носил пиджак, кажись, с отливом.
С друзьями был как будто мил.
И всем ,как будто он счастливый,
Всегда как будто говорил.

Никто как будто и не видел
Его как будто бы в тоске.
И он любил как будто Питер
В своей как будто бы Москве.

Читал как будто Пастернака
Как будто на ночь перед сном.
А иногда как будто плакал –
Как будто были слезы в нем.

Как много времени потеряно.
Хожу по комнате без дела.
Светает. Даже крона дерева
Напротив окон побелела.

Безлюдно. Не воркуют голуби.
И не гудят автомобили.
Ты помнишь, по такому городу
Гулять когда-то мы любили?

И первый луч, ловя ладонями,
Легко до сердца доносили?
И рвется ввысь душа. Но тонем мы
В воспоминаньях, как в трясине.

И вот уже идут прохожие.
Там новый день. Прозрачно-белый.
Там всё под ярким солнцем ожило.
И только ты похолодела.

– Как столица?
– Привыкаю.
Солнце светит! Красота!
– А у нас метель такая,
Что не видно ни черта.
Заболела баба Таня.
Что еще из новостей...
А, Сергей из Казахстана
Мне привез кило гвоздей.
У соседей всё печально.

То орут, то молча пьют.
Я вчера повесил в спальне
Фотографию твою.
Ту, где ты стоишь с енотом.
Ну, смешная же, скажи?
Только грустно отчего-то
В глубине моей души.
Ты когда приедешь?
– Скоро.
– Скоро – это же когда?
– На неделе....
– На которой?
Вот уже на этой?
– Да.
– Что же ты молчишь? Расчищу
Я дорожку до крыльца.
Печь растопим! Эх, жарища
Будет в доме у отца!
У него на этот случай
Есть трехзвездочный коньяк.
Ну, придешь?
– Не знаю, лучше
Я к своим...
– А как же я?
– Понимаешь, Саша-Саша...
– Ничего не говори.
Коньячка, пожалуй, вмажу,
Я сегодня!
– Не дури!
– А тебе не все равно ли?
– Нет, конечно.
– Ну, тогда
Я к тебе приеду, Оля.
– Да нельзя же...
– Вот беда...
Ладно, как метель уймется,
Успокоюсь, ерунда.
– А у нас такое солнце...
– Ты чего там, плачешь?
– Да.

Снился сон: я режу вены,
А они – пусты.
Из морской выходишь пены
И смеешься ты.

Надо мной стоишь нагая,
Говоришь: позволь
Жить себе, преодоляя
Всю земную боль.

И грустнеешь, и мгновенно
Старится лицо.
И струится кровь из вены,
Как томатный сок.

Хороших людей можно встретить не часто.
Хорошие люди приходят, как счастье,
Внезапно, и сразу порой не поймешь,
Чем с виду обычный прохожий хорош.

Клянёт, как и все, он плохую погоду.
И плащ его вышел давно уж из моды,
И сам он вторую неделю не брит,
Но если с тобою он заговорит,

Почувствуешь всю поверхность кожи,
Какое тепло излучает прохожий,
Казалось, обычный прохожий на вид!
Любовью он к людям с изнанки горит.

В глазах его грусть неизвестной причины,
Улыбка скромна и едва различима
На грубых от солнца и ветра губах.
Он дымом костров и скитаний пропах.

Он руку протянет – подай ему руку.
А дружбу предложит – ты стань ему другом.
Побрезговать дружбою с ним не посмей.
Запомни – хороших немного людей.

Хороших людей можно встретить не часто.
Хорошие люди приходят, как счастье,
Внезапно. И так же уходят порой.
И, может, попытки не будет второй.

Мы с ней не говорили о вещах,
Что куплены не нами или нами
В Италии, Китае и Вьетнаме,
А может, на каких-то островах,

О ценах на билеты и на газ,
Об уровне зарплат в районной школе,
О клубах, сигаретах, алкоголе.
Все это миновало, к счастью, нас.

Мы с нею говорили о душе,
О ценностях Серебряного века,
О Бродском и о смысле человека,
О пагубности штампов и клише,

О музыке Миньони и Кюи,
О странностях в картинах Сальвадора
И живописи классиков, в которой
Так много нерастраченной любви,

О сущности религии, о снах,
О хрупкости и целостности мира.
Она не говорила о вещах,
Но выскочила замуж за банкира.

Далеко за городом и речушкой над
В зелени орешника школа-интернат.
С виду очень миленький крашеный фасад.
И фигурки ангелов у крыльца стоят.
Их когда-то выстругал местный педагог,
Чтобы территорию с неба видел Бог –
Хоть и стар, сгодился бы каждому в отцы.
Дети здесь хорошие, хоть и сорванцы.
Был Алеша новеньким, тише всех вокруг.
Поступил с ожогами он обеих рук.

Обварила мать его спяну кипятком.
 Из больницы выписан, и сюда – потом.
 Днем держался умничкой, плакал – по ночам.
 И к стене, как к матери, обращался: «Мам,
 Забери, пожалуйста, ты меня домой.
 Я же твой единственный, я же твой родной».
 И на день семнадцатый он тайком от всех
 Под покровом сумерек совершил побег.
 По полям и по лесу брел он наугад.
 И во тьме растаяла школа-интернат.
 Ржали полицейские – далеко ль уйдет?
 МЧС направило даже вертолет.
 Вскоре федеральные написали СМИ,
 Будто издеваются в школе над детьми.
 Сняли популярное шоу на «ТиВи»:
 «Не хватало этому мальчику любви».
 На эфир Алешину пригласили мать.
 Стоило всего-то ей пару тысяч дать.
 И пускала там она горькую слезу:
 «Где же ты, Алешенька? Я тебя спасу!»
 Подключился к поискам добровольцев ряд.
 Только об Алешеньке люди говорят!
 Говорили даже, что кто-то под шумок
 Миллион собрать за день «на Алешу» смог.
 В интернат пожаловал главный прокурор –
 Не такие двери тут! Не такой забор!
 Самую заглавную в этом деле роль
 Президент заботливо взял под свой контроль!
 Обыскать все дальние уголки Земли!
 И к утру Алешеньку все-таки нашли.
 По небу доставили в школу-интернат.
 Быстро успокоились – кто ж тут виноват?
 Жив и ладно! Времени, сколько, черт возьми,
 На него потратили прокурор и СМИ!
 Новые сенсации, новые дела...
 Мама за Алешенькой так и не пришла.
 Далеко за городом и речушкой над
 В зелени орешника школа-интернат.
 С виду очень миленький крашенный фасад.
 И фигурки ангелов у крыльца стоят.
 Их когда-то выстругал местный педагог,
 Чтобы территорию с неба видел Бог.

– Где ты был? Небось у Коли?

– Нет!

– Чего ж тогда ты пьян?

– Не поверишь, утром в поле
Встретил инопланетян!

– Ты кому мозги полощешь?

– Шел я трезвый, как стекло.
Вспышка вдруг! Смотрю, у рощи
Приземлилось «ЭнЭЛО»!
Из него выходят двое
И глядят по сторонам,
Мне кивают головою,
Мол, мужик, давай-ка к нам!
И хотя мне очень страшно,
Но решаюсь подойти!

– Кто такие вы? – Не важно.
Сам-то местный ты поди?
Отвечаю, что в Озёрцах
Я живу уж сорок лет.
Вон, коза моя пасется!
Там сарай! Там туалет!
Вдруг один глаза прищурил
(а глаза у них-то во!)
И, по-дружески мне: – Шурик,
Людям здешним каково?
Я вздохнул – а как без вдоха, –
Говорю: «Нормально нам.
Ну, нормально, – то есть плохо...
Но живем пока... А вам
Что за дело до Озёрцев?
Объясните свой визит!
А пришелец лишь смеется
И предательски молчит.
Тут второй вмешался: – Саша,
Может, с нами полетишь?
Хороша планета наша!
– Даже лучше, чем Париж? –
Я возьми ему да ляпни,
Будто я в Париже был.

Он смеется: – Наш Теляпий
 Ты бы сразу полюбил!
 Там такая красотища!
 Благодатный, дивный край!
 И уткнул в меня глазища:
 Мол, согласие давай.
 Я задумался немножко.
 Говорю в ответ ему:
 – А жену свою и кошку
 Можно я с собой возьму?
 Закачали головами:
 – Место есть у нас одно.
 – Ну, тогда и черт бы с вами!
 Не подходит мне оно!
 Как же я оставляю Зину? –
 В общем, вслед им помахал
 И к пивному магазину
 С чистым сердцем зашагал...

На хваленом не прописан
 Я Теляпие. И пусть!
 Я от радости напился,
 Что с тобою остаюсь!

Что там, в будущем, ни грянет,
 Даже если суший ад,
 Зина, инопланетяне
 Нас с тобой не разлучат!

Зеан КАГАН

**ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР
Из Тадеуша Ружевича**

Поэтус пенсионерус

на скамейку садится
снимает очки
закрывает глаза

очки протирает
развернув газету точно карту мира оглядывает
складывает

встал пошатнулся
палкой упёрся
читает слова
нацарапанные на спинке
идёт сам с собой говоря
беседует видно с поэтами
которых уж нет

две женщины встречные
спрашивают невпопад
читает ли Библию
верит ли в ад
в конец света в рай на земле

усмехнулся головой покачал
в старости проще
разговаривать с теми
кто уже замолчал

идёт
на скамейку снова садится
смотрит на тучи небесные

и тогда
ворон слетает
смыкает
ему уста
проведа своим чёрным пером
отлетает потом

ЭЛЕГИЯ

Памяти Ч.М.

уже без пяти двенадцать!
 время вопросом задаться
 где ж Элегия дивная
 о вине и хлебе
 отделаться что ли рифмою
 ответить «в небе»
 сквозь землю проваливаюсь со стыда
 и веду жизнь крота
 песен не помню
 вина и женщин не знаю
 копаю себе копаю
 холмики чернозёмные
 на лугу где травка цветы
 то единственные следы
 работы моей неустанной
 солнцем разве что осияны
 что с нами?
 где наши споры?
 ты умер
 какие с тебя разговоры
 а я в подземелье
 сживусь с утратой
 перестану рядиться Орфеем
 стану просто лопатой

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР

ты на вопрос
 не ответил
 сказал он
 палец на губах
 не ответ
 говорить не хочешь
 или не знаешь что тут сказать
 дружище
 я ответил как мог
 ты спрашиваешь
 «какой смысл у жизни
 когда суждено умереть?»
 ну как тут словами
 что жизнь исполнена смысла

лишь в присутствии смерти
жизнь вечная
без конца
одно лишь существованье
свет без тени
безголосое эхо

Я ВИДЕЛ ЕГО

Спал на скамейке
головой
на пластиковом пакете
в ушанке
в пальто каком-то
цвета старого половика
из лиловых драных перчаток
торчали пальцы
указательный и
как он там именуется
таким увидал его в парке
меж подвязанным к колышку
оголившимся деревцем
жестянкой от пива
и кустом шиповника
с вывешенным полотенцем
под пальто три кофты
когда-то чёрная белая и зелёная
теперь совсем выцветшие
спал себе сном младенца
сердце ёкнуло
не подумал
почувствовал вот он
земной Наместник Иисуса
а может и сам Сын Человеческий
хотел дотронуться
и спросить
Ты Пётр?
но страшная робость
нашла
и лишила голоса
всматривался в лицо его
поросшее рыжими клочьями
разбудить
узнать наконец
что же есть правда
наклонился к нему
дурной запах

шёл изо рта
 но что-то мне всё равно говорило
 это Сын Человеческий
 он открыл глаза
 посмотрел на меня
 я понял он знает всё
 отошёл в смятении
 дальше и дальше
 от него убегал
 дома умыл руки

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК

день короче
 солнечные часы
 стоят
 в этот безвременный дождь
 санаторий показался из хмари
 подобен лайнеру океанскому
 в лунном проблеске
 зачернели колонны деревьев
 омываемые потоком
 плывёт санаторий
 с ноябрьским туманом
 колеблясь
 окна гася одно за другим
 во тьму погружается
 в сон
 только внизу
 в подземелье
 вовсю зажигает бес
 не пугайтесь
 в кафешке ночной
 под вывеской «Адик»
 что им спасенье что вечные муки
 седой обладатель ребра
 вылизывает жизни донышко
 багровея лицом
 бред горячечный хороводит
 смертельный танец
 „um die dunklen Stellen der Frau“*
 корабль-призрак
 нашёл свою мель

Перевод с польского.

* «...в потаённых местах женщины» (с нем.) – строка из стихотворения Г. Бенна «Бар».

ЕСЛИ БЫ ЗНАТЬ

Эссе

К.Д.

*

Чехов
Антон Павлович
умер старым
даже и внешне
сорока четырёх от роду лет

сорок четыре года
уживался он как-то
с гением со своим
не ужился б
глядишь прожил бы дольше

*

Антон Павлович надо сказать
гений свой ублажая
не жалел не только что папу
и других близких родственников равно свойственников
спонсоров не жалел
друзей
подруг
подруг друзей
друзей подруг
просто знакомых не пожалел этот классик
словца красного ради
или как нынче выражаются текста

обижались плакали ругались простить не могли прощали
и как-то все умерли и забыты со своими обидами
и он меж ними весь умер
а текст вот он текст
никуда не делся
что ты над ним ни вытворяй
что из него ни вытаскивай
чего бедный сочинитель
и представить не мог
в самых светлых своих грёзах и чёрных снах

*

трюизм господа
но нет его
Чехова
Антоня
Павловича
а ЭТО
ОНО
называй как хочешь хоть бы и текстом
дышит пульсирует
перетекает в жизнь
и обратно

*

люблю ли Чехова
любил
как любят отца погибшего на войне
умершего до твоего рождения
неподсудного
безжалостно судящего

просвещённый английским профессором
стал любить меньше
но больше стал понимать
по-человечески
в смысле «господи, как я его понимаю!»

*

сдаётся
ТЕКСТ начинается там
где кончается автор

*

в отсутствие гения
(не кружит в вышине
не ворочается в печёнке)
полагаю господа
умереть молодым лет в 90
а то и ребёнком в возрасте где-нибудь 120

*

но вот умер ладно
раньше ли позже
по сути разницы никакой
застрелился в конце концов
из попавшего в руки ружья

что безответственный реквизитор
забыл повесить на сцене
умер короче
а текст
ну не текст а так махонький такой текстик
строчки совсем вот такусенькие
вдруг живы
не затерялись в пространстве
не растворились во времени
дышат пульсируют
живут себе маленькой но вселенской жизнью

*

и что мне с того
мне-то
с того
что
если я про это не знаю
ни до ни после

какая выгода от их жизни
после моей жизни

какая радость
мне
ещё живущему
уже не живущему

какое такое счастье

*

жизнь
горизонт событий
у чёрной дыры

*

а совсем бы другое дело
если бы знать

*

если бы знать!

Леонид КУЗЬМИН

СТИХИ НЕДАВНИХ ЛЕТ

Я слышу, как жизнь
струится по венам моим.
Меня обтекает ветер.
Меня обступают деревья.
Тихо шумит блаженное Лето.

*21 июля 2015 г.,
Чистик*

Лицо бесслёзно у моей жены,
Стоящей вопросительно у гроба.
Она и я, покойный, допустить должны,
Что в жизни, прожитой не так,
мы виноваты оба.
Но жизнь, да и себя винить –
Заведомо бесцельная задача.
Иссякла жизнь, а вот ошибок нить
Длиннее жизни, многозначней плача!

*26 июля 2015 г.,
Чистик*

ХАЙКУ

1.

Засуха. Солнце
струится в землю,
вдогонку за давним дождем

2.

День Хиросимы.
Семьдесят лет.
Снова Земля – планета журавликов.

6 августа 2015 г.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Ещё не прибрано в душе,
Хоть мне в укор прозрачны дали,
И осень, генерал-аншеф,
Наводит лоск на эполеты и медали.
Грозит с инспекцией прийти,
В своих штабах изрядно наскучавшись,
Чтобы налить нам щедро по пути
Дождей намоленные чаши.
Ну а пока, подсолнух перезрелый,
Светило наше сеет щедро
Свои тяжелые лучи, –
Поэт, твоё настало дело:
Пиши, до времени молчи,
Пока стихов не взбухнут недра!

21 августа 2015 г.

Желтыми утками на воде –
Усталые листья каштанов.
Об осени, как об общей беде,
Думаю я непрестанно.
Ах, Лира, Денеб, Альтаир,
Ваш треугольник – как клин журавлиный,
И Пушкин осенний зачитан до дыр
Меж клёнов горящих и свечек-осинок.
Но зиму пока ещё рано встречать
И рифмы рядить её камуфляжем.
С листьями я отправляюсь гулять
По паркам пустым и по пляжам.

3 сентября 2015 г.

Над прочитанной ветром травой
Ходит месяц неясный.
Он качает ущербною головой,
Смысл пытаюсь понять напрасно.
Что прочитано – не сбылось,
Не сбылось, потому и забыто.
Ах ты, месяц, янтарная кость,

Упадай к чёрной ночи в корыто.
 Лето милое! Брось ты мне лгать:
 Наступает пора гололедиц!
 Поскользнуться б – и в небо упасть,
 В край, где месяц – в чреве Медведиц...

*22--5 сентября 2015 г.,
 Смоленск – Чистик*

Примеряю на себя
 жёлтый саван сентября.
 Но к Успению природы
 не торопятся погоды:
 шпарит солнце, впрок горя, -
 что ему до сентября?
 Но у плакальщиц природы
 тишина не длится годы!

*26 сентября 2015 г.,
 Чистик*

В полупустом автобусе, под осень,
 Я возвращался в город мой любимый.
 Под ложечкой сосало, а под осью
 Вскипали лужи. Нивы ждали зиму.
 Меня ж никто не ждал, и в ожиданье
 Не трогал ни посуды, ни салфеток.
 Одна лишь тишина влетала в зданье
 И пробегала, сколько надо клеток...
 Входя, я пропускал её галантно.
 Она шагала всюду, брови хмуря.
 Потом садилась, натянув халатик,
 И вопрошала: «Что? Закурим?»

*27 сентября 2015 г.,
 автобус Пржевальское – Смоленск*

Я многими давно уже забыт.
Так нервные волокна отмирают.
Так спутники срываются с орбит
И, стратосферу озарив, сгорают.
Но светит надо мной одна звезда,
Которая меня не забывает,
Которая не гаснет никогда,
Пока поэзию благословляет.

14–15 октября 2015 г.

Перестал тебя видеть – пить перестал.
Возвратились слова к сердечной границе.
Я брожу по местам, где был твой пьедестал.
Там сейчас воробьи, а зимою – синицы.
Был я нежен и груб к теплоте твоих губ.
И пьянили меня белокурые джунгли.
Тебя всюду встречал и не спал по ночам.
Где ты раньше жила – ни двора, ни кола.
Только смуглые угли!

16 октября 2015 г.

ВРЕМЯ

Делится время:
«До», «Сейчас» и «Потом».
Делится время:
Три волны за бортом:
«До» убегает, «Сейчас» набегают.
Ну а «Потом»? – Вон та высота –
Надо заняться починкой борта!

17 октября 2015 г.

Шелестит мой пёсик листвою опалой.
 Он в два раза шумнее меня.
 Я смотрю, как летит он планетою малой
 Вокруг солнц золотого огня.
 А потом, что я дома состряпал,
 Он с аппетитом сожрёт,
 И свой носик прикрыв сладостно лапой,
 Пушистой Вселенной замрёт.

31 октября – 1 ноября 2015 г.

Безадресный свет фонарей
 Под утро разбудит меня.
 Подобие жизни моей,
 Он горит, никого не маня.
 Он горит, и фонарщик слепой
 Не спешит его выключать:
 Вдруг ты захочешь домой,
 И я выйду тебя встречать...

10 ноября 2015 г.

Когда-то мы учились в школе,
 Но понимали лишь одно,
 Что тёзка школы есть неволя,
 Что школа – это не кино.
 Теперь, когда учебник жизни
 Уже бы впору нам закрыть,
 Вдруг видим мы, не думая о тризне,
 Как много нам осталось изучить.

10 ноября 2015 г.

Под светом тусклых фонарей
Гуляю я с озябшею собакой,
И кроткий облик Родины моей –
Под стать луне, повисшей странным
знаком

Над осенью для всех живых существ,
К каким растенья отношу я тоже.
И пилит осень ось времён, как шест
На древки флагов, что к стопам весны
положит.

23 ноября 2015 г.

ОКНА

Стоят дома. И окна смотрят
На нас, несущихся, – мельком.
Зимы белила, осени ли охра,
Или весны и лета зелень с ветерком...
Но знаю, что на свете нет печальней,
Внимательнее этих мудрых глаз –
Так матери глядели изначально
На только что родившихся – на нас;
На нас, добившихся успеха,
Поднявшихся до самых до небес.
Высматривали тех, кто не приехал,
Кого уж нет, кого попутал бес...
Рыдали окна от войны и от пожаров,
От свадеб неудачных и от похорон,
От голода, когда земля лишь боль рожала.
Вы для меня – подобие икон
В киотах пыли и дождей ненастных,
В наличниках, как женщины в платках.
В любой ночи на свет ваш ясный
Идём, летим – кто по земле, кто в облаках.

1 декабря 2015 г.,
автобус «Пржевальское – Смоленск»

ВЗГЛЯДЫ

Небо полнится взглядами
 Всех, кто жил на земле,
 Кто по звездам прокладывал
 Путь свой трудный во мгле.

Небо полнится взглядами
 Всех, кто с дальних планет
 Нашу Землю угадывал
 И наш гаснущий след...

21 января 2016 г.

ВОСПОМИНАНИЕ

Начитавшись великих фантастик,
 я границу меж ними и жизнью стёр,
 словно двойку по физике в школе,
 и ночами на звезды смотрел.
 А когда полетел Гагарин,
 та граница и вовсе исчезла.
 Помню, как пахло землю и небом
 в городке моем малом –
 посреди апрельской Вселенной...

28 января 2016 г.

ГОРОД

Твой город там, где ты не одинок –
 Совсем не там, где башни или стены.
 Твой город там, где каждый уголок
 Теплом друзей свою измерил цену.
 Твой город там, где памяти твоей
 Есть где бродить и где остановиться...
 Понять, что город создан из людей –
 Не из камней, стекла и черепицы!

5 февраля 2016 г.

АНГЕЛЫ

По узкой польской колее
За ангелом мой поезд гнался,
Тот ангел впереди белел
И только выше поднимался.
Как будто впереди – костёл,
Как будто крест горит и манит.
А это был из тел костёр,
Дымил в освенцимском тумане.
А может, то был Собибор,
Или Варшавское горело гетто...
И поезд крылья распростёр,
Чтоб вместе с ангелом молить планету
Не порождать жестоких сил,
Не убивать землян невинных...
Я видел в небе сотни белых крыл,
Людских от ангельских неотличимых.

7 февраля 2016 г.

*Светлой памяти великого русского
реставратора и ученого
Петра Дмитриевича Барановского*

В Петропавловском храме
Постою, помолюсь.
Век двенадцатый с нами.
Он откроет нам Русь,
Он откроет нам имя –
Камень имени рад.
Земляками своими
Вечно славен мой град.
Имя то значит «камень».
Камень прочен и твёрд.
И стоит над веками
Имя русское «Пётр».
Снова в Болдино еду,
В древний тот монастырь,
Где монахи к обеду
Прочитают Псалтырь,
Барановскому славу
Вознесут в сотый раз.

Словно, веря уставу,
 Много храмов он спас.
 И не только в родной нам,
 Но и в прочей земле.
 Звон с «Василья», с подворий
 Слышно даже в Кремле.
 Да, вот время же было,
 Когда труд сей святой
 От Рублёва могилы
 Вёл творца на постой
 В дальний лагерь «Сиблага»,
 Где в тюремной глуши
 От расстрельного шага
 Только твердость души
 Сберегла и вернула
 Снова к зодчим делам,
 Словно строил под дулом
 Самому себе храм.
 Они храмы взрывали,
 Он спасал их, берёг.
 Чтобы люди узнали,
 Что он создал и смог!

1 марта 2016 г.

У каждого родина есть,
 Но нельзя всё подряд о ней плесть.
 Говорить о ней можно и петь –
 Только голос нужно иметь!

17 апреля 2016 г.

БУКВЫ И ПОЧЕРКИ

Исчезли почерки, забыты буковки,
 Которым нас детсад и первый класс
 Учили к праздникам, учили буднями
 И по которым, как в лицо, все знали нас.
 Теперь печатаем... Стрекочут клавиши.
 Повсюду электронное кольцо.
 Утерян навсегда наш навык давешний:
 Все электроны – на одно лицо!

27 апреля 2016 г.

КОШКА

По голове я гладил кошку
и удивлялся: как под хрупкими костями,
в её почти напёрсточной вселенной,
хранимся мы, и мыши, и травинки,
и мебель запылённая, и зимы,
с окном унылым на трамвай,
на белый выводок снежинок.
Я видел отраженье их в глазах бездонных
и понимал подарок древних египтян,
так помогающий нам видеть Мир и Время –
и Себя!

16 мая 2016 г., Чистик

Олег ДОРОГАНЬ

Я ОБЕЗБОЛИВАЮ ДУШУ...

А ещё я помню колыбельную –
Этой песни что теперь милей?
С ней мерцанье крестика нательного
На груди у матушки моей.

Помню я качания качельные,
Зов любовный материнских уст,
И, наверно, через колыбельную
Перенял язык я тонких чувств.

Я не знал, что песни будут разные,
Будет в них и крик, и грохот-гром.
Недруги на всё и вся гораздые
Против будут петь, брать на излом.

Я не знал, что небо акварельное
Сумрак смерти где-то омрачал, –
Жизнь ударит с точностью прицельною
В область гармонических начал.

Но когда мятётся мгла метельная,
Со свету сживая словно прочь,
Помогает память колыбельная
Мне разлады в жизни превозмочь.

Не забуду нежность неподдельную
Рук и глаз из-под припухших век,
А ещё я помню колыбельную –
Ту, что пела мама лучше всех.

Помню я какой-то новой памятью,
Проросло в душе её зерно.
Если вы меня потом вспомните,
С колыбельной только б заодно...

10.05.2016 г.

Вот, говорят, поэзия,
В красе и без прикрас, –
Что может бесполезнее
На свете быть у нас?

Но к ней стремились искони
В служенье красоте.
В ней тот катарсис истины,
Что с кровью на кресте.

Она весной в проталинках
И с Музою в тиши,
Она в стихах-кристалликах,
Воскресниках души.

Стихи, пожалуй, высшее,
Что на земле звенит,
Пускай на них не вышел я,
Как если бы в зенит.

Стихи, пожалуй, лучшее,
Что в мире грёз и гроз
Мы, радуясь и мучаясь,
Роняем вместо слёз...

20.05.2016 г.

Я мечтал о тебе,
О глазах с распахнувшейся синью,
О припухлых губах,
Что слегка прикрывают каприз,
О пахучих подмышках,
В лицо отдающих теплыню,
Если в них я уткнусь
Под шутиливый твой возглас: «Артист!»

А ещё я мечтал,
 Чтобы в шубке на голое тело
 Ты пришла, распахнулась
 И жарко прижалась ко мне.
 Я мечтал вдохновенно,
 А делал я всё неумело,
 И сгорала мечта
 На своём нераскрытом огне.

Миновали года.
 Прошумела безудержно юность.
 Не сбывались мечты,
 Лишь какие-то планы сбылись.
 Не судилось сойтись –
 По судьбе мы, увы, разминулись,
 Но недавно – спустя столько лет! –
 Мы с тобою нашлись.

Эту юную ночь
 Я вышивал тайно и долго.
 Эту нежную ночь
 Я прокручивал множество раз.
 Для кого-то любовь –
 Исполнение семейного долга,
 Для меня – это час,
 Только час, но какой –
 Звёздный час!

Сразу всё ожило,
 Что у памяти долго томилось,
 Перебрали с тобой,
 Словно бусинки, редкие дни,
 Где на встречу прийти
 Оказала однажды мне милость, –
 Вот когда во Вселенной вдвоём
 Были мы лишь одни.

Среди лунных лучей
 И созвездий – плеяд миростроя
 Поцелуй наш вбирал
 Всё вселенское время на миг.
 Только миг на двоих,
 Но, как видно, он вечности стоил.
 Кто его не постиг –
 Ничего он ещё не постиг.

Жаль, в горячем пылу
Колокольню-сердечного гула
То ли да, то ли нет, –
Не давала мне ясный ответ.
Эта нежная ночь
Все былые потери вернула,
В зеркала полумглы
Невзначай уловив звёздный свет.

Эту нежную ночь
Ещё долго лелеять я буду.
Всё пройдёт, но она
Не померкнет во мне никогда.
Эта нежная ночь –
Не фантазия и не причуда,
А судьба. И я с ней
Не боюсь никакого суда.

11.04.2016 г.

ВРЕМЯ ЗВЁЗД

Время звёзд настаёт на планете:
Жизнь длиннее – короче года!..
Молодеют, паря в пирузте,
Над Землёй за звездою звезда.

Вижу, Вега-звезда голубее,
Звёздных россыпей ближе руда.
И живу, ни о чём не жалея:
Что со мной, не уйдёт никогда.

Время звёзд на земле наступают,
Добрых душ отражающих свет.
Время силою звёзд прирастает
Или звёзды – богатствами лет...

Звёзды ближе – и время плотнее,
Где мгновенья содержат века.
Их целительной силой болею,
Как прибытком болеет река.

Я к исходу себя не готовлю,
Пусть мои на излёте года.
То ли молодость снится мне, то ли
От меня не ушла никуда.

Не спешу я в земные объятья,
Лапы елей мне ставят заслон.
Жив! И – неисправимый мечтатель –
Вывожу я свой звёздный закон.

17.04.2016 г.

Временам присущи повторенья,
В новых – лишь толика новизны.
Может быть цветастей оперенье,
Ну да смыслы всё ещё темны.

Испокон восток алел рассветный
И планет согласный плыл полёт,
И разбег космический ракетный
Клинопись шумерская несёт.

То ли пирамидами богатый,
То ль апофеозом черепов, –
Распрекрасный или распроклятый,
Отыграет век – и был таков.

Смотрят поколения безусых
На бород седоволосый свет.
Повторяет прежние безумства
От себя уставший интеллект.

Временам присущи повторенья
И возврат низвергнутых знамён.
Вглядываться новым поколениям
В дали легендарные времён.

И своё выстраивать – по сути,
Если не по сути – смутам быть.
Приспособить общество к валюте –
Можно о духовности забыть.

Я мечту лелею выбрать время –
Среди звёздных выудить зеркал,
Где я вечно был бы только с теми,
Кто мне мил, кого родными звал.

С кем я смуту пережил, разруху,
Не вина народ – вождей кляня.
Кто мне по сердцу и кто по духу,
Что одно и то же для меня.

18.04.2016 г.

Я не венчался с земною невестой,
И обручальные кольца с небес
Не вручены были силою крестной
Мне ли, одной из моих ли невест...

А повенчаюсь я с белою вьюгой
Майских черёмух, пока не найти
Нам, разлучённым навеки, друг друга
Где-нибудь в горних на Млечном пути...

Там, где немеркнущие звёзды мерцают,
Льются ли кольца заветной звездой,
Там, где с Февронией Пётр созерцают –
Смотрят сердцами на мир наш земной.

Если судьба не дала обвенчаться
Здесь на Земле мне ни с кем из невест,
Может быть, там обрету своё счастье
С избранной в лоне у звёздных небес?

Но если встану пред очи Господни,
Что я скажу, подступив к рубежу,
Если не знаю, как выбрать сегодня, –
Все мне милы – на кого укажу?

Встанут, лучась белизною наперсной,
Все мои милые с трепетом птах...
Я не венчался с земною невестой,
С кем повенчают меня в небесах?..

11.05.2016 г.

Нет, перед болью я не струшу,
Но не сгорать же от огня.
Я обезболиваю душу,
Чтоб не убила боль меня.

На сквозняках душа простыла,
На лбу печальных лет печать.
Не оттого ль родных могилы
Всё реже стал я посещать?..

Я знаю, в Богом данном мире
Есть всё связующая боль,
Что рвётся, как струна на лире,
Как нити, что источит моль.

Есть много в жизни всякой чуши,
Отвлечь от сути её роль.
Я обезболиваю душу,
Но я не забываю боль.

Боль день за днём цепочкой ниже
И не одну в придачу ночь,
И это, – чем к исходу ближе, –
Мне всё труднее превозмочь.

Не те мои с годами силы,
Тень на меня кладут кресты...
Не потому ли на могилы
Давно уж я не клал цветы?

1.05.2016 г.

Время идёт, прирастая погостами,
Меньше живых у меня, чем ушедших.
Морем безмолвие – я как на острове,
Что от приливов становится меньше.

С кем перемолвиться словом участия,
С кем замереть хоть на миг в поцелуе?
Снимки, где все ещё живы, украсьте
Мне не альбомную память – живую.

Я не надеюсь на скорую встречу,
Но к ней готовлю себя я заранее.
Если я ставлю церковные свечи,
Произношу я всегда: до свидания.

Могут года обуздать и столетья,
Могут века пересечься годами.
Есть вероятность ушедшее встретить,
Веря, свидание не за горами.

И вот тогда я спою величальную,
А не печальную – и многократно.
Если ты вымолвишь тихо: «встречай меня», –
Не отпущу я, родная, обратно!..

19.05.2016 г.

Ещё я не ушёл...
Хоть говорю я мало –
И след мой иногда
Теряется вдали.
У странницы-души
Есть что-то от тумана,
От пара, что встаёт
Над кромкою земли.

Чем меньше говорит поэт,
Тем лучше пишет.
Писать ему росой
По белым берегам,
Где разметался цвет
Черёмух, яблонь, вишен
И шёпот шелестит
По гибким камышам.

Я слушаю росу,
Я слушаю Россию,
Раскинутую вширь,
Взметнувшуюся ввысь.
И строчки вывожу
Неровные, косые,
А мимо пролетит,
Как ангел, тихий лист.

Не всякому у нас
 Доводится услышать
 Святую немоту
 У белого листа.
 Чем громче крик души,
 Тем произносим тише,
 А выкрики кликуш
 На выверку – тщета.

Как среди разных фраз
 Уравновесить слово,
 От зёрен отколоть
 Всю скорлупу словес,
 Чтоб не сказал глупец
 Об истине: «не ново»,
 И не привёл мудрец
 Свою в противовес?..

20.05.2016 г.

Сергей ПОДОЛЬСКИЙ

СВЕТ В НЕГАСНУЩЕМ ОКНЕ

С неба градом падают фугаски
В лабиринты городских руин.
Надписи на стенах белой краской –
«Bleibte Deutsch...» – намалевал Берлин.

Очередь, по-птичьи свистнув тонко,
Высекает пыль из кирпича.
Из подъезда выскочил мальчонка,
Плача и испуганно крича.

Как его осколком не задело?!
Бог немецкий, знать, его хранил.
Наш сержант, поднявшись, под обстрелом
На руки мальчишку подхватил.

Разве наших мальчиков жалели?
Только по-другому он не смог.
Строчка пулемёта по шинели
Провела черту наискосок.

До конца войны всего два шага!..
Под весенним проливным дождём
Его имя на стене Рейхстага
Я пишу размашисто углём...

21.02.2016

НЕИЗВЕСТНОМУ МАТРОСУ (Защитникам Одессы)

Брусчатка гремела от их каблуков,
Их клёши листву разметали.
Под громы оркестра и взмахи платков
Они корабли покидали.

На ватник сменили матросский
бушлат –
Пусть к форме возникнут придирки, –
У сердца ребята любовно хранят
Родные свои бескозырки.

Матросского шика такой атрибут,
Отмечу и важность момента:
В атаке матроса от пуль берегут
Оранжево-чёрные ленты.

В бою рукопашном решает не штык,
Враг в панике, видя тельняшку.
Солдатский скорей расстегни воротник –
Морская душа нараспашку!

Полундра! В атаку шагаем в цепи,
Винтовок сжимая приклады.
И тот, что шёл рядом, остался в степи,
Сражённый осколком снаряда.

Звезда из фанеры над степью взошла.
«Как звали его?» – кто-то спросит.
«Не знаю, братишка. Такие дела...
Зови Неизвестным Матросом!»

23.02.2016

НЕОКОНЧЕННЫЙ ПОЛЁТ

Две ласточки, две грустных ноты
Нанизаны на провода.
Птенец свалился желторотый,
Взлететь пытаюсь, из гнезда.

Чирикал громко он недавно,
Трагично завершив полёт.
И пёрышко его забавно
Смахнул с усов соседский кот.

Как мало прожито на свете!
Птенец счастливым был в одном:
Он ощутил упругий ветер
Под слабеньким ещё крылом.

«Летать!» – мечта у всех мальчишек.
И, покоряя высоту,
Любимый внук свалился с крыши
На спину спящему коту.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Лист жёлтый увядающий трепещет,
Туч серых наплывает караван.
Так удивительны обыденные вещи!
Так чуден мир, что Господом мне дан!
В нём всё грядущее сливается с прошедшим
В единую незримую канву.
Так сладок дух от яблок перезревших,
Упавших в пожелтевшую траву.
И околдован торжеством покоя,
Я вряд ли лучше выхода найду:
В траву сырую каплей дождевою
Из набежавшей тучи упаду.
Вдаль тучи лёгкий уплывёт кораблик,
Ему на смену приплывёт другой.
А жёлтый бок в траву упавших яблок
Сверкнёт под солнцем каплей дождевой.

МАМЕНЬКА

Растрепала косы к вечеру
За околицей пурга.
В алый цвет зарёй подсвечены
Бесконечные снега.
То сверкнёт, то потеряется
Тускло-жёлтый глаз-фонарь,
С крыши в снег зарыть пытается
Домик маленький январь.
Шаль накинув, ноги – в валенках,
Не сомкнёт усталых глаз –
Своего сыночка маменька
Поджидает в поздний час.
Затянулось одиночество,
А в углу скорбит тоска.
Ей до слёз увидеть хочется
Ненаглядного сынка.
Вьюга буйствует за окнами,
Снежной лапой в дверь скребя.

– Я вчера носочки тёплые
 Довязала для тебя...
 Занесённую тропиночкой
 Тени бродят под окном.
 – Не моя ли там кровиночка
 Постучалась в отчий дом?..
 Ночь на землю опускается
 В белоснежной пелене.
 То сверкнёт, то потеряется
 Свет в негаснущем окне.

СЕКРЕТ МИРОЗДАНИЯ

Нежны и ласковы их пальчики,
 Зажатые в моей руке.
 Мои внучата – чудо-мальчики –
 Со мною возьятся в песке.
 Своей ладонью огрубелю
 Обнять их бережно хочу.
 И цвета льна головки белые
 Льнут одуванчиком к плечу.
 Июньской белой лёгкой вьюгою
 Кудряшек детских сладкий дым,
 Сердечко птахою испуганной
 Трепещет рядышком с моим.
 Их лепет – ручейка журчание,
 Их глазки – синий звёздный свет.
 Вы – вечной тайны мироздания
 Мною рассекреченный секрет.

ДОРОГА В МИКУЛИНО

До крови расцарапал душу
 Со снимка чуть с прищуром взгляд.
 Тебе, приличия нарушив,
 Дерзил я, спорил невпопад.

Вновь вечер без тебя случится,
 Вновь без тебя нагрянет день.
 Дождь мелкий сеется мучицей,
 Дрожит цветущая сирень.

Шумят микулинские рощи,
 Ворчит сердито дальний гром.
 А время – седенький извозчик –
 Лениво щёлкает кнутом.

Бродя по берегам Глыбая,
Лишь ты умела рассказать,
Как, радугой крыла сверкая,
Кружит над лугом стрекоза.

Как земляника красным боком
В траву запрячется, маня.
Теплом даря, ожили строки,
Звуча всё громче для меня.

Как чудно хвоей пахли ёлки.
Как рассыпала звёзды ночь...
Средь трав по пыльному просёлку
Неспешно время катит прочь.

БОЛЬ КАТЫНИ

Вскрыли землю весною воды талые,
Под сосновым смолистым стволом
Вдруг увидел я пуговку малую
С одноглавым зелёным орлом.

В соснах виснет туман белой ватой,
Глина бурым пятном на снегу.
Ты откуда взялась здесь, по Катыню,
На днепровском крутом берегу?

Залп винтовок, ударивший звучно,
Шаг последний к зловещему рву.
Дернул ворот мундира поручик,
Уронивший тебя на траву...

И ни памяти вам, и ни славы.
Чуть прикрытые глиной чужой,
Вдалеке от любимой Варшавы
Обрели вы свой вечный покой.

Среди сосен могилы, могилы...
На траву эту страшно ступить.
Видно, крови своей не хватило,
Что чужую решили пролить.

Справа высится крест католический,
Слева крест православный стоит.
Помолитесь Небесной Владычице:
Хоть она пусть всех нас примирит.

Татьяна БАКЛАНОВА

МНОГОЕ ИЗМЕНИЛОСЬ...

СМОЛЕНСК В ОККУПАЦИИ

Той весной сады пьянили
И хлеба взошли стеной...
Кто же знал, что грозы были –
Перед варварской войной.
А когда созрела зелень,
Урожай полей манил, –
На святую нашу землю
Враг безжалостный ступил.
День-другой - и вражьих силы
На смоленской уж земле:
Злые "мессеры" носили
Смерть и ужас на крыле.
Воздух взрывами расколот –
Разрушительна волна!
И Смоленск – старинный город –
Горюшка хлебнул сполна.
Что творилось в эту пору,
В двух словах не рассказать, –
Не могли тому напору
Люди противостоять.
Что под бомбы не попало,
Не погибло на ходу,
То захватчикам досталось
В том сраженческом аду.
Вмиг немецкие солдаты
Перекрыли все пути –
Ни войти в родную хату,
Ни по улицам пройти.
Занимали смело здания,
Церкви, школы и жильё.
Даже улицам названия
Дали вороги своё.
В сараюшках, по подвалам
Да в землянках под горой
Жили люди, детки малы
Лихолетной той порой.
Страшной силой навалился

И прижал жестокий гнёт, –
Город в лагерь превратился,
Безымянным стал народ.
Собирали на рассвете
Земляков, как в стадо скот,
И вели под страхом смерти
На тяжёлый ряд работ.
Если кто не одолеет
Этот непосильный труд,
То играючи пристрелят
Иль собакам отдадут.
Угрожали, устрашали,
Издевались, как могли.
Унижали, истязали,
Вешали, в "загонах" жгли.
Из глубин души в неволе
К небу стон летел, моля!
Даже корчилась от боли,
Кровоточила земля.

Пережили! Победили! –
Трудно подыскать слова.
Жизнь из праха возродили,
Но цена-то какова!

Имена, родные лица
Не забыть нам никогда.
Болью в сердце будут биться
Оккупации года...

2015

МНОГОЕ ИЗМЕНИЛОСЬ

Многое изменилось
тех пор, как мы повзрослели.
Тогда самолёты кружили
небо на карусели.
Кланялся кран новостройке,
шеей жирафа блистая.
Басом рычал экскаватор,
котлован под фундамент копая.
Трактор по полю метался,
комбайны с достоинством плыли
В хлебах. На просторах бескрайних

косилки травы косили.
 Кони ходили в ночное,
 бурёнки в стада собирались.
 Внуки в деревне летом
 молоком парным угощались.
 Колодца поскрипывал ворот.
 Дымок устремлялся в небо.
 Пахло на всю окрестность
 мятой и свежим хлебом.
 Плодами сады тяготились.
 В хатах светились окошки.
 К девушкам за околицу
 парни спешили с гармошкой.
 Всем у станка было место,
 все на работу ходили.
 Ждали зарю коммунизма,
 сами же скромненько жили.
 Дети охотно учились,
 песни о Родине пели...
 Многое изменилось
 с тех пор, как мы повзрослели.

2003 – 2016

В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН

Нам кажется миг настоящего
 Волной суеты не смывается,
 Не встанет в разряд проходящего,
 Забытостью не успокоится.

Ещё мы в лугах раскрашенных
 Мятным дурманом лечимся.
 Ещё безрассудно, безбашенно
 Во времени мечемся, мечемся.

Ещё дерева не накинули
 Платки из багрянца и золота,
 А небеса опрокинули
 Звук громового молота.

Звоны дождя хрустального
 Носятся клятвами верными...
 Платья лишь летнего бального
 Складки примяты ветрами.

2016

ОСЕННИЙ ЛИСТОК

Я дней дождливых вереницы
Глубокой осенью люблю.
Опали листья. Смолкли птицы.
Тепло к утру равно нулю.

А иногда сквозь толщу хмари
Проглянет синий лоскуток
И на прогулочном бульваре
Взлетит, как бабочка, листок.

Один из тех, уже последних,
Что под дождями не поблѣк.
Он невелик, скорее средний,
А вот внимание привлѣк.

Промыто всё вокруг, опрятно.
И, в такт размеренной ходьбе,
Мне наблюдать за ним приятно,
Как он противится судьбе.

2016

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕНЬ

По небу ветер гоняет
Огромные сгустки свинца.
То моет, то заметает
Крутые ступеньки крыльца.

И тюль на окне пузырится,
И холод в квартиру ползѣт.
И хочется пледом укрыться –
Возможно, уснуть повезѣт.

Приснится далѣкое лето,
Где шуруется небо слегка
И солнце янтарного цвета
Катают весь день облака.

Где клонятся в спелости травы
В июльской накидке цветной,
Где рощи шумят и дубравы,
Где каждой душе – рай земной.

На отшибе маленький домик,
Где вовсе не будет зимы.
Раскрытый Есенина томик,
Берёзы, стрекозы... и мы...

2016

Стрелки кружат циферблат,
Чуть щекоча тишину.
Все уже в доме спят,
Я лишь никак не усну.

Светом "ночник" поник –
Тоже, видать, устал.
Катится лунный блик
На стул, как на пьедестал.

Мысли строкой бегут,
Вяло читаю их.
Кадры, что память жгут,
Не делятся на двоих...

2016

Наша небыль давно в прошлом
(Быль не случилась в судьбе),
Но мне не кажется пошлым
Напомнить тебе о себе.

Подарю тебе песню – слушай.
Из лета – кусочек тепла.
День осени – самый лучший,
Которым душа жила.

В ночную хмельную порошу,
Что лунный завесит свет,
В окошко снежинку брошу –
Из января привет.

Если вьюга иль дождик хлещет –
Луч робкий тебе пошлю –
Увидишь, как он трепещет,
Поймёшь, что ещё люблю.

2015

Как назидание иль милость,
Иль как пророчество потерь,
Сегодня ночью что-то снилось...
А что – не вспомнить мне теперь.

Лишь на душе лежит осадок.
Тревоги странной не пойму:
Мой будет горек день иль сладок,
И мне готовиться к чему?

Теперь душой смятенной маюсь,
И нет успокоенья слов:
Предчувствий всяких опасуюсь
И предсказаний вещих снов.

2015

Я не жду от судьбы чудес –
Позабыта давно эта глупость.
Я смотрю в синеву небес,
На февральского солнца скупость.

Вереница усталых дум
Устремляется ввысь, как птица,
Чтоб забыть суеты шум,
Чтоб душе синевы напиться.

И, по всем ощущениям примет,
Груз тревоги становится легче.
Смуту в сердце пронзает свет,
Невесомо ложится на плечи.

Велика над людьми неба власть,
 Не дающая вдруг растеряться,
 Чтоб в унынье душе не впасть,
 Чтоб держаться, держаться, держаться...

2016

Ну вот и стихла суета сует.
 Завершена мятежных чувств сага.
 Практически сошли уже на нет
 В былом уверенность и скорость шага.

Всё как-то встало на свои места:
 Стол, стул, диван, входные двери...
 Лишь только я как будто бы не та,
 Хотя жила всегда в любви и вере.

Клубил туман на утренней заре,
 Идущих тропки с их пути сбивали.
 И оргии свои на пустыре
 Дожди бесстыдно ночью затевали.

И в хаосе насыщенности дней,
 Отметины на сердце оставляя,
 Прямой дорогой, ведомой лишь ей,
 Шагала жизнь, мне годы прибавляя.

2015

Александр МАКАРЕНКОВ

ЗА ДЕСЯТЫМ ЗАМКОМ

* * *

В России мутная пора –
Зима не тает во дворах,
Не тает в улицах и скверах,
Скребет свинцовым небом нервы,
Дырявит фарами авто
Мое промокшее пальто.
И снова солнце «на потом»,
А жизнь привычнее – с Постом...

ТАЛЛИНН (триптих)

I.

В запахе миндальном тонет Таллинн.
В синьке неба – чайчий салют.
С черепицы зимние страданья
Плитку тротуарную клюют.

Тает снег, и посреди проталин
Черный грач ворчит на небеса –
Просит солнца и готов скандалить
Вовсе не для красного словца.

Бродит март по узким переулкам,
Прыгает по крышам воробьем.
Старый город – сказочка, шкатулка! –
Будит удивление мое.

Будит, бередит воображенье
Легкий дым из беленькой трубы.
И качает головокруженье
Тонкие фонарные столбы.

II. ПЕСЕНКА КУКОЛЬНОГО ДОМИКА

В старом домике давно нет людей –
 Привидения живут по углам.
 Подоконник, а на нем Чародей –
 Он с гитарой и поет по утрам.

Оживает весь народец в шкафах,
 И скрипят замки, засовы, крючки.
 Куклы старые на свой риск и страх
 Выбираются, чтоб души лечить...

За окошком пролетают года –
 Город-сказка стал притоном зевак, –
 Но зевака заглянет иногда
 В старый домик, где царит полумрак.

Привиденьями кого удивишь?
 Да и куклы не с экрана ТиВи.
 Сладко войлочная серая мышь
 Признается синей кошке в любви.

Медвежата водят свой хоровод,
 К ним охотники, что в алых манто,
 Прилепились ни на день, ни на год,
 Но манто прикрыли серым пальто.

И кипит котел страстей и утех,
 Незаметно замолчал Чародей.
 Накопилось в стенах дома прорех –
 Привидения ушли в мир людей.

Кошка мышку съела, это не грех.
 Медвежата забрались на чердак,
 Говорят, они теперь лучше всех –
 Им плевать на кукол и на зевак.

В старом домике теперь никого,
 Привидения ушли погулять.
 Чародей седой, который уж год,
 Не поет и разучился играть...

III. ВТОРАЯ ПОЕЗДКА В ТАЛЛИНН

Здравствуй, Марта,
твой город,
как прежде, прекрасен и горд.
Старый Томас – на страже.
Пронзителен чаек полет.
Но, увы, не поется
седых переулков аккорд.
Может, это не важно,
и грусть моя скоро пройдет?

Черепичные крыши –
над вами
веками плывут облака,
И варяжские воды
выносят на берег янтарь,
А в ладони моей
только след, только память – рука
Той, которая прячет
во взгляде тоску
и, быть может, печаль...

Мира кукольный домик
все так же наполнен войной:
Кто-то хочет быть лучше,
кому-то мешает поэт.
Страшно то, что детишек
не может забрать к себе Ной,
И, увы, окончанья дележке,
похоже, что – нет.

Я стою на холме,
вспоминаю тот призрачный март...
Русский Дом,
рюмка водки и сказочный торт.
Среди тысяч проспектов
и географических карт
Город твой... он, как прежде, –
Прекрасен, задирист и горд.

РОЖДЕСТВО В ГРУЗИИ

Замечательному Ираклию

Белое покрывало
 Прямо у ног лежит.
 Много мне или мало –
 Что предлагает жизнь?
 За серебром Кавказских,
 Снегом укрытых, гор –
 Сказка, а может, встряска?
 Ветер, разящий в борт?

Может быть, – укоризна –
 Из дому все тепло
 Выдуло, а в Тифлисе
 Солнечно и светло,
 С неба в стакан стекает
 Терпкий рубин вина,
 И сумасшедшей стаей
 Люди летают над

Крышами Авлабара,
 Над молоком Куры.
 Камни улочек старых
 Свой предлагают ритм.
 – Город, останься в сердце, –
 Тихо Тифлис прошу...
 Время откроет дверцу –
 Ангел придет... не шут...

Сладко свеча вздыхает –
 Капает воск в песок.
 Снег соберу руками,
 Чтоб остудить висок...

ОЖИДАНИЕ

Нынче выпадет снег –
 Боль утихнет и спрячется в сердце.
 За десятым замком
 Вспыхнет спичка – так плавится век.
 Снег идет снизу – вверх,
 Никуда от него нам не деться.
 Непрерывный закон –
 К человеку спешит человек.

Мотылек – на огонь.
Шхуна – к берегу. Птица – по ветру.
Пыль дорог – на висках...
Волны вяжут волшебную вязь.
И рассвет – красный конь –
Огибает по кругу планету.
Снега белый размах
Бьет в лицо... Слава Богу – не грязь.

Рассекречена даль –
Лес прозрачен и парки пустеют.
Запоздалый рыбак
Сверлит взглядом свинцовый ковчег.
Скоро будет февраль,
Мы шагаем по серым аллеям.
Я шепчу в полумрак:
– Нынче выпадет-выпадет снег.

КОЛЬСКАЯ ОСЕНЬ

I.

Эта осень на Кольском
Просто сводит с ума –
Красок столько, что – скользко!
Ягод – полный карман.

Не стыкуется разум –
Пляжи белых песков,
Море Баренца с лязгом
Катит до облаков,

До снегов бесконечных
Там, за краем земли,
Где сплетается вечер
В танце с блеском зари.

Плечи скал солнце выжгло,
Плети волн иссекли,
Что бы ни было – выжил
Полуострова клин.

Ребра старых баркасов
Сквозь гранит проросли.
Пароходики басом
Освящают залив.

И вгрызается колко
 В сердце солью слеза...
 Эту осень на Кольском
 Не воротить назад.

II

В сердце памяти выборка,
 Окон – черный провал,
 Грусть крестов синих выправил
 Белый берег у скал.

Кости домиков брошенных
 Утонули в песке.
 Грузных чаек горошины –
 На приливном куске
 Ламинарном, не сотканном
 Ни ткачом, ни судьбой.
 Здесь не меряют сотками
 Землю нашу с тобой.
 Оборванец полощется –
 Флаг – трехцветный, больной.
 Заполярная рощица –
 По колено, друг мой.
 Рыб ловили столетьями,
 Жили счастливо, но
 Жизнь теперь междометьями:
 Между явью и сном.

И клокочет кровавая
 В сердце – жуткая выборка.
 Начинается с малого
 Русь... Отсюда – с Териберки.

III

(У Поклонного креста)

Вот так – на прибрежном ветру, словно лодки,
 Останусь однажды и я. А точнее –
 Суставы и ребра, скелет без походки –
 Пристанище путник нашел – не болеет.
 И кобальт оградки приют мой последний
 Очертит на стылом морском берегу.
 Быть может, приедет однажды наследник –

Отсюда, навряд ли, теперь я сбегу.
Хотя... Море тянет в свое оперенье
Бурунов и волн, в глубину, где треска...
Мне пьяный матрос подмигнет. На мгновенье
Омоет порывистый шквал моряка.
Достанется мне этой пены солёной,
Холодной, упругой – обычный порыв.
Я буду стоять, словно крест наклоненный
На самом ветру. На макушке скалы.

IV

(Корабельное кладбище)

По глотке бьет Териберка,
Наотмашь – по глазам!
И сердце вот-вот выпрыгнет
Из горла в небеса!

Пират рукой умелою
Разрушил все, что смог,
А что не смог – то сделало
Безвременье, не Бог.

Лишь иногда проявятся
Заблудшие киты,
И берег, словно платицем,
Крестом прикроет стыд.

Унылая, угрюмая,
Безглаза, нагишом
Стоит страна безтрюмная,
Лишь берег моря – шёлк.

V. КРАЙ ЗЕМЛИ

Ветер дергает за плечи –
Край земли, а дальше – вечность.
Белоснежно-нежный вечер
Гонит к берегу волну.
Неба серую полосу
Полосуют чайки хлестко,
Без ответов и вопросов
Резво режут тишину.

Ребра древнего корвета
Обнимает солнце летом.
Море Баренца приветно
Строит облаков конвой.
Бугорок парит песчаный
На окраине причальной,
А кресты, предел молчанья,
За оградок синевой.

Разольют печаль по кружкам
Рыбаки – в тельняшках души –
И металлом клацнут дружно,
И запляшут кадыки...
Выпьют. Охнут. Дрогнув стулья
И скукожатся горгульи –
Деревенский вечный улей
Загудит не от тоски!

И покатится веселье
Звонким ручейком весенним.
Только кто-то выйдет в сени –
Сердцем охватить залив.
Гармонист посеет смуту...
Много надо ли? Минута!
Край земли, он здесь, как будто?
Здесь... Начало у земли!

ФОТОГРАФИРУЮ НИАГАРУ

Холодок отразился в стекле –
С неба падает звездная пара,
И случается дикий балет,
И гопак, и канкан – Ниагара!

Сон ли? Явь? Кто подскажет ответ?
Глаз горит! Это, братцы, не старость!
Так стремительно тысячи лет
Пролетают. А сколько осталось?

Не сойтись им, увы, никогда!
Впрочем, может, поможет гитара,
Чтоб одна и другая звезда
Обнялись, став одной Ниагарой?!

На цепи старых ходиков грусть
Обнаружит вчерашнюю юность...
Слава Богу, что это – мой путь
И его Ниагара коснулась.

Гамильтон, дома у Огаев, 6 мая 2016

ВЕРБНОЕ

В небе живут птицы,
В городе сплошь – люди.
Быстро снуют спицы –
Вяжут венки судеб.

Вяжут венки Ветры –
Шьют серебра нитью
Гроздя седой вербы
На изумруд листьев.

Ультрамарин тени
Прячет весны ноты:
Красный кирпич – стены,
Желтый салют – соты.

Режет скворец клювом
Облака край белый.
Люди спешат к людям –
Справа спешат, слева.

Нить за иглой следом
Следует в такт песне.
Славно цветет верба –
Дружно цветет, честно.

А над Днепром серый
Утро туман стелет.
Чайка летит смело –
В небо она верит.

* * *

Сколько лет я здесь не живу –
 Не включаю ночью огня?
 Сколько листьев пало в траву
 Тех, что позабыли меня?
 По холмам хожу лишь во сне
 Да и то – не каждую ночь.
 И все чаще падает снег
 На виски, на сердце, а дождь

Размывает след у моста,
 И уже не помню – где был,
 С кем страницы жизни листал...
 Прожил, затоптал, словно пыль.

Так же реки в море текут,
 Колокольный звон в небесах.
 Осень будет – листья сожгут,
 С ними вместе выгорю сам.

Над Покровкой звякнет трамвай,
 «Под часами» чья-то любовь,
 Но сиренью выдохнет май
 И загрузит рифму про кровь.

Пусть в дороге жутко устал,
 Пусть потерян счет перемен.
 Возвращаюсь в эти места,
 Прохожу вдоль башен и стен.

Только тишина запоеет –
 Зазвенит в зените зари!
 Я вернусь к тебе через год...
 Через сто, а может быть, – три?..

* * *

Москва не балует меня,
 Хотя живем с ней мирно.
 Порой употреблю коньяк
 Дешевый – не до жиру.
 Картинки крашу и грешу –
 Живу пока, не тлею.

И на Таганке нос чешу,
Зашедши в бакалею,
Считаю мелочь. Не грущу.
Иду своей дорогой.
И плачу от избытка чувств,
И упираюсь рогом
В свою судьбу день ото дня –
С утра и до заката...
Москва не балует меня,
Но терпит, как собрата.
Ей я не должен ничего,
Да и она мне – тоже.
Вот в этом наше с ней родство...
Крепка должна быть кожа,
Чтоб выжить в этом кутеже,
Свой голос сохранив.
На Красной площади-корже
Звучит не мой мотив.
Я сын своей большой страны –
Живу среди огня
Сам по себе... Листаю сны...
Москва не балует меня.

Александр ШАМОНИН

НО ЛИПЫ СЧАСТЬЕ НАШЕПТАТЬ КЛЯНУТСЯ

Холодный ветер дул без передышки,
гоня мусор по двору. Взахлёб
я думал о несбывшемся, не бывшем
ни в жизни, ни во сне, но только что б

ни говорили вещие старухи,
за прялкой сидя, нитка удалась
на славу, да и этот грязный угол
всегда мог обеспечить нервам связь

с огромным миром – подлинным и мнимым,
заговорившим без обиняков
о том, что в нём казнимо, что хранимо,
о том, где мелко и где глубоко.

Поэтому, чем громче дробь и россыпь
Отходов гуще, тем полнее миг,
прекрасный от обилия вопросов,
ужасный – без тюрьмы и без суммы.

Иного потому не надо царства,
чем государство нищего двора,
и, даже раздели его я на сто,
любая часть – гарант грядущих прав

на целое... Пусть не найти управы
на боль, на стыд, на череду утрат,
но ветер любит правых и неправых,
и я учусь – все дни мои подряд.

Очевидно, есть повод расстаться без слёз,
потому что везде их достаточно. В слякоть
ничего не сбывается, и купорос
неба вряд ли годится на то, чтоб заляпать,

что уже оживает. И капает медь
листьев, точно гроши мимо шляпы слепого.
Может быть, лучше так – ничего не иметь,
чем просить друг у друга, уже обескровев,
муки, скуки. Достаточно их и без нас,
где осенние трата и порча всеобща...
Если жизнь не короче паскудного сна,
у нас есть ещё право на целую рошу.

День начнется с кукушки будильника,
обещающей долгую жизнь –
веский повод стать временным циником,
не взглянуть на туманную высь

или даль за окном, чтобы потчевать
птицу-душу отборной тщетою
и брести между глав неразборчивых
книги каменной города, с той

неизбежной страницы начав свой путь,
где ты вписан в подстрочник судьбой,
что готовит синицу кому-нибудь.
Есть журавлик, но он заводной.

Быть может, ночью стихнет ураган,
внушающий нам суеверный ужас.
И надо устоять вновь на ногах
и, вопреки всему, готовить ужин.

Пока шипит в конфорке синий газ,
есть время для попутных уточнений.
Где и когда – неведомо сейчас,
зато зачем – понятно без мучений.

Появятся и аппетит, и вкус,
к чему был прежде ветер безразличен –
к заученному как-то наизусть
рецепту перевода снов в наличность.

Тогда и голых фактов череда
не сможет соблазнить. Впадая в крайность,
не говори о ливне, ведь вода
имеет ту же цель и вид на дальность,

что и мечта или, возможно, жизнь.
Скажи о ветре, что разносит в щепки
вчерашний дом, построенный на лжи.
А в нём огонь и варят кофе крепкий.

Духота обещает быть долгой. Сама
осторожность закрыла контору, уснула,
лишь увидеть успев, не слезая со стула,
как распяли весну на сожжённых полях.

Спрячь, пожалуйста, небо, иначе сгорим
и уже никогда не придём, не приедем,
возвращаясь в себя, за удачами следом,
к золотым куполам наших лип. Хоть умри,

а до этой поры
путь обратный неведом,
как ни будет горяч наш порыв.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

День пасмурный, и хочется расчёт
взять вместе с лесом, бросив в грязь, на землю
что заработал. Повод упрощён
и, если разобраться, неприемлем.

Но бытию в среде небытия
довольно часто свойственна поспешность
в поступках, изменяющих шитья
фасон. И голым королём, конечно,

быть выгоднее, чем брести с сумой
и вызывать слепое отвращение
у тех, кто уберечь умеет свой
суровый мир (в момент перерождения)

от лишних взглядов, от того, что мне
подчас бывало так необходимо,
чтобы остаться контуром в окне,
когда постройка вид имела дыма.

Сейчас здесь охры больше, чем фасад
мог удержать бы. Мысли опадают
последними, как год и два назад
на сотни лет вперёд, во тьму – и дале...

Оглянись на моё настоящее
без тебя: голый сквер, пустота.
От былого живого изящества
чувства – не остаётся листа

золотого. Есть слёзная ересь
в виде инея (так по-мужски?).
Страсть, пролившаяся через
край надежды, достигла тоски

как естественной точки расчёта,
где слились и земные ноли,
и небесные крестики. Квота
притязаний ничтожна вдали

от любой из твоих бесконечностей,
из которых тебя не вернуть
мне туда, где лишь сердце мечется
на отрезке полжизни в длину.

Спокойной ночи, улица. Листва
осенних лип нежна и колыбельна.
Я говорю стихами, если так
кому-нибудь понятней, но бесцельно

любое слово, даже слабый вздох
или безмолвие. Поверь, за всяким
стремлением всегда одно из трёх,
здесь вышеназванных. Но одинаков

всегда итог. И мне хватило б сна,
чтобы забыть, как поутру начнутся
ходьба и шум, что боль предрешена...
Но липы счастье нашептать клянутся.

В РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ

Елене Дьяченко

Звезда в вышине. Всё иное забудь.
Снег чистый такой, чтобы чистым был путь.

Метёт, как тогда, как в пустыне мело.
И не разобрать, где добро и где зло.

Но вьюги мотив навсегда заучи –
сплетение вспышек зажжённой свечи

с горячими былями новых эпох
(и в каждой из них сто дремучих дорог).

Твоя же по снегу уходит туда,
где, мрак побеждая, сияет звезда.

Тонкий месяц воскрес. Генератор предчувствий,
он работает точно по графику снов,
утверждённому то ли безоблачной грустью,
то ли регентом памяти. Мир невесом

и прозрачен настолько, что мысли медузы
норовят просочиться в другие тела,
а из парка глухого пернатый арузо
достигает вершин заповедных. Хвала

году, часу и тоненькой стрелке секундной,
что, от сердца отстав, оставляет в тени
вероломство событий, лишь песне подсудных.
Соловей за медлительность может казнить,

навсегда замолчав, – оправдать за поспешность
и в правах, днём утраченных, восстановить.
Надо много пройти. Я успею, конечно.
Только арфы коснусь – и душа не болит.

Сбереги горстку пепла от вспыхивых букв,
от безудержных слов из сгоревшей тетради
моих бед, если клёна горячий испуг
проживёт ещё миг в золотом звукоряде;
если в голую степь не уйдут поезда
и на флейте рассветной хоть что-то сыграет
юность чистая о молодых городах,
утопающих в звёздной сирени окраин;
если губ перекличка в реальности – шанс
отказаться от выверенных, но вчуже
расстояний от пунктов А, Б до нас;
если в талой воде янтарём свежих стружек –
обещание света, тепла, – уцелей
в суматохе кромешной сейчас и когда-то
для воскресного звука бессонных дверей
и для слова, забытого мной, благодати.

Александр КОКШАРОВ

ЗДЕСЬ НЕРВ ВОЛНЫ ЕЩЁ ЗВУЧИТ

Пьём водку, как воду...
 Не знаем ни броду,
 Ни божьего страха –
 Забыли породу
 И из человека
 Шагнули к приматам...

Теперь – автоматом – идем
 К бандерлогам...
 Деньгою и матом
 Забиты берлоги.
 Привет, бандерлоги!
 Привет, бандерлоги!

* * *

Фиолетовый дом –
 Золотой окаём;
 Синий ветер поёт у крыльца...

Он на крыльях стрекоз,
 Нежит венчики роз,
 В снах цыганки – у дома жреца.

В изумрудном саду,
 Она видит в пруду,
 Отраженье чужого лица...

Сквозь серебряный сон,
 Что-то шепчет оно,
 О цветке, что сильнее свинца.

О, эти виноватые глаза!
О женщины, которым имя – Вечность!
Я верю в вас, как в вашу бесконечность.
Небесный храм – глаз ваших бирюза.

Есть в каждой жизни странная мечта.
Она парит, она кружит, взмывает...
Она всеильна, и она свята –
Для тех, кто с ней рожден, да только знают

Всю глубину своих исконных чувств
Лишь единицы, что живут мечтою,
Не пряча бедную в словес терновый куст,
И остаются, каждый миг, собою.

О. М.-й

Ты – вереск цветущий,
Духмяные соты,
Ты – полюшко-поле,
Молельная нота,
Ты – солнечный голос
Небесного ока,
Ты – та, что от боли
Ушла раньше срока...

Ты – жгучее «соль»
Запредельного соло,
Ты – слово, в прощальном
Изломе поклона,
Ты – смертью поправшая
Скверну ухода,
Ты – жизнь, за загробной
Чертой перехода.

У друзей есть право предавать?..
 Не суди их, не предавший – чудо.
 Вспомни, что Пришедшего спасать
 Предали, и не один Иуда...

И когда обиды горький яд
 На друзей предавших, душу травит,
 Вспомни ночь и Гефсиманский сад...
 Ты ли без греха, чтоб бросить камень?

Еще шумят деревья на Земле,
 И дождь стучит по крышам,
 Спорят люди...

И, значит, всё в порядке –
 Пусть пока. А там – покажет время,
 Бог рассудит.

Стены, крыши, трубы, чердаки
 На закате лета польхают!..
 В августе медовом, догорая,
 Истлевают жаркие деньки.

Я гляжу в мерцающую даль...
 Август, август, как ты быстротечен!
 Да и я, увы, увы, не вечен...
 Все мы платим жизни эту дань.

Т. Д.-й

Осень выходит на свет...
 Осень – не только просвет
 Золота в хмызи седой,
 Плачущей с неба водой.

Но даже в этой тоске,
Боли, зажатой в руке,
Есть оправдание нам –
Знающим жжение ран,

Редких, но жгучих утрат,
Мысли: «И я виноват!»...
Осень, ты дальше иди, –
Плачут не только дожди.

Ветер, ветер!..
Безумно желание лета
Удержать осень.

Поёт залётный!..
Щёлкает, щебечет...
Мне сердце рвёт и лечит.

Гремит трамвай,
Трясётся дом,
Как будто рядом
Пляшет гром!

Ликует в танце
Всех дорог
Трамвайный бог –
Не жалко ног!

Бренчит монистами
Колёс
Хранитель самых
Мирных гроз!

Гремит будильник
Городской!..
Уходит ночь,
А с ней – покой.

Движение... Движение по кругу...
 Острова, страны, океаны и
 Чудовищные жуки в траве –
 Со слоновий рост...
 Удивительные изумрудные игуаны,
 Кузнечики с глазами схоластов,
 Миллиарды светлячков,
 Каждую ночь с завистью
 Подделывающих небо...

Шумящие, как обезумевший примус,
 Тропические дожди...
 Побитыми щенками скулящие кашалоты,
 В глубинах, не помнящих
 Ни дна, ни покрышки...
 Вечерняя месса ревунов,
 Полет стрижа, штопающего небо...
 Но небо расползается, расползается,
 А лапики облаков срывает пьяный ветер!..

Хор песчинок в бархатных барханах пустыни,
 Желторото взывающих к дождю!..
 Деревья, влюбленные в землю
 До каждого кончика корня...
 Луна – сама в себе, и солнце – в каждом...
 Он и она, бегущие по кругу –
 Навстречу, или прочь,
 Куда-то – друг от друга...
 Какая ночь!

БЛЮЗ

Имей хорошие ноги,
 Имей мужчин,
 И для тоски не будет причин.
 Имей!

Есть короткая юбка
 И грудь хороша,
 Поимеешь все, что захочет душа.
 Имей! Запрягаем коней!..

Улыбайся смелее,
Если зубки в порядке!
Хорошо, если есть шелковистая прядка.
Имей!

«Что захочет душа!»,
Только что за душой?
Ты не думай об этом, ведь всё хорошо!
Имей! Поскорей!

Эх, жизнь-конфета!
Эх, жизнь-шоколадка!
Вперёд на джипах!.. Всё чисто, всё гладко!
Имей! Что за дивный хайвей!..

Пусть будет плешивым,
Пусть будет гадким,
Но если с «лаве» у него всё в порядке –
Имей! Подожди, не старей!..

Но жизнь убегает,
И ты стареешь...
И вот ты уже никого не имеешь.
Имей! – дьявол гонит коней!..

А тебя поимеют,
И новых «имелок»
Наберут по углам, ну а ты устарела...
Имей! Эй, гляди веселей!

Все друг друга имеют –
Что за чудное время!
Поспеши и ты в этот круг поскорее!
Имей! Иней в прядке твоей...

«Что захочет душа!»,
Только что за душой?..
Ты не думай об этом, ведь всё хорошо!
Имей! Кончен бал. Э-хе-хей...

Лунный жук
Ползёт по моей руке...
Он уже вдалеке,
Как рифма в моей
Предыдущей строке...

Фосфорисцируя лапками,
Он разговаривает
Со мной, как гобой со скрипкой –
Тихим скрипом
Ветвистых лапок...

Путь его краток.
И только мшистое пузо,
Как парус Лаперузо,
Бороздит мои линии
Ладонного моря...

Я не спорю –
Ведь ему еще надо лететь
Сквозь холодную лунную клеть,
Огибая беспечно и шало
Наших спутников мрачную твердь.

СМОЛЕНСКАЯ ПЕСЕНКА

Через семь холмов смоленских
Ранним утром еду я...
Мельтешат покровки, кловки
В сумасшедшей гонке дня!..

Как котел бурлит «Колхозка»,
И гудит ж/д вокзал...
Эй, маршрутная повозка,
Я не всё ещё сказал!

Этот город околдован
Скачкой вечного Коня...
Этот город окольцован,
Ну а вместе с ним и я.

И не вырваться из плена
Даже на краю земли...
Здесь, Днепром, судьба мне пела
О потерях и любви.

Вот и вечер, и над Блонье
Зажигаются огни...
И оранжевый трамвайчик
На Гагарина звенит!

Синий вечер, и студенты,
Как галчата – тут и там,
Славят Бахуса у Глинки,
По скамейкам и дворам!..

Звон колоколов в Успенском!
Бьется сердце невпопад...
Где ж вы, кони, мои кони?!..
Знает, видно, конокрад.

Едем вниз, где спит «Колхозка»
Да гудит ж/д вокзал!..
Эй, маршрутная повозка,
Я не всё еще сказал!

У самого моря
Быть лодкой белёсой от соли
И ждать рыбака,
Чтоб отплыть до зари...

Ждать парус и вёсла,
Как руки любимой,
А после идти, успокоясь,
Из бухты гаванской!..

Сначала на тонкий
Порез горизонта –
Меж двух отражений –
Под выплески вёсел!..

Когда же – два на два:
Я – с ним, солнце – с бездной,
Пугаем друг друга явленьем реальным,
Как сталь в прободении рёбер
Безжалостно сердце сжимает,

Всё слепнет на грани касаний...
И только летящие рыбы,
Ребячливых чаек сбивая,
С полёта слепого – тенями,
Зовут за собой – в глубину...

И, за полётом проследив,
Приходит бриз,
Как в сумерках прохладных
В нас входит крепкий ром...

Мы ставим влажный парус.
Где ты, рыба?!

Как воздух свеж
На утренней заре!
И облака – как простыни с мороза...

Плывут небесные метаморфозы,
Но жухнут лотосом
В полуденной жаре...

О СОВРЕМЕННЫХ ЗАГРАЖДЕНИЯХ

Настроили вору заборы:
На каждом заборе – затворы,
Добра наворованы горы,
Чины и карьеры – всё в пору!

И свора натасканных рыщет –
Врагов-расхитителей ищет...
А что же ещё остается? –
Вдруг вор поискусней найдётся?!

Решётки, решётки, решётки –
У вора с фантазией чётко:
Хоть всё уворуй – будет мало!
Но трон, что он спёр, всё же – нары.

А мы не спешим за заборы –
Свободе смешны все затворы.
И, право, нет лучше забавы –
Глядеть, как вор тащит у вора!

* * *

Книги, как собаки,
Погибают в драке,
Или – стариками –
Под пятою мрака.

Их сжигают, режут
С бешенством маньяка,
Тихо забывают
Как издержки брака...

А они всплывают –
Капитаном Немо,
Графом Калиостро,
Яростью тореро!..

Книги побеждают,
Потому что немые,
Потому что нету
В них отсутствия веры.

Если это книги,
А́ не гниль гангрены.

ЗАРИСОВКА С ЮГА

По Одессе, спозаранку,
Блакуняет пьяный Улисс...
Одесную – Пенелопа
Чешет царственной походкой.

* * *

В муаровой дымке топаза
Томится предчувствие алмаза...
Огранка вод чистых и твёрдость –
Бриллианта достойная гордость.

В муаровой дымке апреля
Томится предчувствие трели,
Что в мае – поре соловьиной –
Важнее бриллиантовой силы.

* * *

Ты зачем обращаешься к небу,
Если чувства твои скудны?
Если даже ни зрелищ, ни хлеба
Не хватает тебе без струны,

Что натянута снизу – до верху,
Но ни там и ни там нет стены?..
И летишь ты, подобно стерху,
Чтоб коснуться печальной Луны...

Ни зрелищ, ни хлеба –
Ни то, ни другое...
Так что же, так где же
Тебе дорогое?..

Ни зрелищ, ни хлеба
Тебе не хватает,
А жизнь твоя тает,
Страницы листая...

Сильным быть – непростая наука,
В ней смирение – превыше всего.
Искушенье, как старая сука,
Всё скулит у окна моего!..

Но я снова и снова – к небу
Обращусь, потому что там
То, что выше и зрелищ и хлеба,
То, чего никогда не предаю.

Тихо трону я струну гитары –
Нежный голос во мраке зазвучит...
Где же та, которую так ждал я?
Может, я давно ей позабыт?..

Выйду тёмной ночью в чисто поле,
В небе отыщу свою звезду...
О своей смешной и горькой доле
С ней неспешно речь я заведу...

А звезда мне тихо отзовётся,
И шепнёт:
– Не вечна боль твоя.
Скоро нить страданий оборвётся –
Уж поверь, об этом знаю я.

Ты иди своей любви навстречу –
Путь проходит, кто идёт вперёд.
Я лучом судьбу твою отмечу...
Та, что ищешь – не забыла, ждёт.

С той поры по миру я кочую,
А со мной везде моя звезда.
И с её лучом любовь ищу я...
Ты свети мне, звёздочка, всегда!

Настройся на мою волну –
Иной страны струну!
Здесь нерв волны еще звучит...
Над штормом прокричит!

Он словно чайка плачет нам:
«Я там, я там, я там!»...
И сердцем раненым – волна
Бьёт!.. но вокруг – стена.

Настройся по моей волне –
Во мне, во мне, во мне!
Она, как чайка закричит!..
И мир иной звучит.

Вероника КАРАТ

БОГ СО МНОЮ И АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ!..

От составителя альманаха

Она научилась писать стихи, не используя рук. И жить – забывая о своем недуге.

Смолянка Вероника Картузова живет в «доме милосердия», ее друзья в основном со статусом online... Её болезнь неизлечима. В юном возрасте внезапно отказали ноги... Когда Вероника уже не смогла сама ходить в поликлинику, врачи про неё забыли... После смерти матери она пролежала дома ещё 8 лет в компании отца и его новой жены. А когда полностью не смогла себя обслуживать, переехала в Кардымовский дом-интернат для престарелых и инвалидов. В 2009 г. врачи поставили диагноз – рассеянный склероз. Стихи Вероника пишет с раннего детства, уже с 12 лет вела школьную газету. Лирика Вероники Карат наполнена любовью к жизни, людям, матери, природе, родному краю, её стихи искренни и трогательны до слёз.. Она пишет и стихи для песен, прозу. Одно из ее стихотворений даже было опубликовано в русско-американском журнале New Vestnik NJ. А однажды Вероника поучаствовала в творческом конкурсе под руководством Дмитрия Маликова и стала победительницей, получив в награду студийные наушники.

Ника Карт – псевдоним, который поэтесса придумала себе еще в юности. Незаметно Карт преобразилось в Карат... По словам поэтессы, она давно смирилась со своими болезнями и проблемами: «У меня пропадает подвижность конечностей, нарушаются речевые и глотательные функции, развивается несусветная, непередаваемая слабость. Мелкие частицы пищи вдыхаются, и я давлюсь, впрочем, водой, слюной и воздухом тоже могу поперхнуться. Каши лучше не есть. При каждом движении я сильно напрягаюсь, зубы машинально стискиваются, скрипят и крошатся. Сплю в одежде, но под тонким пледом, потому что даже самое легкое одеяло стало неподъемным. А еще я почти онемела, говорю тихо-тихо, дыхания хватает на одно-четыре слова. Лежа вообще не могу говорить. Диплопия (двоение в глазах) тоже очень мешает. Глазной нерв болезнь задела еще в 2007 г., с тех пор самопроизвольно часто текут слезы, ощущение, что они состоят только из соли – так больно, когда они текут! Со дня переезда в интернат сижу, скрестив ноги по-турецки. Сидеть, спустив ноги, было холодно, а вытянув вдоль постели не умела. Теперь контрактура совсем сковала колени, и они не разгибаются. Сидя, постоянно падаю на бок, и персоналу приходится меня поправлять почти каждые полчаса. Еще голова машинально запрокидывается назад и вверх, а незнающие люди думают, что я что-то разглядываю на потолке. Болезнь требует от меня невероятного терпения и умения ждать помощи без нервов. Наверно, я слабая, ведь всегда смиряюсь, прогибаюсь под обстоятельства. Видимо, поэтому я должна была прожить именно такую жизнь. Такова судьба, и бороться с ней бесполезно. Очень хочется, чтоб я была последней, кому она такая выпала».

С каждым днем болезнь интенсивно прогрессирует. У Вероники ухудшается самочувствие. Сейчас единственное, что может делать Ника Карат сама, это всего лишь одним, еще подвижным, пальцем иногда выстукивать по клавиатуре свои стихи. Но зачастую придуманные четверостишия Вероника диктует санитаркам. Вероника автор двух сборников стихотворений. Подготовлена к изданию детская книга стихов, иллюстрированная смоленской художницей Татьяной Озеровой. Общественность собирает деньги на издание этой книги. Нужно собрать 80 тысяч рублей.

Вероника просила выразить душевную благодарность всем работникам дома-интерната, не по долгу службы, а по велению сердца, оказывающим ей помощь в печатном оформлении её стихов.

Почитайте стихи Вероники. Сопоставьте её жизнь и творчество со своими. Страшно сравнивать, как мучился на кресте Христос и как мучается в жизни Вероника. Но она пишет стихи, полные любви ко всему живому, к миру, который сотворил Бог. И ни слова – против Создателя. И да простят меня священнослужители, позволю себе по-светски спросить: разве это не святость?

СТИХИ О СТИХАХ

Пишу и сама удивляюсь:
Откуда такие слова?
Живу – не грешу и не каюсь,
Затворницей кличет молва.

А строчки ложатся так ровно,
Как воды полночной реки,
Ласкают, как тёплые волны,
Как бабочки крылья, легки.

Росинками капают с веток,
Мелодией в сердце звучат,
Рождаются с ветром рассвета
И дождиком летним журчат.

За дар, видеть чудо в привычном,
Спасибо шепчу небесам.
Жаль только, что в мире обычном
Немногим нужны чудеса.

20.11.97

ДЕТСКИЕ МЫСЛИ

Как приятно думать о хорошем
И в окно за снегом наблюдать!
А за то, чтоб лёгкой стать порошей,
Можно было б многое отдать!

Отпустить бы душу к «балеринкам»,
С ветром покружиться, полетать,
Стать подружкой маленьким снежинкам,
С ними таять, с ними вырастать.

И на шубе бабушки- Метели
 Можно было б с многими дружить,
 И на санки к Снежной Королеве
 Сесть и во дворце её пожить...

Ну, откуда детских мыслей столько?!
 Зазывает в сказку белый снег.
 Только, если в жизни слишком горько,
 Возвращаться в детство разве грех?

30.01.98

ПЛЕННИЦА ЗАКАТНОЙ ТИШИНЫ

Опять глаза, опущенные долу,
 Не видят разруганный закат.
 Еще для сердца памятны уколы,
 Которыми любовь вливает яд.

Не верится, что всё, чего не знаю,
 Могу и вовсе в жизни не узнать.
 И на молитвы глупо уповаю –
 Пора уже привыкнуть выживать.

Быть может, зря всегда сижую, поникнув,
 Не поднимая к небу головы.
 Быть может, я когда-нибудь привыкну
 Быть пленницей закатной тишины.

20.09.98

Меня не любят – это больно.
 Меня жалеют – это хуже.
 Любви, быть может, не достойна.
 Но только жалости не нужно.

Ведь даже если без ответа
 Любовь крылит и возвышает,
 А жалость прочь ведет от света,
 А жалость только унижает.

В сумерках вечера майского
Есть неземное, есть райское.
В этих лиловых мгновеньях
Есть для души исцеленье.
И не страшит одиночество,
В них есть свобода для творчества.
Сумерки вечера мая
Строчки в стихи собирают.

18.02.99

Утону в августовских ночах,
Млечный Путь мне дорогу осветит.
Пусть в реальности груз на плечах,
Но душа-то свободна, как ветер!

Птицу крылья могли б подвести,
Ну, а мыслям-то крыльев не надо,
Чтоб свободный полёт обрести,
И материя им – не преграда.

Только жаль, навсегда не смогу
Улететь от реальности тошной.
Мелочей, может быть, избегу,
Но глобальное слишком тревожно:

Так, душою плутая в мирах,
Вдруг замру в бесконечности где-то,
Ощущая мистический страх:
Как мала, беззащитна планета!

18.08.99

ПРО МОЕГО КОТА

Всю ночь концерты слушали кошачьи.
Наш кот, солируя, на форточке сидел,
Нас приобщить к высокому хотел,
А в комнату пролез мороз кусачий.

Он пел: не время грусти и печали,
 Ведь на пороге новая весна!
 А нам хотелось тишины и сна,
 И оттого мы песенке не вняли.
 Он схлопотал по мордочке газетой
 И был насильно выдворен за дверь,
 Не понаслышке знает он теперь:
 В отечестве своем пророков нету!

ЖАЛЬ...

Жаль под ноги лист упавший
 И разбившийся бокал,
 Жалко клён, в костёр попавший,
 Что всего лишь пеплом стал,

Жаль бездомную собаку
 И голодного кота,
 Воробья, что рвался в драку
 И остался без хвоста.

Жаль куда-то опоздавших
 Из-за сломанных часов,
 Жаль, что много не звучавших,
 Но прекрасных, добрых слов!

Много, жаль, тоски зелёной,
 Мало радости благой,
 Жаль любви неразделённой
 В мире больше, чем другой!

Жаль, что снова чьи-то мысли
 Завлекут его в беду,
 Жаль потраченный без смысла
 Самый длинный день в году.

Лучших лет, всего лишённых,
 Что покрыла слёз вуаль...
 И грехов, не совершённых,
 Отчего-то тоже жаль.

22.06.00

Бывает взгляд, бывает слово,
Бывает жест важней любого,
Бывают люди-эпизоды
И эпизоды аж на годы.
Бывает, зло в добро вращается
И да и нет переплетет,
Два минуса сойдутся в плюс,
А плюс на минусы пойдёт...
Я больше смерти не боюсь...
Она добрей, чем жизнь бывает.

21.04.2001

ГОРЕ

Я в окно на детишек смотрела,
Что под ивой во что-то играли:
Ножкой делали шаг неумело,
Но вперед за мечтою шагали.
У меня детство тоже ведь было,
Беды, радости – все понемногу.
А теперь, где играла, ходила,
Пыль моя выстилает дорогу.
Но каких бы проблем ни случилось
И каких бы там дров ни ломала,
Всё улыбкою мамы решалось,
И она же на свет направляла.
Пусть размолвки порою бывали,
Только мама и дочка сильнее.
Сердце к сердцу проблемы решали
И, друг в друге найдясь, мы мудрели.
Безусловна любовь материнства,
И ребенка любовь безусловна,
Нету большего в жизни единства,
Коль любовь эта единокровна!
В первый раз не о детстве рыдаю,
Горе взрослое сердце тревожит,
Ведь никто, никогда, понимаю,
Называть меня мамой не сможет.
В доме будет порядок все время,
В нем погрома никто не устроит,
Но не знать материнское бремя –
Это главное женское горе.

16.02.2002

ХУДОЖНИК

Чашку кофе в ладонях сжимаешь –
 Что ль, тепла нет дороже её?
 И ласкаешь губами, ласкаешь,
 Но фарфор этих ласк не поймёт.

Пей меня – я напиток горячий,
 Крепкий, пряный и даже хмельной,
 Аромат мой с годами всё ярче –
 На фантазии зрел неземной.

Только горечь моя – вот проблема,
 Ложкой сахара здесь не помочь,
 На потерях и боли созрела
 И черней, чем январская ночь.

Но полюбишь, и я-то уж знаю –
 Эта горечь исчезнет сама,
 Не фарфор я, и если ласкают,
 Оценю и отведу сполна...

Ты сидишь, заморожен закатом,
 А потом загрустишь по луне –
 У художника в сердце проклятом
 Нету места одной только мне.

08.06.02

СЕРДЦЕ

Год который в сердце холод,
 Неживая тишина,
 Эмоциональный голод –
 Как бетонная стена.
 Ничего оно не просит,
 Ничего уже не ждет,
 За окном – весна, но осень
 В сердце. Дождь и гололед.
 Новый май вот-вот растает,
 Снова сердцу тяжело:
 Так никто и не узнает,
 Что оно любить могло.

23.05.2005

ДУША

Ни для кого не став полезной,
Не став желанной и родной,
Она вот-вот сорвется в бездну,
Ей все равно, где быть одной.
Она оглохла и ослепла,
Не в силах даже помечтать.
Сквозняк развеял горстку пепла
От крыльев. Больше не летать.
В плену бракованного тела,
Забята Богом и тобой,
Она совсем окончена
И разучилась быть душой.

23.06.2005

ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

Если что-то нельзя отменить –
Я учусь это что-то любить.
Это дело, по сути, не сложное:
Просто надо найти в нем хорошее.

Научилась любить одиночество,
Раз оно не желает закончиться.
Если с ним невозможно расстаться,
Я найду повод им наслаждаться!

Я планирую день под себя!
А не так, как другие хотят.
Мне б еще от людей не зависеть
И тогда нет прекраснее жизни!

Много времени для размышлений –
Больше будет разумных решений!
Много мыслей приходит подспудно –
Одиночество делает мудрым!

Разве я одинока? Смотрите:
Бог со мною и ангел-хранитель!

2.03.06

По фактам моего рожденья
 Мое зачатие – случайность,
 И пролилось немало слез.
 Коньяк армянский «Белый аист»
 Меня родителям принес.
 Я родилась познать несчастье,
 Душевных ран изведать боль:
 Дитя-уродец с волчьей пастью
 И жуткой заячьей губой.
 И врач: «Не выжить ей, – скривилась, –
 Забудьте, мама, о дочке!»
 Но с фигой я на свет явилась,
 Зажатой в левом кулачке.
 Я и врагу не пожелаю
 Изгоем быть среди детей,
 Когда тебя, как вещь, шпыняют
 И ненавидят даже тень!
 Врагов не помню, зло прощаю.
 В душе есть кладбище потерь,
 Их там тихонько закопаю
 И памяти закрою дверь.
 Так и живу мольбой о рае,
 Я Бога сильно не грузу.
 Коньяк порою попиваю
 И смерти фигу покажу!

3.09.2006

Февральский день последний луч роняет,
 Поземку-кошку ветер-пес гоняет,
 Негородская тишина, морозный скрип,
 Хребты снежинкам чей-то шаг ломает.
 Поземка-жизнь... Как можешь, как умеешь,
 В ней кружишься, понятия не имея,
 Что где-то в тишине уже есть тиг –
 Раздавит, даже пикнуть не успеешь.

11.02.2007

АВГУСТ

Спас Медовый, Яблочный, Ореховый,
Облака с лазурными прорехами
И закатов долгое сияние,
Август – лета спелое дыхание.
Вот опять Успение намолено,
Звон заутренних разлит над колокольнями...
Звездные дожди алмазной россыпью,
Август ранен в сердце этой осенью.
Отшумело лето, затуманило,
Ароматом ярким одурманило,
Даже на обрыве одиночества
Август верит: жизнь еще не кончилась.

28.08.2007

КОШАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Упадок сил, упадок мыслей,
И настроенье не поднять.
Зачем мне, кошке, девять жизней?
Здесь и одну не потерять.
Хозяйка топчется. Смешная,
Считает, что меня умней.
Вот я мурлыкну, приласкаю –
И из нее веревки вей!
Еда такая и всякая:
Сметана, рыба, колбаса.
Короче, что еще сказать,
Еда-то есть, но неживая.
А я же хищница, охотник,
И мне себя не изменить.
Василий – кот из подворотни –
Мышей звал как-то половить.
Вот это, прямо скажем, дело!
Мы веселились до утра,
Хозяйка, правда, обнаглела
И в доме после заперла.
Потом она меня стирала,
Сушила феном, и, поверь,
Лавандой я семь дней воняла,
И хвост не высунешь за дверь!
Она и когти мне подстригла!

Чтоб ей блоха залезла в нос
 И чтобы ейную машину
 Со всех сторон пометил пес!
 Да тут соседского Мурзила
 Ветеринар взял в оборот.
 Добился, мартовский кутила!
 Короче, он теперь не кот.
 Пойду-ка тяпну валерьянки,
 А ты, Матрена, тут держись,
 У тя ж котята – не до пьянки...
 Кошачья жизнь. Кошачья жизнь!

16.10.2007

О СЕБЕ

Я в следующей жизни стану псом
 С огромными и добрыми глазами,
 А главное – что будет у меня
 Любимый, понимающий хозяин.
 Ведь хочется же ласки и тепла,
 Уютного угла и верной дружбы,
 Любимой зваться и любимой стать.
 А что еще для счастья в жизни нужно!

12.03.2009

ЗАДУМАЛАСЬ

Прозрачное рассветное сияние –
 Рожденье дней и веры в чудеса.
 Не зная времена и расстояния,
 Рассвет приходит, славя небеса.

Не ждёт природа славы и признания
 Красот неувядающих своих.
 Непостижимы тайны мироздания
 И каждый в вечность занесенный миг.

Неужто Бог продумал всё заранее:
 От бездны океанской синевы
 До самого последнего дыхания
 Июльской свежескошенной травы?

29.07.09

КАРЬЕРА ВЕДЬМЫ

Все женщины крылаты от рождения,
Как ангелы, спускаются с небес.
Но в жизнь однажды входит наважденье –
Змей-искуситель, или, проще, бес.
И, душу страстью в пепел выжигая,
Потом, развеяв где-то на ветру,
Он крылья безвозвратно обрезает...
И женщина садится на метлу.

21.02.2010

ОСОБЫЙ КРУГ

Когда любимый сзади подойдет,
Обнимет тихо, ласково и нежно,
Твое сердечко полыхнет, замрет,
Лишь на мгновенье, но оно безбрежно.

Как дорого сплетенье этих рук!
Неважно, где, когда и что там было!
Сейчас есть только вы и этот круг –
Надежная, уверенная сила.

Объятия, не зная берегов,
Сейчас создали отношений вектор:
Вокруг тебя вселенная его,
А ты теперь вселенной этой центр.

Молчанье на двоих – всех слов сильней.
Быть можно беззащитной, хрупкой, тонкой,
Объятия – крепость, и сегодня в ней
Ты женщина, а может быть, девчонка.

Уют, защита и такой покой!
Что ты, невольно, сахаром в них таешь!
И, зачарована, объятий тишиной,
Невольно в них корнями прорастаешь.

Любуется сейчас, наверно, Бог
На вас двоих, как лучшим из творений,
А каждый в унисон летящий вздох
Сплетает бесконечность из мгновений.

27.01.11

КОМНАТА

Пустая, холодная комната
 С плотными шторами пыльными,
 Кому-то когда-то знакомая,
 Но только никем не любимая.
 Удушье от воздуха затхлого,
 Обои потертые скомканы,
 Давно закрытая наглухо –
 Себя я такой вижу комнатой.
 Морщины все глубже, как трещины,
 Не личная чья-то, казенная.
 Я нерожавшая женщина...
 Фактически и нерожденная.

22.06.2011

Любой услышит,
 Если закричу,
 И только ближний,
 Если прошепчу,
 Надеюсь, где-то
 В недалеком будущем
 Найдется некто
 Ласковый и любящий
 И будет слышать
 То, о чем молчу.

11.07.2011

Никто не поднесет любви на блюде?
 И заслужить ее бывает тяжело?
 Ведь нас нередко очень строго судят
 За то, что даже не совершено.
 Не строя планов, будет ли, не будет,
 Надеюсь все же, что не все черно,
 Всегда ищу хорошее я в людях,
 Плохое просто сыщется само.

31.01.2012

Если жизнь вам показалась пыткой,
Вспомните меня, мою улыбку,
Чтобы жизнь вам показалась краше,
Просту сравните беды наши:

Если ноги ходят, руки живы,
Есть, хоть кто-то, для кого важны вы –
То унынем Бога не гневите
И за то, что есть, благодарите!
Потому что счастье тех лишь греет,
Кто ценить умеет, что имеет!

17.04.12

Если желанья твои не сбываются,
Значит, твоими они не считаются!
Если желания чем-то навязаны,
То исполняться они не обязаны.
Или же, если тебе предназначены,
То адекватно еще не оплачены.
Чтобы подарки судьбы получать,
Надо учиться душой отдавать.

Александр АГЕЕВ

ПОД ТУЧАМИ МОЯ ЗВЕЗДА...

Рае Ипатовой

Раиса! Стихи твои – с нами.
Беру твою строчку взаём:
"А жизнь – это вечный экзамен".
И мы не сдаёмся – сдаём.

Я вашу Россию не помню...
Г. Иванов

Уходят друзья. Мне бездомней...
И сам тихо к звёздам лечу.
И то, что потеряно, помню,
А что приобрёл – не хочу.

Попрятавшись в тёмных аллеях,
Взыскуем мы млечных полей...
Звезда позади – всё алее,
Звезда впереди – всё белей.

Бывали тощие года –
Народ не вымер и тогда.
Настали тучные года –
За тучами моя звезда.

*Генерал-майору авиации
Е.А. Михайловскому*

Часто я просыпался от грома
В той былинной стране – СССР:
Самолёты над крышею дома
Звуковой пробивали барьер.

За барьеры сочли мы оплоты –
И давай их бездумно крушить...
Вновь мне спать не дают самолёты,
Огоньками блистая в тиши.

СТАНСЫ

*Товарищи! Мы идём нога в нога... ..гу
со временем.*

Л.И. Брежнев. Апокриф № 1237

1

Строем в бой и на труд,
Строем шли до уборной.
Да и ныне, и тут
Всё решаем соборно.

2

Едины мы, нас много,
Идём мы нога в ногу.
Хоть есть ошибки, но
Идём мы нога в нога...

3

Ну что может быть благородней и выше:
Едины Россия и Прохоров Миша,
С солдатом един экс-министр Сердюков...
Страна олигархов – страна бедняков.

4

У страны-то – ой-ё-ё,
Со здоровьем шатко:
Воспаленье у неё
Сырьевых придатков.

5

Чтоб склеить надёжно века,
Довольно простого плевка.
Но кажется мне, у страны
На это не хватит слюны.

Алексей ПРАНОВ

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ СТРУНА

ХРАМ

Убеждаюсь я снова и снова:
Все дороги мои в этот храм
Первозданного мира лесного –
К диким тропам и птичьим хорам.

Дай мне руку. За мною, смелее!
Мы под сводами хвойных вершин
Мирно дремлющих сосен и елей
Ряд открытий с тобой совершим.

Здесь отсутствуют окна и двери,
И решётки отсутствуют тут,
Где живут только птицы и звери
Да лесные деревья растут.

С чистым сердцем порою любую
Заходи в этот благодный храм:
Если мы к ним с добром и любовью –
И они доверяются нам.

Ну а там, где решётки и двери –
От доверья остался лишь прах...
Может, там кровожадные звери
Сеют ненависть, злобу и страх?..

ВДВОЁМ

Заря вечерняя печально угасала,
Зеркально отражаясь в Остре.
На прутик нанизав кусочки сала,
Ты жарила нам ужин на костре.

Два селезня – дневной трофей двустволки,
Охалка дров – добыча топора.
В лугах некошених кричали перепёлки,
Мол, ночь близка и спать уже пора.

Густел туман, река вдали парила,
 В сырой низине скапливался дым...
 Сухое сено – мягкая перина
 Влюблённым двум, красивым, молодым.

Мы гнали сон – неопытны и юны...
 Кому не страшно было в первый раз
 Порвать случайно трепетные струны,
 Что ненадёжно связывают нас?

Но робость – устранимая причина.
 Проснувшийся в объятиях твоих,
 Я утром знал, что должен, как мужчина,
 Добыть огонь и завтрак на двоих.

ДИЛЕММА

Библии, Талмуда и Корана
 Мне премудрость мало помогла:
 Где не ждёшь подвоха и обмана –
 Жизнь коварно бьёт из-за угла.

Кажется: ну вот ещё немножко
 И успех как будто на мази... –
 Тут тебе поставлена подножка
 И ничком валяешься в грязи.

Кто-то слева, руки потирая:
 – За едва надкусанный ранет
 Вы навечно изгнаны из рая –
 Можно всё, запретов больше нет.

Не сдавайся, рвись к заветной цели,
 А не жди подачки от судьбы,
 В повседневной жизни карусели
 Позабудь про «абы» да «кабы»!

Научись давать по жизни сдачи –
 Рви кадык, цепляйся в волоса –
 И тебя покинут неудачи,
 Чёрная отступит полоса.

Посмотрел налево – чьи-то рожки,
 Запах серы, глазки – два угля...
 Стало ясно, чьи это подножки,
 Кто коварно бьёт из-за угла.

Справа, под напевный звук свирели:
– Помни во спасение души:
В достижение благородной цели
Не любые средства хороши.

Про Эдем не выдумана повесть –
Дверь туда для многих заперта.
Пусть тебе твоя подскажет совесть,
Где лежит запретная черта.
Посмотрел направо – лебединых
Надо мной простёрты два крыла:
Светлый ангел сил непобедимых
Голосит про скорбные дела.

Как же нелегко бывает, братцы,
Под такое пенье и галдёж
Толком в этой жизни разобраться –
Есть опасность сгинуть ни за грош:
Повернёшь направо – жизнь отравя,
А налево – вовсе пропадёшь...

ПРО СЕБЯ

Не обижен, вроде бы, ни силою, ни удалюю –
И в любви и в карты до сих пор везёт,
Не был херувимом, но не был и Иудею
И ночами долгими совесть не грызёт.

Побродил дубравами, чащами да рощами,
У реки – у озера находил приют...
Между делом детушки рождены и взрощены –
Пусть живут не тужат, хлеб да соль жуют.

Думал, не придётся испытать усталости,
Но и ей, как водится, наступил черёд:
В прошлое всё кануло, только и осталось-то:
В беспросветной серости доживать до старости,
Будни все и праздники зная наперёд.

Добрая хозяйюшка на обед наварит шей,
Напечёт сердешная вкусных пирогов...
Только за столом у нас ни друзей-товарищей,
Ни соседей, ни родни, ни лихих врагов.

Попусту растрочена этакая силища,
 Просочились годы, как в песок вода.
 Как это у Гоголя Николай Василича? –
 Скучно жить на белом свете, господа...

НАПУТСТВИЕ

Выросли, окрепли, оперились –
 Вылетают дети из гнезда.
 Голубые дали им открылись,
 Манит путеводная звезда.

– Почему им дома не сидится?
 Глупо от добра добра искать! –
 Пробует отец слегка сердиться,
 Прослезилась жалостливо мать.

Кажется, вчера ещё в сандалиях
 Бегали, возились на песке...
 Что там? Как там, в этих синих далях? –
 Сердце разрывается в тоске.

– Ну, не забывайте нас, пишите, –
 Прозвучал родительский наказ, –
 На расправу шибко не спешите
 И с добром не лезьте напоказ...

Самолёты где-то приземлились,
 Прогудели где-то поезда...
 Выросли, окрепли, оперились –
 Улетели дети из гнезда...

In vino veritas

Реченье «истина в вине» –
 Одно из ложных.
 Другие истины по мне,
 Три – непреложных.

Они просты, поверь всем трём,
Не спорь напрасно:
Бог точно есть,
Мы все умрём,
И жизнь прекрасна...

ПАМЯТИ БАБУШКИ

Разолью вино в две стопки поровну,
Ломтик посолить не премину...
Бабушку, Анисью свет-Егоровну
Терпким зельем скромно помяну.

Вспомню её долю горемычную,
Сердце доброе, не помнящее зла,
Руки, ко всему давно привычные,
Все в мозолях, венах и узлах;

Тёплый взгляд, морщинок мелких лучики,
Что легли вокруг усталых глаз,
И слова: «Живите долго, внучики...
Дай-то Бог, чтоб только лучше нас...»

Нередко нас ранит гораздо лютей
Отточенной стали кинжала
Предательство друга, жестокость людей,
Расчётливой подлости жало.

Обидно до слёз, только плакать не смей!
Пусть сердце мучительно сжалось,
Запомни: среди скорпионов и змей
Надеяться глупо на жалость.

Обиды щемящую боль заглуши,
Свою не показывай слабость,
С презреньем к тому, в ком ни капли души,
Сумей рассмеяться, осклабясь.

Увидишь: лишившись злорадства мошны,
Замечется подлости свита,
Покажутся жалки они, и смешны,
И жало не так ядовито.

* * *

Летели птицы долгим клином,
Кричали рощам и долинам
На диалекте журавлином:
Прощай, родная сторона!

На сердце стало вдруг уныло,
В груди всё сжалось и заныло,
Да так, что дух перехватило –
Но эта боль иным странна.

Страдает сердце не пороком.
Его пронизывает током,
Когда задета ненароком
Сентиментальная струна...

ЕСТЬ ТАКИЕ РУКИ

Отче наш, Сущий на небесах...

Где-то там, в космическом пространстве, –
Всемогущ, Бесстрастен, Нераним...
Мы, в конце всех наших бранных странствий,
Грешные воскресшие за...цы,
Как один предстанем перед Ним.

Неприкрыты полами одежды,
Мысленно молитвами зудя,
Затаив дыхание в надежде:
Неподкупен, Грозен, но, как прежде,
Милосерден будет к нам Судья.

Кто Его терпимей, кто добрей к нам?
Расточая милость без конца,
Чья рука утрёт слезу с лица?
На картине Рембрандта ван Рейна
Есть такие руки у отца...

* * *

Как стремительно жизнь коротка...
Не успеешь пригубить глотка,
Услаждая нектаром уста, –
Замечаешь, что чаша пуста.

Только горький осадок на дне –
Он последним послужит глотком.
И о Судном подумаешь дне,
И далёком, и близком таком...

ОДИНОЧЕСТВО

Тлела неба закатная кромка,
Время к вечеру плавно текло...
В тишине неожиданно громко
Постучалась синица в стекло.

Коготками цепляясь за раму,
На радушный надеясь приём,
Проявила характер, упрямо
Атакуя оконный проём.

Настежь форточку – милости просим!
Не обижу, скорее сюда!
Есть пшено из отборного проса,
Из чистой криницы вода!

Наплевать, что худая примета,
Что поверье старинное есть,
Будто злое пророчество это,
О плохом принесённая весть.

Вот, прими-ка ещё угощенье:
Крошки хлеба и семечек горсть
В благодарность за роскошь общенья,
За полгода единственный гость.

Эдуард БОРОХОВ

АФОРИФМЫ

КРУГОВОЙ ОБЗОР

Богема одержима страстью новой:
 Тех, кто ей много платит, ублажать
 И на потребу публики дешевой
 Придурков из себя изображать.

*

Сыграть любую может роль
 В спектакле жизни жлоб:
 С тем, кто слабее, он – король,
 А с сильными – холоп.

*

Судьбы не угадаешь поворота,
 Не сразу осознаешь суть явления,
 И гения клеймят как идиота,
 А идиота чествуют как гения.

*

Впадать не смей от катаклизмов в транс,
 И вопреки предчувствиям таинственным
 Использовать спеши свой первый шанс:
 Ведь может оказаться он единственным.

*

Как свою стезю ни выбирай
 С должным размышленьем и опаской,
 Все равно в ней будет через край
 Всяких неурядиц и фиаско.

*

Мы до поры до времени не верим,
 Что есть под солнцем место чудесам,
 Что человек бывает часто зверем,
 Свирепей всех, что бродит по лесам.

*

Удачи нельзя заготовливать впрок,
Ведя образ жизни беспечный,
Ведь молодость – хоть и врожденный порок,
Но очень уж недолговечный.

*

Визит к врачу больного в кабинет
Не всякому приносит облегчение:
Когда у пациента денег нет,
То нет надежды и на излечение.

*

Учитывая то, что творчеству
Благоприятствует страдание,
Творцу полезно одиночество,
Недуги и недоедание.

*

Подчас, утопив свою совесть в вине,
Подлец людям головы дурит,
Но всякий мерзавец опасен вдвойне,
Который не пьет и не курит.

*

Захламила болтовня эфир,
Прежде чем пришло к нам осознание,
Что нельзя построить новый мир,
Прежний сокрушив до основания.

*

Каноны христианские забыты,
Но много в храмах праздной суеты:
Чиновники, путаны и бандиты
Усердно на себя кладут кресты.

*

Какие б ни настали времена,
Не стоит понимать слова буквально,
Когда свобода провозглашена,
Еще не значит, что она реальна.

*

Хотите если жить легко
И от проблем не никнуть,
То в суть событий глубоко
Не норовите вникнуть.

КАКОЙ ЕСТЬ

Взгляд бросив вслед перипетиям сложным,
Могу в одном себя я упрекнуть,
Что был излишне там я осторожным,
Где стоило отчаянно рискнуть.

*

Для того чтоб одолеть все беды,
Мне определенные судьбой,
Многokrратно пировы победы
Одержать пришлось мне над собой.

*

Людей опасаясь до крайности скромных,
И страхи мои объективны,
Поскольку в толпе в дни волнений погромных
Они больше многих активны.

*

Всем, перед кем амбразура и плаха,
Не откажу я в прощальном напутствии:
Смелости суть – в одолении страха,
А не в его непременно отсутствии.

*

Я не пугаюсь увядания:
Присутствует и в нем приятство,
И не нуждаюсь в сострадании,
Напоминающем злорадство.

*

Я принцип исповедую такой:
Пусть будет скромный быт не по карману,
Но никогда с протянутой рукой
Перед ублюдом я стоять не стану.

*

Я сильно охладел к застольям шумным
И к горечи любовных поражений,
Не с возрастом я стал благоразумным,
А от упадка сил для прегрешений.

*

Упорно остаюсь при убеждении,
С годами превратившемся в банальность,
Что лучше находиться в заблуждении,
Чем сознавать печальную реальность.

КАЖДОМУ СВОЁ

Приобретя в структурах власти вес
Посредством депутатского мандата,
Он лишь изображает интерес
К проблемам своего электората.

*

Власть приняла решительные меры,
Пытаясь жизнь народа облегчить:
Теперь нас учат коррупционеры,
Как от мздоимства общество лечить.

*

Тебе, Россия, стоит оглянуться
И перестать уродам быть послушной:
Без устали в любви тебе клянутся
Те, кто к твоим печалям равнодушны.

*

Он был продолжатель элитного рода,
Близка его жизнь была с детства к идиллии,
На нем отдохнуть попыталась природа,
Но ей помешала известность фамилии.

*

Погаси в глазах своих испуг ты,
Мы в беде с тобой не одиноки,
Мы для власти овощи и фрукты,
Из которых выжимают соки.

*

Время не меняет ход вещей:
Терпим мы невзгоды и мытарства:
Много хуже шайки щипачей
Чистит нам карманы государство.

*

Я понял на примере разных стран,
Для верности включив воображение:
Как только подминает власть тиран,
Народ готов на жертвоприношение.

*

Смотря в числе завязтых телезрителей
Спектакли политического театра,
Я понял, что немало исполнителей
Нуждаются в услугах психиатра.

*

Пробравшиеся к власти мизантропы,
Жонглируя искусно словесами,
Предсказывают миру катастрофы,
Которые ему готовят сами.

ВОСТОРГ И БОЛЬ

Себя с опаской с женщиной ведите,
Ее натуру нелегко понять,
Ведь если обещанье ей дадите,
То вам его придется выполнять.

*

Когда ты шепчешь даме комплименты,
Ее надеясь ими восхитить,
Не стоит забывать про алименты,
Которые придется ей платить.

*

Наговорил он много глупых слов
И сделал необдуманных шагов,
Сумел он наломать в избытке дров
Для нескольких семейных очагов.

*

Влюбленных всех преследует напасть,
Известная с времен глубокой древности:
Душой завладевающая страсть
Не может обойтись без лютой ревности.

*

О реальность болезненно бьются мечты,
И затишье сменяется времени бегом,
Тот, кто любит тебя, и кого любишь ты,
Очень редко бывают одним человеком.

*

Не стоит, жизни подводя итог,
Печалиться о том, куда прыть делась:
Любил ты ровно столько, сколько мог,
И тех, кого любить тебе хотелось.

ПРОЗАИЗМЫ

Свое берут только годы, люди норовят прихватить и чужое.

*

Тот, кто зарабатывает на жизнь честным трудом, с трудом и выживает.

*

Наиболее убедительно можно врать, если сослаться на статистические данные.

*

Даже если демагога вывести на чистую воду, он будет держаться на поверхности.

*

Некоторые берут в голову только то, что способны высосать из пальца.

*

С легким сердцем люди обычно пускаются во все тяжкие.

*

Писателям и актерам наиболее талантливо удается создать в книгах и на сцене героев,
которыми им не удается стать в жизни.

*

Когда развязаны руки, хочется заткнуть кому-нибудь рот.

*

В процессе эволюции человечества рудиментарным органом у многих становится мозг.

*

Главная беда России: за нее обидно тем, от кого ничего не зависит.

*

Деньги не пахнут, но это не мешает некоторым иметь на них нюх.

*

Брак – это вырезвитель любви.

*

У некоторых вздох облегчения оказывается последним в жизни.

*

Мужчина, который забывается в объятиях женщины, может прийти в себя уже женатым.

*

Тому, кто смеется последним, часто приходится это делать сквозь слезы.

*

Лучший дипломат – тот, кто умеет договариваться с собственной совестью.

*

Даже для того, кто везде побывал, всегда найдется место, куда его можно послать.

*

Когда в обществе появляется много тех, кто умеет жить, остальным приходится выживать.

*

Оптимисты меняют жен, а пессимисты остаются холостяками.

*

Только добрый гений может спать в человеке, а злой всегда в нем бодрствует.

*

Если не давать совести повод для угрызений, она умрет от истощения.

*

Если мужчина признается женщине в любви, несмотря ни на что, это значит, что смотреть у нее действительно не на что.

*

Раньше правящая партия олицетворяла ум, честь и совесть эпохи, а теперь – абсолютное их отсутствие.

*

Мальчишник считается удавшимся, если жених забыл о свадьбе.

*

Весело живут обычно те, у кого не получается жить лучше.

*

Для того, чтобы любая женщина казалась красивой, нужно выпить столько же, сколько и для того, чтобы мужчине почувствовать себя неотразимым.

*

Зависть заслужить труднее, чем уважение.

*

Тараканы в голове плодятся особенно активно в атмосфере мании величия.

*

Многие испытывают моральное удовлетворение только после совершения аморальных поступков.

*

Гораздо меньше нужно времени, чтобы привязаться к женщине, чем от нее отвязаться.

*

Лень – спасение от опрометчивости.

*

Старость – это переход от зрелости к младенчеству.

*

Если к тебе начинают прислушиваться, стоит замолчать.

*

Меньше всего неприятностей своим пациентам доставляет патологоанатом.

*

В русскую рулетку проигрывают только один раз.

*

Согласно римскому праву законы не должны иметь обратной силы, а согласно
российскому – прямой.

*

Ничто так не отравляет любовь к родине, как государство.

*

По гамбургскому счету коты котируются в марте.

*

Иногда, для того чтобы избавиться от крыс, приходится сжигать корабль.

*

Странно, что отложить на черный день старается тот, кто белого света не видит.

*

Первый шаг к успеху необходимо сделать через себя.

*

Власть над людьми принадлежит тому, чьи люди у власти.

*

Реформа – это восстановление положения дел, после того как оно изменилось
к лучшему.

*

Если вам завидуют, это не значит, что у вас все хорошо. Может быть, у других еще хуже.

*

То, что вы откладываете на завтра, может достаться уже не вам.

*

Самообман – источник безмятежного счастья.

*

Тот, кто ошибается в свою пользу, не горит желанием исправлять ошибки.

*

Незваному гостю хозяева не мешают.

*

Некоторые зовут на помощь для того, чтобы им помешали.

Роман УСАЧЁВ

Я ПРИВЫКАЮ КО ВСЕМУ

Я у Бога прошу
Простоты,
Самой искренней, самой чистой,
Той, которую знают листья
И оконные цветы.

Той, которую знает снег
Самый трепетный и белый,
Так случайно, заледенелый:
Бесконечно-прозрачный снег.

Вновь тумана густого синь
Ранним утром скрывает звёзды –
Незаметные, как воздух,
И мгновенные, как дым.

Я у Бога прошу простоты –
Не надуманной, не избитой,
Той, которая, как молитва,
Тронет горный лёд высоты...

Всё проходит обыкновенно,
Даже чувства – несовершенны.
Вкус и запах, увы, не вечны,
Как любить тебя бесконечно?
Человечно, со всеми ошибками:
Очень крепко и очень зыбко?
Одинаково и по-разному,
Очень ветрено, но привязанно.
Как любить, чтобы знать наверно:
То, что будем с тобою верными?
Сквозь сомнения и потери
Прорастает порой доверие.

Становись для меня случайно:
Самой ясной и самой тайною,
Самой кроткой, но самой вечною,
И сердечной, и бессердечною.
Совершенство – несовершенно,
Всё проходит обыкновенно...
Как любить? Чтоб друг друга снова
Понимать... Даже с полусл...?

Господи,
имя твоё повторяю, Господи,
тебя одного умоляю... у пропасти:
скажи мне,
куда идти?

гордостью.
я опьянён гордостью.
я живу не на той должности,
но с неё не могу уволиться.
Ты за это меня
прости.

солнце
в небе весеннем плавится.
я подвластен обычной зависти,
и обычной земной радости...
как и другие
люди...

убиваем
друг друга мыслями,
будто наши слова – выстрелы,
а я повторяю, как истину:
не люби –
нелюбим будешь.

где-то небо
бескрайне-синее
и деревья покрыты инеем,
мною правит порой уныние
и подталкивает
к пропасти...

я молю:
укажи спасение
от неверия и сомнений,
за грехи мои дай прощение,
Господи...

Помню...
Чёрные стены комнат
И красные коридоры,
В которых живёт
смерть.

Помню
Проволку на заборе
И собак,
Что сквозь ночь воют,
и запах горелых тел.

А в небе молчание рая
Над ужасами Дахау...
Длинные коридоры,
Коридоры, в конце которых
расстрел.

Помню.
Нас бросили в яму полную
И мы умирали без стога.
Сотнями.

А за проволкой
По-весеннему
Пахло нежной и тонкой вербою –
Там уже начиналась первая
оттепель.

Наши слёзы
Молчание помнят,
Что осталось в тени комнат,
Чёрных лагерных комнат,
В которых жила
смерть.

Это ли сумасшествие или просто настал сентябрь?
А у меня из вещественных доказательств осени
Только клочок бумаги,
Исписанный неровным почерком.
Это ли сумасшествие или просто уходит лето?
Желтеет листва,
А я становлюсь в очередь
За смертью и за обратным билетом
В прошлое.
Это и есть безумие?
Или так просто
Неодолимо хочется...
Петь, как гитарные струны,
И говорить, что
Сентябрь...
Сентябрь – ещё не осень.

Земля разделена на сотни стран,
Но полнится всё истиной простою:
Что если этот мир нам Богом дан,
То, значит, – Бог один над всей землёю.

И ты, мой друг, запутался не первый,
Мы схожи и в пороках и в желаньях.
Разделены ни временем, ни верой:
Нас просто разделяет расстоянье.

Когда огонь съедает города
И боль, и страх предчувствуем незримо,
Мы землю не разделим никогда,
Ведь небеса над нею неделимы.

*Последнее Письмо Татьяне Яковлевой,
или «Цветы от Маяковского».*

Стихами всего не выплеснуть,
Стихи, как вода о скалы –
Разбиваются мелкими брызгами,
Париж – это город нищих,

В котором я вас оставил...
А нынче скажите – помните?
Как вам под ноги падала
Громада моей беспомощности,
Париж – это город полночи,
Живущий одними снами.
Жалеть – я ведь знаю – не о чем.
Где-то меня цитируют,
Да только вся жизнь – мелочна,
А я бы всё бросил, любимая,
Бросил и эмигрировал...
Исколесив все страны,
Я как Онегин мучаюсь...
Вам напишу: Татьяна,
Как жить – воспоминаниями?
Париж мой без вас рушится.
Отдам. Пусть частичку крохотную:
Я знаю, что вам страшно,
Слышать...
Голоса моего грохот,
Вам.. только вам подвластный...
Умру, все приходят к этому...
Но помните меня не поэтом.
Таким же, как все на свете, –
Запомните – человеком,
Который был болен вами...
Скажу, не для слова броского.
Любовь мою неустанную...
Примите... хотя бы
Цветами
«Цветами от Маяковского».

Я разлюбил.
И значит, я остыл.
Задумчиво скитаюсь по квартире
И кажется, твой запах в этом мире
Отныне тишину заполнил.

Я разлюбил,
Тому виною страх.
Но не сужу сегодня слишком строго,
Ведь новый день по-своему неправ,
И в нем тебя, всё также
Слишком много.

Невидимая музыка дорог,
И километры,
Километры
Пыли.
Но верится, лишь тот не одинок,
Кого чуть-чуть,
Недолго,
Но любили.

Кого чуть-чуть знобило
По-весне,
Кто приходил сквозь утреннюю морось...
Любви порой так мало, что тебе
Достаточно...
Услышать чей-то голос.

Любви порой так мало, что вокруг
Смеркается, и холодно и сыро...
И кажется,
Что эха
тихий звук...
Шаги твои оставили в квартире...

Но если страшно, –
Только не молчи
Пусть ноты на рояле западают...
Любовь, как звук, как музыка в ночи,
Её всегда...
Чуть-чуть...
Но не хватает...

Я привыкаю ко всему:
К плохим вещам, плохой еде и поверхностным людям
Я привыкаю, и больше не требую ни от кого
Понимания.
А дождь барабанит по крыше,
Течёт по трубам,
Так глупо просить у него
Молчания.
Я привыкаю каждый день,
Воздух глотая пропитанный дымом,
К тому, что порой приходится

Строить себя заново:
Строить себя – крепкого, надёжного
И нелюдимого
Из пыли, из пепла
И воспоминаний.
Страшно, но я вдруг привык к тишине,
Не той, что спрятана в утреннем зное,
Не той, что змеёю пригелась
У раскалённых камней.
Я привык к тишине,
Которую создали двое
Когда-то влюблённых
И близких когда-то
Людей.

Лежит...
В пелёнки укутанный,
Маленький человечек...
И смотрит сквозь окна мутные,
Как начинается утро
И как на деревья сутулые вешают скворечник.

Лежит,
От холода съёжившись,
Безмолвный комочек странный.
И кажется, чувствует кожей,
Бледной холодной кожей,
Что он в этом мире
Нежданный.

Как будто всё понял
Сразу,
Запросто так, по-взрослому...
Но только ручонками маленькими
Тянется, тянется к маме,
Той, что его бросила.

А в окнах заря румянится,
На стенах играет красками,
И доктора всё маются:
Бегают и суетятся,
Как будто его уверяют
И эхом твердят:
«Не напрасно...»

Кричит: «не напрасно...» –
Капельница.
Тянется к небу трава скошенная –

нет прошлого...
И он бессильно куда-то тянется,
Маленький,
Недоношенный...

Огромным порой всё кажется
Крохотному человеку:
Огромные люди повсюду
И словно дворец – больница.
А Он молча лежит и смотрит,
Как за окном слетаются
И на подоконник садятся
Огромные птицы.

Ольга КАМИНСКАЯ

КЛЮЧ

Я тебя уже не жду,
Ты не приходи.
Письма старые сожгу –
Разошлись пути.

Отключила телефон –
Я не жду звонка, –
Слушай равнодушный тон
Длинного гудка.

Вечер буду коротать
С кем-нибудь другим.
Я тебя устала ждать,
Ты не приходи.

А придешь – не отопру
Для тебя дверей.
Я тебя уже не жду.
Ты чужой теперь.

Надоело наблюдать,
Как проходят дни.
Я тебя устала ждать...

Ну, хоть позвони.

Спаси меня от этой суеты,
От вечной круговерти серых буден.
Не будет твой поступок безрассуден.
Спаси меня от этой суеты!

Спаси меня от глупой болтовни,
От долгих и ненужных разговоров.
Я не люблю пустопорожних споров.
Спаси меня от глупой болтовни!

Спаси меня от сумерек ночных,
От тени, что крадётся к новой тени,
Ловя меня своим хитросплетением.
Спаси меня от сумерек ночных!

Спаси меня от гулкой пустоты.
От эха бездны в темном переходе.
Пусть твой поступок будет благороден.
Спаси меня от грозной пустоты!

Спаси меня. Я в каменном лесу.
Я заблудилась в перекрестьях улиц,
Где мы с тобой нечаянно столкнулись...

Спаси меня, и я тебя спасу.

ПОГОВОРИ СО МНОЙ

Поговори со мной хотя бы пять минут.
Не надо про разбитую посуду.
Скажи о том, о чем я помнить буду,
Когда не пять минут, а все пять дней пройдут.

Поговори о том, о чем всегда молчишь,
Что остается каждый раз за кадром
Серьезного, задумчивого взгляда,
Когда со мною о пустом ты говоришь.

Не говори мне про жару и про дожди.
Мне новостей хватает в интернете.
Ведь я прошу сильнее всего на свете:
По-настоящему со мной поговори.

Вся эта внутренняя дрожь –
Всего лишь легкая простуда.
Скажи, зачем ты и откуда?
Скажи, куда опять уйдешь?

А эта трепетность руки,
Должно быть, признак лихорадки.
Зачем так поцелуи сладки
И так объятия легки?

Так что-то голову кружит,
Что я свое забыла имя.
Скажи, лекарствами какими
Себя мне от тебя лечить?

Летела бабочка на огонь.
Такая хрупкая: только тронь –
Как пыль рассыплется от руки,
Но как движенья ее легки!
Летела бабочка, не боясь
Сгореть, исчезнуть, совсем пропасть.
И крыльев трепетных легкий взмах
Калейдоскопом плясал в глазах.
Горело пламя, и зыбкий жар
Волнами воздуха задрожал,
Стремясь скорее ее обнять.
Она летела, за пядью пядь,
И танцевала в лучах огня,
Чудесным танцем своим маня.
В одно мгновенье вдруг вспыхнул свет
И скрыл танцующий силуэт.

Летела бабочка, торопясь
К огню скорее попасть во власть...

Мы все время чего-то ждём
И дождаться не можем никак,
Отложив свою жизнь на потом,
Не решаясь вперёд сделать шаг.
Ждём. Кто шанса второго опять,
Кто удачный момент сторожит,
Постепенно начав забывать,
Что не ждать нужно нам, нужно жить.

Смешенье лиц, смешенье голосов,
Смешенье красок и смятенье чувств.
И, кажется, идешь на верный зов,
Но вновь приходишь в дом, который пуст.

Наше чистое небо расцвечено, но не зарей.
Наше поле распаханно, но не зерно в той пашне.
И сиротски распахнутой дверью войти зовет
Покосившийся домик в разрушенный день вчерашний.

Вдоль дороги воронками-ртами кричит земля.
Может, помощи просит, а может, зовет на битву.
На погосте прибиток: куда бы ни бросил взгляд –
Толпы свежих крестов и проклятия сквозь молитву.

И собаки не воют, попрятавшись по углам.
Тишина хуже грома, когда расцветает ночью
Опалюющий сердце кровавой войны тюльпан,
Наши мирные жизни используя вместо почвы.

КО ВСЕМ ЧЕРТЯМ

Если когда-нибудь ты, сняв пальто,
Снова войдешь в мой дом и решишь обнять,
Это будет что-то совсем не то,
Что было еще, наверно, назад лет пять,
Это будет нелепо и не смешно
(И глупо хихикать мне как-то не по годам),
Вспомни: у двери на вешалке, там, пальто.
И убирайся обратно ко всем чертям.

Закройся, запри все двери и не пускай меня в дом.
Я буду ломиться в окна, гремя стеклом.
Я соблю в кровь костяшки о железо твоей двери.
Это ты без меня "снаружи", а я - "внутри".

Мой язык, он не нов и не стар.
Мой язык от заимствований устал.
Не прогнувшись под требованья чинуш,
Он из книг дотягивается до душ.

Мой язык, он не стар и не нов.
Мой язык не рассчитан на дураков,
Знающих только iPhone и хай-тэк.
Он живет на полках библиотек.

Мой язык не канул во тьму веков.
Мой язык не молод, но он таков,
Что, когда на нем говорили отцы отцов,
Их боялись полчища дураков.

Ты мною болел,
Ты маем горел.
Я в май этот падала снегом.
Ты цвел невпопад,
Ты снегу был рад
И зяб под седеющим небом.
А что снегопад?
Лишь мокрый асфальт,
Блестящие холодом лужи.
Ты сердце терзал.
И май замерзал,
Но снегу твой май был не нужен.

Май 2014

Там, в прошлом, открытые двери гостиной,
Фигурка собаки на полке каминной,
Торшер возле кресла, включенный для чтенья,
И книжка (конечно же, про приключенья),
Там дедушкин тапок похож на кануз,
Там мама и папа. И чувство такое,
Что нет на земле защищеннее места,
Чем эта гостиная родом из детства.

ШКОЛЬНОЕ

Школьное платье и с бантами длинные косы.
Астры зажаты в кулак, так что пальцы белесы.
В ранце пенал и потрепанный плюшевый мишка.
Рядом за партией беззубый и рыжий мальчишка.
Хочется вырасти, хочется стать невестой,
А время как будто нарочно стоит на месте.

Школьная форма. Острижены длинные косы.
Куплены утром две свежие красные розы.
В сумочке спрятаны тушь и губная помада.
Рыжий мальчишка не сводит влюбленного взгляда.
Планы на жизнь и мечты о карьере успешной.
Тянется время, идет себе вдале неспешно.

Костюм из бутика. Прическа – каре «на ножке».
Проколоты уши, а в них золотые сережки.
В руках авторучка и дело о крупной сделке...
А хочется снова на школьные посиделки,
Где банты, и косы, и астры в простом букете!
Растут слишком быстро не только чужие дети...

ТУМАН

Туман, как вата, – мягкий и пушистый –
Окутывал дома.
Ты тихо шла сквозь сад в тот вечер мгlistый
Опять одна.
Чудными светлячками сбоку где-то
Горели фонари.
Тонули в вате люди-силуэты,
И листья, и шаги...
Тонули голоса и затерялся
Машинный гул.
И ты сама тихонько растворялась
В тумане дум.
Ты взвешивала осень на ладони –
Кленовый лист.
И мысли в голове в туманном сонме
Переплелись.
А осень падала тебе под ноги,
Стелясь ковром.
Ты забывала все свои тревоги
В саду пустом.

Ты думала, что дни твои дурные,
Как листья те,
Слетели с жизни, ветви оголили,
Опали все.
Подхваченные ветром, растворились,
Ушли в туман,
С порывом ветра стайкой в небо взвились
Печаль, обман.
А осень жизнь закрасит желтой кистью.
И до весны
Ты будешь видеть, как с туманом листья
Вплывают в сны.

ПОКОЛЕНИЕ

И нарастающим итогом считаем бывших.
И хвалимся количеством расставаний.
Глотаем комом, не жуя, раздумий пищу
В вагонах метро, автобусах и трамваях.

Бросаем взгляды, проскальзывая по лицам,
Не глядя в глаза, не отпечатывая в памяти.
Ищем помощи у бандитов и боимся милиции.
И для самых близких мы вечно заняты.

Заменяли солнце солярием, галогенками.
Надеваем очки, чтоб не портить зрение.
Вместо мостов обрастаем бетонными стенками.
Странное, сумасшедшее поколение...

За окошком ночь черно-сизая.
Свесилась луна над карнизами.
Желтые глаза глядят площадками.
Ночь всегда дружна была с кошками.
Своевольная и своенравная,
В кошке ночь нашла себе равную.
Город лег у лап, и все улицы
Желтыми глазами любят.

Разъезжаемся.
Ни номера телефона,
Чтобы запомнить. Ни обидного слова,
Чтобы забыть.
Шаблонное обещание, как доберешься,
Сразу же позвонить.
Прощание. Перрон. Вокзал.
И чувство, что самого главного
Все-таки не сказал...

Будь за спиною два крыла,
Куда бы я тогда летела –
Душа, не знающая тела,
Огонь, не ведающий тлена,
Дыханье, полное тепла?

Как полуночный мотылек,
Влекомый пламенем свечи,
Летела б к звездам я в ночи
Или о хорсовы лучи
Себя сжигала в уголек?

Купаясь в воздухе живом
И нежась в солнечном эфире,
Чего искала бы я в мире?
И, распахнув глаза пошире,
Что находила бы я в нем?

Когда без тягот жить вольна,
О чем мечтать душе без тела,
Огню, не знающему тлена?
Что б я еще желать посмела,
Свободою одарена?

Не лучше ль, чтоб она болела,
Сжимаясь ежедневно в ком,
Чтобы гореть огнем хотела
Душа, закованная в тело,
Чтобы стремилась вон из плена
Безумным, страстным мотыльком!

КЛЮЧ

Она выходит в окно, как в дверь,
Открывая свободу своим ключом.
Ей часто шептали вслед: "Просто верь."
Да только вера здесь ни при чем.

В ее кармане вода и пыль,
Подошвы ведают Млечный путь.
Хоть ей твердят все вокруг: "Забудь",
Она мечту превращает в быль.

Ее квартира – бумажный ком,
Пространство, смятое по углам.
Она привыкла жалеть о том,
Что для других лишь ненужный хлам.

В ее бумажнике смех и плач –
Расплата с временем за грехи.
Раскрыв окно и накинув плащ,
Уходит снова писать стихи.

Вероника ПЕРЗАШКЕВИЧ

ЧТОБЫ УСЛЫШАТЬ БАХА

СОТВОРЕНИЕ МИРА

*Just as the girl becomes a woman,
the blue sky turns into a starred firmament*

Этой ночью задумчивый Бог
Тихо гладил запястья Вселенной,
Будто млечный шумящий поток
Пропускал по расслабленным венам.

И прохлада лилась острием
Сотней влажных отточенных лезвий.

Он расчесывал косы ее
Металлическим гребнем созвездий.

ПИАНИНО У МОСТА

Касаться первых лучей солнца
в пробуждающемся ото сна
Лопатинском саду.
Дышать пышным, полным прохлады и света
воздухом ранней осени.
Хранить внутри себя
Музыку,
медленно созревающую,
подобно тяжелым красным
яблокам
на запястьях ветвей.
Чувствовать, как она расширяется,
начинает давить на струны
и деревянные стенки корпуса
все сильнее и сильнее, причиняя
сладостные необъяснимые мучения.

С каждым днем все ближе холода,
и заботливые человеческие руки
собирают яблоки
в большие плетеные корзины.
В безмолвии золотого Сада
руки дотрагиваются до клавиш,
отпуская истомившуюся *Музыку*
на волю.

.....
Не изгоняй, Господи!..

Распиши потемневшую амфору
древней души.
Мой художник, на кончике кисти
ты держишь созвездья.
Я по ним возвращаюсь, как некогда
плыл Одиссей
На плоту по бессмертному морю
в родную Итаку.

У порога твоей мастерской
под ногами песок,
А внутри – ароматы холста
и ванильного чая.
На холодной спине я почувствую
вспышки огней,
Что срываются нежною осенью
с кончиков пальцев.

Я тебе расскажу о далеких
волшебных краях,
О скитаниях, странствиях вечных,
богах и героях.
Облегченно вздохнула теперь я,
найдя островок –
То зеленое пятнышко краски
на чистых манжетах.

Опадают неслышно песчинки
в огромных часах,
А за шторами теплятся
рыжие листья рассвета.
Там, где влажные губы твои,
мой находится дом.

Только вновь Одиссей
отплывает наутро с Итаки...

Старая дева тридцати пяти лет.
Шестнадцатилетняя девочка-подросток.
Ждущая малыша молодая девушка.

Дождь. В комнате включен свет.
Рассматриваю свое отражение на стекле
и вижу только тысячи капелек воды,
медленно стекающих к деревянной раме.
Разве существует женщина вообще?

В рукомойнике застирываю простынь.
Красные капли засыхают слишком быстро.

Сколько еще предстоит смыть в раковину?..

Акварельная бумага ноябрьского неба.
Кажется, кто-то случайно раздавил
ягоды мороженой с сахаром черники
и мокрой кистью размазал сок
по всему горизонту.
Картина растекается –
и начинается дождь.
Греческая статуя
молча созерцает происходящее.

Наступает новая эра.

В кабинет вбегает
преподаватель античной литературы,
промокший с головы до ног.
– Ну и ливень! – восклицает он
и, виновато, по-детски извиняясь
перед задолжниками,
пришедшими в третий раз
пересдавать «Илиаду»,
наливает себе горячий чай.

– Уж очень люблю черничное варенье, –
улыбается он, пряча в шерстяном шарфе
мраморную шею.

Потерять сероглазые облака,
Растворить их в складках льняного платья,
Укрывая бледные два соска
Под небесно-тонкой прохладной гладью.

Так алеют снега высоко в горах
На рассвете диком, цветном и юном.
«Ты дитя...» – и слова соленый взмах
Разбивает горечью нежно губы.

Потеряв сероглазые облака,
Ты запомнишь, как были они красивы,
И прикусишь язык со стыда, да так,
Что во рту почувствуешь вкус крапивы.

ЕВА

*И навел Господь Бог на человека крепкий сон;
и, когда он уснул, взял одно из рёбр его,
и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог
из ребра, взятого у человека, жену,
и привел ее к человеку.*

Бытие, 21-22

Бог создал тебя и создал фортепиано,
И были творения жилистых рук совершенны.
И было темно. И пахло прохладой пряно.
И ты засыпал на камне в ладонях Вселенной.

И было внутри молчание сплавленных звуков,
Молчанье людей и будущей Эры столетий.
Бог вынул ребро из корпуса черного грубо
И создал Жену, не тронув натянутой меди.

Вы были вдвоем под сенью огромного сада
И звёздную пыль собирали с лавандовых склонов.
Но в той тишине не грел вас божественный ладан,
И дерево клавиш трещало в молчании томном.

Проснулись дожди. Под звуки бессмертной сонаты
Крошились раскаты соленого хохота мая.
В небесных ветвях дрожали ресницы заката.
Неслышно скрипела калитка забытого Рая...

СИРЕНЬ

Твой особенный запах с мороза
Я увидела в россыпи сна,
Расплетала пушистые косы
Мне раскидистых волн бирюза
И шумела, плескаясь ранимо
О шершавые выступы скал,
Омывала тоской молчаливой
Детских плеч золотистый причал.

Я бежала к тебе чрез море,
По солёной и горькой росе,
Просыпалась и видела только,
Как ты пишешь сирень на холсте.
Шёпот кисточек, таянье снега,
Эта нежность в суровых глазах,
Как лиловая ленточка неба
В одиноких терновых кустах.

Я порезала руки о тени.
Дотянуться губам до тебя –
Что до веточки робкой сирени
За разбитым стеклом февраля.

У меня однажды родится дочка:
Фантазёрка, охотница до открытий;
Скулы, ямочки, даже ушные мочки
Ей из камня высечет хмурый Фидий.

И она протянет навстречу руки –
Горький крест или земная плаха, –
Молча примет жизни стальные муки,
Но родится, чтобы услышать Баха.

Евгения АЛЕРБОН

В КАМЕННЫХ ДЖУНГЛЯХ

Без тебя моя жизнь – это зал ожиданий.
Черета бесконечных прощаний и встреч,
От глухого молчания и слёзных признаний
До нелепых попыток всё это сберечь.
Перед мысленным взором вокзальная площадь,
И большие часы на ветшалай стене.
Покидаю вокзал, что тоской запорошен...
Для меня смысл жизни – вернуться к тебе!
И пусть каждую ночь я на том же вокзале
Вновь встречаю пустые совсем поезда,
Как Алиса, сражаюсь в своём Зазеркалье
За возможность еще раз увидеть тебя!
Год пройдёт, и ещё, и последующий тоже,
Стрелки тихо замрут на вокзальных часах...
Знаю точно, такого быть просто не может,
Что начертана встреча в пугающих снах.
Я однажды проснусь, хмурый сон прогоняя –
И подумав – пора что-то в жизни менять...
Сердце стукнет несмело, удар пропуская,
Потому что ты будешь меня обнимать...

Мы открываем миллионы дверей
На протяжении жизни своей.
За первой скрывается серый чулан,
В котором хранится только лишь хлам.

За следующей – тоже не лучше картина –
Там плесенью пахнет и нафталином.
За третьей – сиянием слепит глаза,
Кругом бриллианты, агат, бирюза!

Тут выставлен шик чересчур напоказ.
Не место здесь тем, кто не любит прикрас!
Встречается дверь, что скрывает печали,
И та, что всегда нас открытой встречает.

А если сравнить эти двери с людьми?
Наверно, такими же будут они.
С одним невозможно и слова связать,
Не знает другой, как себя показать.

А третий красивый! С виду и только!
В душе же его все тоскливо и горько.
Четвертый потрепан, в каких-то лохмотьях,
Но это его нисколько не портит!

Сияющий взгляд и улыбка без края
Сразу к себе предрасполагают!
Но это настолько редкие люди,
Что встретив их раз, никогда не забудешь.

И, к жалости нашей, встречаются чаще
И люди, и двери – ненастоящие!

Высотки, развязки, дороги и стройка,
И новостройка на новостройке.
Ритм сумасшедший, пульс учащенный.
Каждый второй – умалишенный.

В шуме моторов, не слыша друг друга,
Жизнь пробегают по третьему кругу.
Без чувств и эмоций, в погоне за счастьем,
Еле бормочут чуть слышное "Здрасти!".

И в сумасшедшем потоке движения,
Себя доведя до изнеможения,
И, променяв свою душу на деньги,
Становятся вскоре серою тенью.

Не место в их жизни любви и потерям.
Москва, как и раньше, слезам не верит.

В толпе безликой, как в пучине моря,
О скалы-спины разбивая взгляд,
Ищу напрасно я лицо родное.
И всё отчаянней хочу опять назад.

Чужая жизнь в чужие лица смотрит,
Чужая радость, как пустой маяк.
У взгляда жизни разница диоптрий –
В ней нет тебя, то ли не вижу я.

Как сохнут скалы под порывом ветра,
Так сохнут слёзы на моих щеках.
Вопрос открыт, твержу упрямо: "Где ты?
Кто греется сейчас в твоих руках?".

И так по кругу день за днем проходит,
Штормит и штилится до горизонта жизнь.
Люблю и жду тебя, наверное и вроде,
И тихим шепотом: "Пожалуйста, вернись!".

По серым дворам ветер мусор гоняет уныло.
И пустынные улицы будто отжили долгий свой век.
Здесь воздух другой, здесь и время как будто застыло.
По пустынной аллее одиноко бредет человек.

Шаг усталый, и от боли не выпрямить спину.
Чуть повыше поднял воротник шерстяного пальто,
И фетровую шляпу сильнее на брови надвинув,
Повернул к переходу в совершенно пустое метро.

Здесь не слышно гуденья машин, колокольного звона.
В этом городе стерты названия улиц и все имена,
Нет причала, прощаний и встреч, нет перрона.
Не войти и не выбраться – не пускает глухая стена.

Он за долгие годы здесь привык к одиночеству.
Не нужны ему встречи и гуденье спешащих машин.
Он отвык называться по имени-отчеству
В мертвом городе мертвой его души!

Играла скрипка, плакала душа...
Смычок, со знанием дела, душу рвал на части.
И музыка лилась спокойно, не спеша,
Рекою чистого, сияющего счастья.

О чём играла скрипка? О любви!
Святой и чистой... Вечной, как надежда!
И таял лёд в израненной груди.
И мир уже был не таким, как прежде.

Смычок ласкал, касаясь струн легко,
И скрипка пела, отдаваясь без остатка!
Дарили звуки те блаженство и покой,
Столь долгожданный, нестерпимо сладкий!

Душа тонула... без сомнений, страха
Под звуки скрипки, плачущей в ночи!
Смычок ласкал, но сам надрывно плакал
О скрипке, о душе и о любви!

Мне снилось сегодня закатное небо.
Истерзано в клочья холодным дождем,
Готовое сдаться, но лишь до рассвета,
Оно словно пело... О чём-то своём.

О том, что живое! О боли и ранах,
О первой любви выше всех облаков...
А дождь продолжался, ломая все планы,
По крышам стучал свою песню без слов.

И небо страдало, пылая закатом.
Сердилось и хмурилось, громом гремя.
Стекали холодные капли каскадом
С пылающей кожи, сердито шипя.

Мне снилось сегодня закатное небо
И ты, под холодным колючим дождем.
Продрогший, но ждущий встречи с рассветом...
Который приходит за пасмурным днём...

ДЕБЮТ

В каменных джунглях безликой наружности
Очень высокая степень ненужности.
Рядом друг с другом в молчании каменном
Важными быть мы стремимся отчаянно!

Чи-то e-mailы, IP- адреса...
Крутится ось злой судьбы колеса.
И бесконечно, по той же окружности,
Каждый проходит свой омут ненужности.

Кто-то стучится в закрытые двери,
День или два, или даже неделями.
Кто-то под окнами в порыве отчаяния
Слово "Прости!" выводит печатными.

Кто-то звонит и не слышит ответа,
Кто-то ждет встречи, кто готов "на край света!"
Но ведь никто никогда не признается,
Как он быть нужным кому-то нуждается!

Но в современном "каменном" веке
Нет у людей нужды в человеке.
В каменных джунглях серой наружности
Слишком высокая степень ненужности!

Владимир Яковлевич Бейлькин – починковский поэт, в самом расцвете сил ушедший из жизни при трагических обстоятельствах. Вот какая заметка вышла в газете «Труд» в 1973 году: «Троллейбус возвращался в парк. Немногочисленные пассажиры готовились к выходу, как вдруг раздался страшный удар, и машина стала, как вкопанная. Задняя часть салона была сплющена». Как впоследствии выяснилось, тяжелый грузовик «КрАЗ» зацепил опору моста, которая и рухнула на троллейбус. «В результате один человек погиб, трое ранены» – скупно замечает газета «Труд». Этим единственным погибшим и был наш земляк, талантливый молодой поэт Владимир Бейлькин.

В Починке его хорошо знали. Проживал он сначала на улице Ленина, затем – на Урицкого. Учился в первой средней школе – окончив ее, уехал в Ленинград, где поступил в архитектурный техникум. Был момент, когда из-за расстроившегося здоровья он вынужден был взять академический отпуск и вернуться в Починок – здесь он устраивается литсотрудником в редакцию газеты «Сельская Новь». Сотрудники газеты запомнили его вечно бодрым, энергичным, настойчивым. Вскоре стало известно, что Владимир пишет стихи – некоторые из них были высоко оценены заезжими смоленскими поэтами. Ему рекомендуют напечатать стихи в газете, однако поэт отказывается – он не доволен собственным стилем, постоянно возвращается к написанным стихам, шлифуя и оттачивая каждый слог. Особенно уважительно к начинающему автору отнесся Николай Рыленков – несколько раз Владимир ездил к нему в Смоленск. Поддержка известного поэта вселяет в него веру в собственные силы. Через год он возвращается в Ленинград, где его вскоре забирают в армию. Служит в Белоруссии, на Смоленщине, затем добровольно отправляется связистом на дальний Север. Впоследствии это время нашло отражение в его стихах:

В пяти верстах почти как на ладони
 Лежало море Лаптевых, за ним —
 Посёлок Диксон, а чуть-чуть поодаль —
 Град Воркута, пленительный, как Рим!

По возвращении в Ленинград он пытается поступить на журналистский факультет Ленинградского университета, однако терпит неудачу – не удается пройти по конкурсу... Тем не менее Владимир не отчаивается. Он идет работать на завод, постигая профессию фрезеровщика, и прямо там, у станка, продолжает писать стихи, оттачивая свое мастерство. Также посещает молодежное литобъединение при газете «Смена», где и знакомится с Зоей, своей будущей женой. Отношения были непростыми – родители Зои не желали видеть рядом с ней обычного рабочего с завода. Тем не менее их несколько успокаивает тот факт, что Владимир пишет стихи и собирается поступать в Литературный институт им. Горького. Ставят условие: если молодой человек поступит, то дадут родительское благословение на брак. Однако, успешно пройдя творческий конкурс, на вступительных экзаменах Владимир набирает всего один балл. Тем не менее свадьба происходит – вопреки желанию родителей. На следующий год ему все же удается поступить в Литинститут на заочное отделение. Этому поспособствовали рекомендации от поэта Ярослава Смелякова и ленинградской писательницы Т.Г. Гнедич. Учеба ему дается легко, в различных периодических изданиях появляются его стихи. Владимир готовит сборник своих произведений, однако книге так и не суждено увидеть свет – сдав заключительные экзамены на четвертом курсе, молодой поэт возвращается в общежитие, и по дороге происходит трагедия. Вот что впоследствии вспоминал об этом дне однокурсник поэта В.Штубов:

"...30 мая 1973 года. Москва. Литературный институт. Сдав экзамены за четвертый курс, перейдя на пятый, последний, мы с ленинградским поэтом Владимиром Бейлькиным

на троллейбусной «тройке» от площади Пушкина отбыли в общежитие на улицу Добролюбова – так, чтобы, как следует отметив это событие, ехать (я – в Нелидово, он – в свой Ленинград) домой. Некая смутная мысль-предчувствие заставила меня выйти возле метро «Новослободское». Володя поехал дальше и ... через несколько минут попал под удар фермы железнодорожного моста, перекинутого через оживленную улицу в том месте, где Бутырский вал сливается с Дмитровским шоссе. Ферма обрушилась на троллейбус так, будто кулаком трахнули по картонной коробочке! Погиб один человек. Владимир Бейлькин. А сидели мы вместе... «И я бы мог»."

На могиле поэта в Санкт-Петербурге выбита эпитафия:

И как бы ни был мой конец ужасен.

Мне – реквием, а где-то грянет туш.

Мне не обидно: у меня в запасе

Три миллиарда здравствующих душ!

В 1975 году в альманахе «Поэзия» вышла подборка стихов В. Бейлькина. Во вступительной статье Евгений Храмов написал:

«Я не знал Владимира Бейлькина. И лишь теперь из его стихов, из рассказов о нем вдовы поэта Зои Фальковой, передо мною проступает его облик. Умный, внимательный писатель мог бы написать повесть о жизни Владимира. В ней, в этой повести, не было напряженного, внешне захватывающего сюжета, но был бы захватывающий сюжет внутренний – история становления современного молодого человека, работы мысли, поисков себя.

В стихах Владимира Бейлькина как бы два слоя – простой бесхитростный рассказ о деревенском житье-бытье, выписанный с очень зримыми деталями и верным чувством меры, и стихи обобщающего характера, стихи-мысли, стихи-утверждение и проявление своего характера».

В том же году в журнале «Аврора» выходит несколько стихов Владимира, а во вступительной статье Вячеслав Кузнецов говорит:

«Владимир Бейлькин навсегда останется тридцатилетним, нелепый случай оборвал жизнь, но живы стихи, воплотившие всё лучшее, чем наполнилось сердце».

Владимир БЕЙЛЬКИН (1942-1973)

ТРИ МИЛЛИАРДА ЗДРАВСТВУЮЩИХ ДУШ

Я смерти не боюсь.

Нет, я боюсь её.

Я в точку превращусь,

В ничто, в небытиё.

А впрочем, чем я был

Полвечности, пока

Вдруг случай не слепил

Меня, как облака.

Ах, где бы я ни был,
Какую б жизнь ни вёл,
Ничуть я не тужил
И счёт векам не вёл.

И были раем чувств
Мгновенье и покой...
Так что же я боюсь
Полвечности другой?

Ах, в какой это день
Или может быть ночь
Обрели мы себя и сознание?
Как шерстинки слились
В золотое руно
Наши детские воспоминанья...
На столетья сумеем
Откладывать смерть,
Нарисуем эскиз
Мирозданья,
Но великий тот миг
Никому не узреть!
Навсегда
Он останется тайной!

ПАВЛОВ

«Павлов занят: Павлов умирает», –
Умирая, Павлов говорит.
На костре сознания догорает,
За кончиной собственной следит.

Словно он, как только совершится
Мысли и сознания распад,
К кафедре поспешно устремится
И студентам сделает доклад.

Сообщит, как жизнь его распалась,
Не сронив прозрачную слезу,
Как всё то, что называли «Павлов»,
Перешло на новую стезю.

...Ну а что придумает ты лучшего?
Может, впрямь бессмертен человек,
Если смерть и та ему – горячее
Для полёта мысли в голове.

На костре познания догорая,
Вглядываясь в смерти странный вид,
«Павлов занят: Павлов умирает», –
Умирая Павлов говорит.

В этом мире, где солнце
Плюс бесчисленность звёзд,
Как во тьме, мы споткнёмся,
Стоит выключить мозг.
И куда как возможно
Заплутать, не дойти...
Так что, лампочка мозга,
Не сдавайся, свети!

Ведь надо ж этому случиться:
Взять и в один чудесный день
Родиться, как бы предъявиться
Своей единственной судьбе!
Удача первая – рождение –
О, стань праматерью удач!
Пусть жизнь не дарит в ослепленье
Кому сухарь, кому калач...

ЗАКАТ

Свершается диво заката!
Какая услада душе!
Полнеба сверкает, как злато!..
И вот не сверкает уже...

И вот помрачнела природа,
И вот потемнела вода!..
Как будто бы умерло что-то,
Из жизни ушло навсегда.

И плачет душа у оконца:
Она принимает всерьёз,
Что солнце, лохматое солнце
В пылающий гроб улеглось.

Подавлена этой утратой,
Совсем позабыла душа:
Не умерло диво заката,
На запад ушло не спеша...

И так же волшебна, как наша,
Другая теперь сторона,
И солнце, как дружества чаша,
На всех и на все времена!

И вечно над ширью покатою,
Как много столетий назад,
Над чумом, над саклей, над хатой
Горит, не сгорая, закат!

ПОЭЗИЯ

Нас смертью пугают – пиши не пиши –
И давят заботой о платье и пище –
Но вот при луне в полуночной тиши
Огромная шарит по небу ручища!

В одной из коробок угрюмых домов
Тебя, как простой карандашик в пенальце,
Отыщет и выведет несколько слов!..

И вновь разожмутся могучие пальцы!

ПОЭТЫ

Ты жаришь истово котлеты,
А в голове звучат стихи...
Двоякодышащи поэты –
Аборигены двух стихий.

В воздушных вымышленных сферах,
В тугих слоях житейских вод
Поэт, как рыба протоптерус,
В себя вбирает кислород.

В сетях безденежья, наветов
Лишь он умеет жить и петь,
И потому лишь у поэтов
Две жизни отнимает смерть!

Когда поэту долго не поётся
И множится у ног бумажный сор,
Не приходите в гости к стихотворцу,
Он не поддержит умный разговор.

Не до друзей ему, не до семьи:
Он предрекает шумные события.
Не каждый день свершаются открытия,
Но каждый день работают НИИ.

Когда великого поэта
На Елисейские Поля
Уносит джинн небытия
Сидящий в чреве пистолета,
Какая мысль клокочет в нём?
О славе в будущем потомстве?
Или о чьём-то вероломстве?
Или: гори ты всё огнём?

К ВОПРОСУ О СМЕРТИ

А может быть, небытиё
Не что-то очень постное,
А просто чувство: всё моё,
Но только очень острое!

По парку цыганки гуляют,
За парок себя выдают.
А что, подойду, погадаю,
Разведаю участь свою!
...И жить мне ещё очень долго,

И в доме копиться добру...
Спасибо, спасибо, плутовка,
За древнюю эту игру!
За то, что больней и острее
Почувствовал времени ток,
Где каждый листочек на древе
Влиянье имеет на рок!

Как две женщины, любят меня
Жизнь и Смерть,
И друг к другу ревнуют,
И друг друга в коварстве винят,
И воют, воют, воют...
Жизнь морали читает мне,
Смерть разнеживает в постели,
И в нешуточной той войне
Я как будто бы не при деле.
Но люблю-то я всё ж одну,
Ту, что к делу меня толкает,
Только часто рукой махну
И безвольно к другой шагаю.
Смерть – хитрюга – мирком, ладком,
Зачарует и затуманит,
Только, чувствую, холодком,
Как из щели подвала, тянет.
И опять я к родной, к своей –
Понимаю: нельзя иначе!
Жизнь в тарелку навалит щей,
А вино для гостей припрячет.
Та манежит, потом предаст
И покажет такое жало!..
Эта в руки авоську даст,
Чтоб картошку принёс с базара...
Той бы времячко провести,
Та сама поднесёт стопарик!
Этой – чадушко принести:
Если к той убежишь, всё память!

Когда уйду в природу без остатка,
В круговращенье атомов вольюсь,
Не жаль мне стать в пробирочке осадком,
Травинками, что щиплет важный гусь.
Согласен быть и плесенью, пожалуй,
Медузой шарить по морскому дну,
Строительным готов я матерьялом
Пойти на плоть страдальцу-горбуну,
Но пусть убережёт меня природа
От участи пожертвовать свой прах
На сотворенье стройного уroda
С бездушием и тупостью в глазах.

Когда разлука обернётся прошлым
И ты ко мне приникнешь безобманно,
В наставшей тишине легко и просто
Ты станешь мной, а я тобою стану.

Есть, есть ещё Голгофы и распятыя,
Но в молчаливо нежный этот миг
Я думаю, что более, чем братья,
Все, кто живёт, кто дышит, как и мы.

И как ни разноцветно оперенье,
Душа у всех, по-моему, одна.
Она даётся людям при рожденье –
Безгрешна, бесконечна и вольна.

И все: кузнец, бухгалтер и полярник –
Все, кто живёт, и все, кто раньше жил,
Как бы тираж в миллиардах экземпляров
Единой человеческой души.

И как бы ни был мой конец ужасен,
Мне – реквием, а где-то грянет туш,
Мне не обидно: у меня в запасе
Три миллиарда здравствующих душ!

Я ФЕТА ЧИТАЮ...

ТЕЛЁНОК

Как я восторгался, счастливый ребёнок,
Когда поселялся тихоня телёнок
Под боком у печки, а сверху полати...
И я на полатах лежу, как в кровати.
Все спят, а я свешу свою головёнку
С высоких полатей, ладошку телёнку
Подсуну — он вежливо этак полижет,
Ударит копытцем и глубже задышит...
Мне странно и дивно, мне дивно и странно!
А ночь разверзалась, как даль океана!
И было просторно, и было пустынно!
Лишь я да телёнок! А печка остыла...
Но всё это в прошлом, всё было когда-то:
И тёплый телёнок, и печка, и хата.
Но всё это в сердце моём отстоялось,
Хватило на молодость, хватит на старость!
...Как трудно придётся потомку, коль станет
Поэтом: он хаты уже не застанет!
А я только вспомню о старенькой хате,
О кротком телёнке под кровлей полатей,
Как строчки рождаются, точно крольчата...
О Ноев ковчег — незабвенная хата!

* * *

На заречном лугу, как и встарь,
На заре объявился косарь.
Вот по коске, как бы языком,
Он прошёлся своим оселком.
Вот расставил ступни, как матрос,
По травинкам прошёлся мороз...
И, как Муромец древле татар,
Наземь валивать травушку стал.
Ах, как чисто покос он ведёт!
Новобранцев как будто стрижёт.
Каждый стебель он сводит на нет,
Аж рубаха сыра на спине!
Ах, на лоб его капли росы
Перебрались по древку косы!
...Есть косьбы нерушимый закон:
Если солнце висит высоко,

Этот труд благородный оставь,
Печником или плотником стань,
Огольцов и старушек лечи,
На костяшках в конторе стучи...
И по этой причине, как встарь,
Словно камушек, сгинул косарь,
Лишь по глади прохладной земли
Невысокие волны пошли...

ПОЛЯРНЫЕ БУДНИ

Как хорошо мне было в агрегатной
Дежурить по ночам у дизелей!
Я уши затыкал клочками ваты
И книжку брал потолще, поумней.
Когда шалила стрелка амперметра,
Я обороты плавно убавлял.
И ночь текла легко и незаметно,
Как по трубе солярка в дизеля.
Я знал, что высоко над дизелями,
По небу, как мальчишки по траве,
Полярное катается сиянье...
И так волшебным было в голове!
А где-нибудь в конце такой ночёвки,
Арктического снега наскребя,
Я обливал его струей сгущёнки
И угощал мороженым себя.
А в семь ноль-ноль, пушистый от мороза,
Стучался в дверь уверенно солдат,
А я сигал под иглистые звёзды,
Рожок привычно вставив в автомат.
Я шёл и слушал ветра завыванье,
Слегка сонлив и всё ж навеселе,
И улыбался шалостям сиянья
И еле слышной песне дизелей.
В пяти верстах, почти как на ладони,
Лежало море Лаптевых, за ним —
Посёлок Диксон, а чуть-чуть поодаль —
Град Воркута, пленительный, как Рим!

* * *

Когда железка и магнит
В объятья бросились друг другу,
Я вострепнулся как с испугу:
Какая их связала нить?

И оглянулся я невольно
На мир у замерших дверей,
Хотя и знал, что это волны
Никем не видимых полей...

Листва мерцала, точно сито,
Но почему-то снова в дом
Меня тянуло как магнитом,
К Девчонке в платьице простом!

Я до сих пор её не понял!
Но все мне кажется: не зря
Мы целовались с нею в поле,
В магнитном поле пустыря!

* * *

Страницы листаю дрожащей рукою...
Я Фета читаю в метро под Москвою.
В гудящем составе под кожей планеты
Пulsирует дерзкое сердце поэта.
И ласточка чёркает воду крылом,
И пчёлы гудят над дурманным кустом,
И, как пассажиры, молчат небеса,
И звёзды мерцают, как чьи-то глаза.
И я не в метро, не в толкучке, не где-то,
А просто у ног Афанасия Фета.

* * *

Не привыкну к тому, что живу,
Как весной, когда сходят созвездья
С высоты на резную листву,
Сад становится белым медведем...

Не привыкну к тому, как Трезор
Отзывается лаем на имя,
Как влекущий к себе горизонт
От меня ускользает налимом.

Не привыкну к тому, как в жару
В ледяную прохладу прыгну...
Не привыкну к тому, что живу,
Как к тому, что умру, — не привыкну!

Ирина РЫЛЕНКОВА

О КРИТИКЕ (собратьев по перу и читателей)

Николай Иванович Рыленков, проживший недолгую, но насыщенную всяческими событиями жизнь (войны – Первая и Вторая мировые, Гражданская, польская и финская кампании, революция, коллективизация и индустриализация, черные годы репрессий и время недолгой «оттепели», события в Венгрии, культ личности Сталина и его развенчание), которые, с одной стороны, способствовали становлению его и как личности, и как писателя, а с другой, возводили, казалось бы, невероятные, непреодолимые препятствия на пути к достижению его мечты – служению народу своим пером.

Время его жизни совпало с выдвинутой после революции концепцией: старый мир должен быть разрушен до основания, а потом построен новый. Сюда входили, прежде всего, все достижения духовной культуры и, конечно, история.

Но, как известно еще с незапамятных времен, если не на чем расти, нет почвы, то не будет и плодов. Это поняли рано или поздно многие, но очень немногим удалось противостоять такой официальной доктрине. Среди этих немногих был и Н.И. Рыленков.

Он в ранней юности понял не только свое предназначение – быть лирическим поэтом, но и то, что достичь этого можно, только усвоив культурное наследие предков и понимая роль и место своего народа в историческом мировом процессе. А это и определило его тернистый путь в литературе. Мало кто решался на такой путь, и единицы тех, кто выдержал, не свернул с него. А соблазнов было много – от возможностей издания своих произведений без проволочек до лауреатства. Но...

Как слава непостоянна –
Знали и в оны дни:
Сегодня кричат: «Осанна»,
А завтра кричат: «Распни!»

Но что эта участь злая
Тому, кто, душой открыт,
О славе не помышляя,
Дело свое творит!

Творит его неустанно,
Наполнив заботой дни...
Пусть где-то кричат: «Осанна»,
Пусть где-то кричат: «Распни!»

Из шести вышедших до войны книг благожелательно была встречена критикой только первая – «Мои герои» (1933 г.). Хотя она вышла в Запгизе, ее отметили и в Москве. Скорее всего потому, что состояла из сюжетных стихов. Но, чувствуя, что такие стихи не то, чему он отдал свое сердце, возвращается к медитативной лирике, которая становится основным направлением его стихотворного творчества.

«О лирике, да еще лирике пейзажной в то время не принято было говорить всерьез. Ее только терпели, как трудноискоренимый предрассудок, как живучий пережиток патриархальщины. А для меня отказ от пейзажной лирики был бы равносильным измене самому себе, нарушению своего нравственного долга перед теми, кто еще в детстве внушал мне любовь к неброской, задумчивой красоте родной природы».

В предвоенные годы поисков и раздумий о поэзии у Рыленкова явно обозначается второе направление его творчества – обращение к истории Родины, и, кроме лирических стихов, появляются исторические баллады и маленькие поэмы.

Все это вошло в последний предвоенный сборник «Березовый перелесок», который сам он считал лучшим из всех довоенных книг. Но и его разругали в прессе. Только Д. Данин (в «Новом мире») благожелательно отозвался о книге. И как писал об этом сам Рыленков: «Ведь я писал о таких неактуальных «проблемах», как любовь, друж-

ба, верность, родная природа, история». Обращение же к истории было еще большим «грехом», чем лирика. Ибо исторические параллели с современностью вызывали у людей совершенно нежелательные для власти размышления и выводы.

В письме М.В. Исаковскому (от 10.02.1941) Рыленков пишет: «Недавно у нас было обсуждение итогов литературного года, на коем мне изрядно досталось за лирику и за увлечение историей, так что я сейчас пишу мало, больше переживаю».

Война. Время жесточайших испытаний не только для народа, но и всей государственной машины. Чтобы победить в ней, надо было сплотить и поднять все слои населения на борьбу с врагом. В таких условиях лозунги и призывы не слишком эффективны. Оказывается, что культура многое может сделать, воздействуя, в первую очередь, на чувства и сердца людей. Очень большое значение приобретает слово, и не просто слово, а поэтическое слово. Лирика начинает занимать важное место в концертах, радиопередачах, на страницах эстрадных сборников, поэтических книг. И даже на страницах журналов и газет всех без исключения рангов, в листовках печатали стихи.

Мало того, в газете появляется статья А. Сергеева о творчестве четырех поэтов – Рыленкова, Суркова, Симонова и Щипачева. Статья опубликована в газете «Литература и искусство». В ней обосновывается значение и необходимость лирики, важность ее для воспитания патриотических чувств. Привожу выдержки из этой статьи.

«Новое содержание поэзии, принесенное войной, вовсе не обязательно влечет за собой перемену темы. В стихах молодого поэта Н. Рыленкова прежняя его тема верности в любви и дружбе звучит по-новому. Опыт войны не только не ослабил действенности этой темы в стихах Рыленкова, но сообщил ей особую напряженность... Чистые и сильные признания поэта, обращение к любимой звучат присягой на верность любимой родине... По возрастающей силе чувства к любимой можем мы представить силу пережива-

ний человека на войне, о которых поэт прямо не говорит... Опыт войны приучил его взвешивать слова. И за его скупостью чувствуется глубокое раздумье... Только через оригинальное личное отношение художника к материалу действительности может быть раскрыто в искусстве огромное содержание освободительной войны, которую ведет наш народ».

Война закончилась. Победа. И опять закручивание гаек, снова лирическая поэзия на обочине. Это был тягостный момент в жизни Н.И. Рыленкова, может быть, даже тяжелее в каком-то отношении, чем война. Но он выстоял, не бросил писать лирику, не свернул со своей дороги. Помогли, в первую очередь, семья и, конечно, письма любителей поэзии. Критики же чаще всего обходили молчанием. Много больше отзывов можно найти в письмах как от собратьев по перу, так и просто любителей поэтического слова.

Вот выдержки из писем молодого учителя-словесника из поселка Коксовый Ростовской области, выпускника Ростовского университета:

«Я давно знаю Вас по Вашим стихам. Я уважаю Вас за честное отношение к русской поэзии, за бережное отношение к родному языку. Я люблю Ваши стихи за ясность мысли и четкость и простоту формы. Быть может, было бы лучше, если бы последняя была несколько разнообразней, но, по крайней мере, в ней нет никаких выкрутасов, никаких претензий подавить во что бы то ни стало: читая Ваши стихи, невольно думаешь, как все-таки могут быть покорны слова, как они могут быть слаженны и уместны, если над ними «поколдовать» умеем. И невольно проникаешься уважением к Вам – умелому, умному и честному «колдуну» слова и к профессии поэта вообще». (30.10.1948);

«Знаете, пришел я домой около полуночи (у меня занятия во вторую и третью смену), усталый, сел за стол, не зажигая света. Вдруг на столе что-то попало под руки незнакомое. Ощупав его, в одно мгновение сообразил, что это книги от Вас, которые мне принесли в мое отсутствие. Сейчас

же, включив свет и быстро сдернув с бандероли веревки, я, не раздеваясь, засел за письмо и книги. Зачитался далеко за полночь. Спасибо большое Вам, спасибо за то, что Вы прислали их мне!..

Мне даже трудно сейчас сказать, какое стихотворение лучше, потому что, во-первых, я не все еще прочитал, а, во-вторых, те, что я прочитал, я не прочитал, а «проглотил», отчего могу легко ошибиться. Пока я могу написать лишь, что мне очень нравятся стихи «Из лирической тетради», особенно, например, «Прощание с юностью». Как оно искренно и правдиво по чувству и как оно глубоко по мысли: «Чтобы жизни легчайший трепет отдавался в нас гулкой дробью!». Ведь это же целая программа жизни! Это же наказ человеку: никогда не будь равнодушным к жизни, и пусть она всегда рождает в душе твоей чуткий отклик!.. Кстати сказать, после таких стихотворений, как «В дни лета...», «Пока влекут тебя дороги», «Благословенна отчая земля», «Вечерний ветер, тише вей» и других, у меня по форме Ваших стихотворений расширяется представление... Нравятся мне также Ваши сонеты. Особенно такие, как «Семена» или «Наш век суров...». Ну разве плохи такие стихи, как «Пережитым потрясены» или «Утро», или «Мы помним все...», или «Хлынул дождь», или «В юности мы спрашивали часто», или «Левитан», или, особенно, «Другу»?.. «Не время ль расцвести всему, что на душе у нас хранится!» – какой это обширный вопрос, и как он волнует душу!». (26.11.1948);

«А пока спасибо сердечное Вам за книги. Я получил и второй сборник Вашего «Избранного». Только знаете что? Я получил сначала Ваше письмо. Сказал об этом тому другу своему, о котором я Вам писал. Он сразу же прямо завопил: «Как! Зачем же тебе два одинаковых сборника, в то время как у меня нет ни одного? Нет, этот сборник будет моим!»... Товарищ предложил мне взамен любую книгу из своей скромной библиотеки. Я взял Долматовского (из серии «Библиотека избранных произведений к 30-летию Советской власти»). Кстати, Вы в этой серии не изда-

етесь? Ведь Ваши во много раз лучше стихов того же Долматовского?). Сейчас мы с товарищем восторгаемся друг перед другом Вашими стихами». (24.12.1948);

«Особенно благодарю за обещание прислать мне новую книгу стихов – «Август». Вероятно, это будет сборник исключительно, на редкость зрелый, как сам месяц, имя которого он будет носить... Одним словом, не знаю, что будет обозначать у Вас «Август», но твердо верю, что он мне доставит много хороших, волнующих минут, потому что выйдет он под именем Н. Рыленкова, а этот поэт плохих стихов не пишет.

У меня на столике четыре сборника стихотворений: два Ваших, Твардовского и Сергея Есенина. Остальные в другом месте. Не льясь Вам, скажу, что чаще других я беру Ваше «Избранное». Как только я могу, я беру Вашу книжку и говорю: «Ну, Николай Иванович, давайте побеседуем». (Я уже давно решил Вас так называть и рад, что не ошибся).

Сегодня я перечитывал Вашу «Русскую дорогу» из «Наступления весны». Как и в первый раз, сначала мне не нравился несколько прозаический тяжеловесный слог ее, а потом... потом я несколько раз прерывал чтение, чтобы не разрыдаться. Не разрыдаться не от какой-либо сентиментальной сцены (таких в поэме нет), а просто и сам не знаю от чего. Из отдельных стихотворений мне сейчас особенно нравится Ваша «Лада». Как оно глубоко и мудро!.. Но если бы мне предложили выбирать из Ваших стихотворений, я бы все-таки взял, знаете какое? «Пока влекут тебя дороги». Ах, как оно мастерски сделано, как оно ясно по мысли! Это прямо пушкинское стихотворение!» (23.01.1949).

Письма говорили поэту, что он нужен читателям, именно таким, каков он есть, что они ждут от него именно таких стихов, которые он создает – затрагивающих самые глубокие, светлые стороны их духовной жизни, и самое главное – поддерживают его.

Примечательны письма Левонтина, в которых он анализирует или выражает свое отношение к различным произведениям

Рыленкова 60–65 годов и как профессионал, и как любитель литературы. Интересно и сама личность Левонтина. Его биография может быть основой авантюрного романа. Левонтин Эзра Ефимович родился в 1891 году в Тегеране, где отец его служил инженером на спичечной фабрике. С фабрикой была какая-то история, и семья перебралась в 1892 году во Францию, а через несколько лет в Россию, в Рязань. Окончив в 1909 году гимназию, Эзра уезжает в Париж. Возвращается на Родину, в Москву, поступает в университет на юридический факультет, который заканчивает в 1913 году. Опять выезжает в Париж, путешествует. В 1915 снова Москва. В 1910 году дебютировал в студенческом сборнике «Отклики» стихотворением «Осенняя песнь». Автор сборников «Дракон», «В вагоне», «Зимние сантименты», «Снова», «Фелука». Высокообразованный человек. Знал несколько языков, французским владел как родным. Был знаком с В.Г. Короленко, В.Я. Брюсовым. После войны занимался, по-видимому, только переводами и очень избирательно. Являясь «французистом», переводил, например, Ги де Мопассана. Делал переводы с казахского, марийского, чеченского. Оригинальные стихи его не печатали. Был известен в определенных кругах читающей публики. На юбилейном вечере в 1956 году (65 лет), который вел очень известный поэт Павел Антокольский, было много народа. Умер в 1968 году.

Первое письмо датировано 14.06.1960, но я думаю, исходя из содержания, что, скорее всего, были еще, или он встречался с папой лично.

Вот выдержки из него.

«Дорогой Николай Иванович, я люблю – Вы это знаете – Ваши стихи, мне по душе многие Ваши публицистические выступления. Но ни одно из последних не производило на меня столь сильного впечатления, как статья «Жажда сердца».

Я давно убежден, что у нас в журнальной и издательской практике обедняют лирику; жажда сердца почти никогда не бывает утоленной. Существует небольшое количество имен лирических поэтов – Вы,

Щипачев, Мартынов и еще несколько человек, которые ведут свое творчество путем лирики. Но этого мало, очень мало, ох как мало! Значит ли это, что нет лирических поэтов? Они есть. Но – если это не «апробированные» лирики, то даже для их одобренных вещей не оказывается места. Пусть, кроме тех поэтов, что я назвал, есть еще 20–30 русских лирических поэтов, чьи пьесы печатаются. Но сколько же сот подлинно поэтических произведений русской лирики пропадает, скрывается от русских читателей потому, что имя поэта не входит в излюбленный (привычный) редакционный список, в пресловутую «обойму».

Мне жаль поэтов. Но в десять раз больше жаль читателей: за что их лишают чистой влаги, способной утолить «жажду сердца»?.. Ваша превосходная статья, Николай Иванович, будит сознание советских людей, будит сознание людей, решающих судьбу произведений: дайте дорогу чистой влаге, способной утолить жажду сердца. Я – старый человек, не думаю, что доживу до времени, когда жажда сердца будет утоляться невозбранно. Но она будет утоляться, эта жажда. И Вы много сделали, чтобы помочь этому делу».

Следующее письмо, от 27.11.1960 года, относится непосредственно к поэтическому творчеству.

«Создается, дорогой Николай Иванович, несколько наивная и, может быть, смешноватая традиция: когда я встречаю в печати Ваши вещи, меня волнующие, я пишу об этом Вам. Я давно не печатаю статей и рецензий, если они не касаются переводных произведений (не совсем по своей воле), так же как не печатаю своих оригинальных стихов, даже имеющих успех в аудитории (тоже не по своей воле). Переделывать это уже поздно (ведь 29 июля 1961 года мне исполнится 70 лет). И поэтому я, в редких случаях, обращаюсь с письмами к вдохновившим меня авторам.

На этот раз Вы взволновали меня сонетами, посвященными памяти И.С. Никитина. Об этом надо сказать несколько слов.

Не просто хочется сказать, а именно надо сказать.

1. Мы забываем выработанные в веках формы: почти исчезли октавы, рондо, триплеты, сонеты. А вместе с тем не мешает помнить, что эти формы выработаны в веках художественным сознанием человечества не в порядке фокуса, а в порядке отыскания наилучшего способа выражения большой мысли. Великолепные октавы М. Рылского это вполне подтверждают. Менее значительные и, все-таки, интересные гексаметры П. Радимова тоже подтверждают обоснованность избранного метра. И вот теперь Вы выступили с рядом сонетов (не вполне каноничных), посвященных поэту, казалось бы, менее всего связанному со строгой формой, созданной в Италии, получившей развитие в ряде европейских стран и отыскавшей новое, принципиально новое русское звучание. Вы сделали шаг большой смелости. Вопрос в том, привел ли Вас этот шаг к художественной и идейной победе.

2. Разберемся в этом. Сонет, прежде всего, философичен. В его 14 строках заключена не просто большая мысль, а философия. Поэтому поэт, создавший сонет, так его строит, что финальная строка (или финальные две строки) подводит итог сказанному, берет читателя, говоря тривиально, за шиворот и заставляет его, читателя, понимать – вот только то и так надо сказать, как поэтом сказано.

3. Я читатель и придирчивый. Вернее – я старый брюзга. Я десять раз перечитал Ваши сонеты и поверил, именно то сказано, что надо сказать: именно почти так надо сказать, как сказано. «Тоску не станет заливать он чаркой, Он должен, он сумеет устоять» – и это вопреки той мрачной картине, что нарисована в первых 12 строках. «Он будет пить из своего колодца, и ковш найдет в полыни под межой». Как это точно, как это связано с двумя предыдущими строками: «Лишь о своем посвоему поется, а он не хочет песни петь чужой». (Мне, «француисту», вспоминается: «Мой стакан мал, но я пью из своего стакана»)! «Коль не к жене, так к сыну я-

щика найдет дорогу честная строка». И это органически связано с утверждением, что «песню полным голосом споет он, и станет песня подвигом его». Я не пишу о втором сонете: там финал менее «сонетен», хотя по-своему вполне выразителен.

4. Оправдана ли выбранная Вами форма? Оправдана вдвойне: во-первых потому, что стихи весьма экономны по выразительным средствам и философичны; оправданы потому, что напоминают русской поэзии, что нужно вернуть в ее арсенал, снова взять на вооружение сонет, да и другие классические формы. Ибо эти формы помогают по-новому, с новой выразительностью прочесть сегодняшнюю мысль, мысль сегодняшнего поэта. А Вы поэт сегодняшний, даже когда пишете о прошлом.

Мое письмо было бы недостаточно, если бы я не упомянул бы и о некоторых недостатках. Сонет, по своим качествам, по своей краткости, по многовековой традиции не терпит никакой, в том числе и звуковой или смысловой неточности или неряшливости. Такая неточность или неряшливость всегда досадна. В сонете она нетерпима. И это уже не «мелочь», а пятно на сонете, когда Вы накапливаете звук «к» в превосходной строке «Развязывают души, как кульки» или в строке «Коль не К жене, таК К сыну ямщиКа». Я не уверен, что стих может жить закваской и что этот образ (стих, живущий закваской) закономерно исходит из образа стиха, ЗАКИПЕВШЕГО под сердцем. Почему ПОД сердцем, а не в сердце? Или ассоциация с беременностью? Но плод, лежащий под сердцем, не закипает...

* * *

И все-таки, дорогой талантливый поэт, Вы решили смелую задачу поставить классическую форму на службу сегодняшнему дню. Я рад этому. Я поздравляю Вас от души, Вас и многочисленных читателей Ваших.

Тут мне хотелось бы сказать следующее. И в газете, и в книгах написано не закипевший, а накипевший, и это не одно и

то же. Как мне кажется, Левонтин не совсем понял смысл выражения – имелось в виду стихи, написанные сердцем, образ, а не место рождения. Есть выражение, кстати, широко употребляемое, «накипело на сердце», а не в сердце, т.е. боль, страдания, глубокие переживания, которые выплескиваются наружу. Что касается «закваски», то это широко употребляемое выражение, подразумевающее концентрат того, чем жив человек, что составляет его основу, сущность. Недаром говорят: у него хорошая закваска, т.е. жизненные силы, истоки, правильные этические нормы.

Своеобразие Рыленкова-поэта идет, как мне кажется, от его многогранной личности, так как он был не только талантливым стихотворцем, но и блестящим знатоком мировой и русской поэзии и глубоким знатоком теории стиха, что позволило ему использовать как традиционные, так и современные формы, а нередко изобретать и свои собственные. И все это не игра, а осознанное желание соединить в единое целое вложенные в стихи чувства, мысли, образы и облечь их в только им присущую форму. Гармония содержания и формы. Примерами этого являются сонеты. Рыленков неоднократно обращался к ним. У него насчитывается их 72. В одной из тетрадей записано 16 под общим названием «Россия (сонеты)». В каждом действительно упоминается Россия. Да, он не использовал такую форму, как венки сонетов, но он создал циклы их. Например, триптих («Гостеприимны были наши предки», «Заря, как медный щит багряна», «Памятник 1812 году в Смоленске»). Это сонеты на исторические темы, а другие чаще всего посвящены проблемам творчества, как, например, разбираемые Левонтиным, а также Левитану, Коненкову, Толстому, Глинке и т.д. При этом сонеты у него очень разнообразны и своеобразны – от строго классических до весьма вольных.

Использовал и такую малораспространенную форму, как октавы. В 1957 году написана «Отава». Очень простое, казалось бы, стихотворение, однако показывающее и тонкую наблюдательность ав-

тора, и народную мудрость, и целостность формы и содержания. Есть у него цикл из семи стихотворений, написанных в этом размере, под общим названием «Осенние октавы».

Он первым из современников в конце 50-х годов использовал свободный стих для создания очень значимого для него стихотворения – «Думая о матери». Он с бесконечной нежностью и любовью относился к матери, и ему хотелось написать о ней так, как она этого заслуживала, какой она ему запомнилась. И обратился к верлибру.

Левонтин на протяжении очень долгого времени не имел возможности печатать свои оригинальные стихи, переводил с шести европейских языков и многих языков союзных республик. Но, как человек высокой культуры, он внимательно следил за литературным процессом, особенно за поэтическим творчеством своих современников. И, конечно, ему хотелось высказывать свои мысли по этому поводу не только лично авторам, но и в печати, внести свою каплю меда в развитие культуры. Он задумывает серию литературных портретов, в том числе и Н.И. Рыленкова. О чем это говорит? Левонтин – человек практичный, он выбирает, как мне кажется, людей для этого по двум критериям: а) достойных, б) не заласканных критикой.

Вот что он пишет в письме от 19.05.1961:

«Я очень сожалею, дорогой Николай Иванович, что не знал о Вашем пребывании в Москве и не повидался с Вами. Вот в чем дело. Я давно задумал написать несколько творческих портретов. Один из них и в первую очередь – Ваш. Я сделал предложение в «Дружбу народов» и еще кое-куда, однако успеха не имел: «программа заполнена», «не соответствует профилю журнала» и прочая абракадабра.

Я хочу через Вас осведомиться, нельзя ли получить соответствующее поручение (без всяких авансов, но твердое) от того или иного органа (альманаха), издающегося в Смоленске. Я хотел бы дать статью на 1–1½ листа, в которой бы я смог показать:

- а) путь Вашего творческого развития;
- б) Ваше новаторство.

По этому пункту я хотел бы остановиться на Ваших, в частности, интересных сонетах, недавно опубликованных. Дело в том, что новаторство Ваших сонетов не только в их новаторской форме (рифма, повторяющаяся в 4-стишии и 3-стишии, – прием, употребленный только 1 раз и одним лишь Пушкиным), а в идейно-стретной обособленности этой формы.

Вам известно мое мнение, не поколебленное в течение ¼ века. Вы поэт выдающийся, Вы современны и своевременны, причем оба эти качества Вы раскрываете, не разрушая канонов русской классики, а развивая эти каноны.

Таковы в двух словах мои мысли, которые я хотел бы развить в статью. Но у меня нет мужества работать над ней без издательского адреса. Я для этого слишком стар (мне 29/VII исполняется 70 лет, можете по этой причине послать мне открытку с красивой картинкой).

Я бы хотел Вашего ответа на это письмо».

Рыленков ответил на письмо Левонтина. В городе выходил альманах, редактировал его Н.Г. Антонов. Ему послал свою заявку Эзра Ефимович. В ней он пишет: «Свыше 25 лет тому назад на страницах покойного «Литературного критика» я в общей обзорной статье посвятил 1-2 страницы творчеству – тогда начинающего – Николая Ивановича Рыленкова. Мой интерес к нему оправдал себя, больше я, правда, о нем не писал, но пылливо следил почти за каждым его стихотворением.

Я пришел к выводу, что неплохо было бы написать о нем статью в лист-полтора размером, в которой дать его творческий портрет, дать характеристику деятельности одного из самых примечательных русских лириков нашего времени.

Рыленков, как поэт, соединяет в себе, прежде всего, дыхание современности с верностью лучшим традициям русской классики; однако он не застыл на этих традициях, он закономерно развивает их (не ломает, а развивает); он нередко бывает поэтом-новатором (достаточно в этой связи вспомнить недавно опубликованные им сонеты).

Словом, статья о Рыленкове была бы бесполезна советскому читателю».

Одновременно с письмом Антонову Левонтин пишет коротенькое письмо Николаю Ивановичу, из которого можно сделать два важных вывода:

1). Рыленков достаточно хорошо знал Эзру Ефимовича и как поэта и как переводчика;

2). Ценил его поэтическое чутье.

Думаю, что в нашей библиотеке, безусловно, есть книги, переведенные Левонтиным, а возможно, и что-то из его оригинальных стихов. Вот это письмо:

«13/IV-61

Дорогой Николай Иванович,

Благодарю Вас за Ваше письмо. Против одного я решительно возражаю: я никогда не был одним из Ваших учителей, не претендую на эту честь, не имею права на нее. Я просто очень люблю Ваше творчество, в моих глазах (если мое мнение имеет значение) Вы один из наиболее примечательных лириков русской современности».

Что касается литературного портрета, то, естественно, добро на него не дали не только в Москве, но и в родном городе, где объективный взгляд на творчество был зашорен дикой завистью.

В 1962 году Рыленков сделал поэтический перевод, или, как он сам называл, пересказ древнейшего литературного памятника – «Слова о полку Игореве». Отрывок из него «Плач Ярославны» был опубликован в «Литературной газете» за 01.11.1962 г. И в этот же день на него откликнулся Левонтин:

«Ах, до чего же я взволновался, дорогой друг, прочитав полчаса тому назад несколько строк из Вашего перевода «Слова». Всего несколько строк, а видно: Вы пишете для сегодняшнего читателя, и в то же время сохраняете самое природу подлинника. Это – почти разрешение задачи по созданию квадратуры круга!»

С нетерпением буду ждать полного перевода (если доживу: лет мне много, здоровье никудашнее, чему изрядно помог Ваш шеф по «Советскому писателю»). Не забывайте обо мне! Будете в Москве, загляни-

те, порадуите старика. (Мой новый адрес указан в заголовке).

Обнимаю».

Следующее письмо Левонтина – от 21.02.1963, и объектом анализа является поэма «Петербургский туман», опубликованная в ленинградском журнале «Нева», написанная еще до войны, но затем доработанная.

«Такова моя переводческая судьба, дорогой Николай Иванович. Перевод, как правило, идет; рецензия или критическая статейка тоже проходит. А вот, когда я предлагаю написать статью об оригинальной книге или оригинальной поэме, мне дают понять, что, мол, переводческий чин у меня есть и не очень низкий, ну и занимайся – и как поэт и как критик своим переводческим делом.

И тогда я, если речь идет о близком мне по духу поэте, пишу вместо статьи или рецензии письмо. У Вас есть несколько моих писем. Прочитайте и это. В нем речь идет о совершенно примечательной Вашей работе, о поэме «Петербургский туман».

1. По сути дела Вы написали повесть в стихах. Вступление «Северная Пальмира» дает умный и серьезный зачин всей поэме. Юный учитель, желающий реализовать свое стихотворческое дарование и отыскать затерявшуюся любимую, приезжает в Петербург. Здесь Вы открываете все, что нужно открыть читателю. Здесь в органической связи – находится и интимно-личное, и творческое устремление, и – в какой-то мере – характеристики холодного чиновничьего Петербурга; и в этом Петербурге – «под высокую руку» газетного чернорабочего попадает провинциал Вишняков.

2. Вишняков демонстрирует свою поэзию. Но он не хочет казаться тем, кто, может быть, был бы приятен газете, но кем он не может и не хочет быть.

Вот она, желанная коллизия! Юноша, для которого его имя, набранное типографским шрифтом – событие, не может не быть самим собой! И ни на какие компромиссы он не согласен! Он не приемлет людей, которые «в этом городе шумном» никогда не слышали «настоящего грома».

И пусть в стихах о России мы слышим отзвуки блоковского гения (ей же богу это не так уж плохо!), пусть Ваш лирический герой узнает о трагической гибели любимой, пусть он сидит за трактирным столиком, где ему не место, но рабочий человек напоминает Вишнякову, что ему, Вишнякову, не место в трактире.

3. Эпилог – логическое и социальное завершение поэмы. От Державина, Достоевского, декабристов, Чернышевского, Блока ведет дорога к Вишнякову. Хорошо это у Вас получилось. Хорошо. По-настоящему хорошо.

Вот и все. Все хотя бы потому, что я опять нездоров. Но я не мог утерпеть и наскоро написал Вам письмо.

Жму Вашу руку
Преданный Вам
Подпись».

Рыленков никогда не останавливался на своем пути, он постоянно совершенствовал свои творения, но особенно плодотворными для него были шестидесятые годы, когда раскрылись удивительные творческие возможности его и как поэта, и как создателя лирической прозы, и как литературоведа и критика. Его стихи при отточенности формы приобретали все большее философское звучание, глубину, лаконичность, прозрачность акварели. Простые по форме, они требуют напряженной работы мысли. Стихи-афоризмы, созвучные стихам поэтов Древнего Востока, но в то же время во многом русские. В «Правде» от 20.12.1964 опубликован был небольшой цикл таких стихов (8) под общим названием «Раздумья». Каждое из них состоит из четырех строк.

Вот одно из них:

«В полуденный зной
По лугам и полям проходя,
Твержу я, окинув
Окрестности взглядом ревнивым:
– Стихи мои, будьте
Как первые капли дождя,
Что добрые вести
Приносит покосам и нивам».

Вот как откликнулся на подборку в «Правде» Левонтин:

«Я сел за пишущую машинку, дорогой Николай Иванович, не для того чтобы в н-ый раз сказать Вам, что Вы замечательный поэт. Я об этом пишу Вам (да и как-то давно в печати) уже лет 30. Поводом к этому письму послужили несколько Ваших четверостиший, недавно опубликованных «Правдой».

Это новое слово в русской поэзии, в частности новое Ваше слово. Вы, разумеется, знаете, что четверостишия (рубаи) бытуют в восточной поэзии (грешный человек, и я перевел толику рубаи). Они созданы, чтобы в предельно сжатой форме создать философическую мысль. Ваши четверостишия никак не перепевы восточных рубаи. Это самобытные русские четверостишия, в которых отлилась русская природа, русская мысль, русская жизнь, русская напевность, и в то же время приходит в голову мысль, что на автора как-то воздействовала восточная форма, как, вероятно, на создание русского сонета – предельно самобытного – воздействовал итальянский сонет: ведь и в пушкинских сонетах («суровый Дант не презирал сонета») полным голосом говорит о себе русская национальная природа их гениального создателя. Налицо (возвращаясь к Вашим четверостишиям) благотворная связь различных национальных поэзий. Не знаю Ваших намерений, но получилось именно так: родилось русское философическое четверостишие, национально своеобразное, самой своей природой предназначенное для выражения мысли, предельно сжатое по форме, предельно напоенное содержанием.

Это, Николай Иванович, не только новое слово в Вашем творчестве: это новое слово в нашей поэзии вообще. На 74-м году жизни я не устаю радоваться поступательному ходу русской поэзии. И Вашему успеху я всегда радуюсь с особенной сердечностью.

Вот то немногое, что мне захотелось Вам написать».

Последнее, из найденных в архиве, письмо Левонтина датировано 2 января 1965

года. Этот ответ – благодарность за присланную книгу. Она не названа, но, судя по всему, это вышедший в «Художественной литературе» в малой серии Библиотеки советской поэзии сборник (1964г.).

«Я не нахожу слов, мой дорогой талантливый друг Николай Иванович, чтобы отблагодарить Вас за Вашу книгу и такую трогательную надпись, адресованную мне.

Я, видимо, знаю все Ваши книги и вправе со всей откровенностью сказать, что присланная мне Ваша книга – самая значительная из всех, созданных Вами.

Ее проникновенность, задушевность, ее глубокая задумчивость, ее национальная сущность, ее примечательное мастерство (чего стоят одни рифмы – неожиданно сложные или построенные в унисон в четверостишиях и многое другое) – все это даже мне, человеку, имеющему навык к стиху, кажется явлением совершенно примечательным в русской поэзии. В телефонном разговоре я обратил внимание Л.Н. Фоменко (она член редколлегии «Литературной России») на Вашу книгу. Она предложила мне написать о Вашей книге. Однако, ввиду однажды проявленного ко мне прямого неуважения (чтобы не сказать хамства) со стороны «Лит. России», я сказал, что дал себе слово никогда ничего в этот журнал не предлагать. Кстати, она лично не повинна передо мной, но я выразил уверенность, что критика откликнется на Вашу книгу серьезно и благожелательно. ...Сейчас в «Правде» прочитал «Праздник зимы». Хорошо! Настоящее рыленковское стихотворение! Хорошо, – оттого что в каждой букве – русское».

«Праздник зимы» опубликован в тот же день, как и датированное письмо.

Вот такими яркими штрихами нарисован литературный портрет Рыленкова этим человеком. Конечно, он мозаичен и фрагментарен, касается только Рыленкова-поэта и то не всего его поэтического творчества, но и этого достаточно, чтобы понять, насколько интересным поэтом он был, насколько его творчество глубоко индивидуально, самобытно и какой вклад он внес в развитие поэзии двадцатого века.

И в заключение отзыв М.Рыльского. Всего несколько слов, но какой глубокий смысл стоит за ними.

«Дорогой Николай Иванович!

Не знаю, застанет ли Вас это письмо, – во всяком случае, надеюсь, Вы его прочтете! Да это и не письмо, а два слова.

Разрешите крепко пожать Вам руку за стихи, напечатанные 15/VI в «Литературе и жизни». Вот и все.

Ваш М. Рыльский

17/VI-1962.

Речь идет о четырех стихотворениях, включенных в сборник «Пятое время года». Это: «Я рано понял, что такое жалость», «Я, признаться, жить хотел бы долго», «Зачем я стану притворяться», «Пусть день за днем сочувственно судача». Все они относятся к медитативной лирике и, с одной стороны, – глубоко исповедальны, а с другой – очень мужественны. Особое место в этой подборке, на мой взгляд, занимало стихотворение «Зачем я стану притворяться», которое особенно взволновало М. Рыльского. Написано оно не в 1962 году, а в 1956. Его вариант поме-

чен 28–30.10.1956 года. В нем правда той эпохи. Вот этот вариант.

Нет, я не стану притворяться,
Что ясно все в душе моей,
Что не пришлось мне отречься
От оклеветанных друзей.

Пришлось! Сказать всю правду нужно,
Как память нам ни тяжела,
О тех годах, когда и дружба
Под подозрением была.
Не нянчусь я со старой болью,
Она приходит, – рад не рад;
Не посыпал я раны солью,
А раны все-таки горят.

Да, не легко признаться в этом,
Но все ж признаться хватит сил,
Чтоб ты, не веря злым наветам,
Всю жизнь с открытым сердцем жил!
28–30.10.1956

Но это и некоторые другие стихотворения, относящиеся к гражданской лирике, требуют особого, отдельного разговора, и к ним я постараюсь вернуться.

Из записных книжек и тетрадей Е.А. Рыленковой

ГОРЬКИЕ МЫСЛИ

Прочла Бондарева «Игру». Скорбью и болью легко на душу его слово – совесть.

Кресло перевесило – не выдержал.

Да, совесть высшее чувство человека, настоящего человека. Человек-интеллигент стоит на острие, а если он талантлив, если не может быть пресмыкающимся, не может поступиться своей совестью, ведь совестливой зовется русская душа, тогда же, не сегодня, так завтра тебя съедят, подведут под «высокие слова» и придавят подлостью. Я не могу свободно вздохнуть, видя вокруг себя не врагов, нет, просто

людей без чести и совести. И кто же эти преуспевающие люди, почему им стали претить совесть и честь? Почему им колет глаза именно человек с совестью и тем более интеллигент? Как им хочется замарать его, втоптать в грязь, чтобы был похож на них, имел подленькую душонку. И как все ясно видно на судьбе Коли. Кусали его, но сбить с ног не могли, пока ясность цели, чистота души, его незапятнанная совесть не давали стать ему на горло. Сейчас были бы рады вытравить и самую память о нем, до сих пор он им укор – укор нравствен-

ный. И помогает им в этом последняя жена М.В. Исаковского, которая со своим мещанским мировоззрением уничтожила Колины письма к Исаковскому, письма, в которых так много высоких помыслов, человечности, духовной близости. Верю, что время все расставит на свои места и душевное слово будет нужнее трескотни, но пока на поверхности... блюдолизы. Разумеется, так сказать нельзя обо всех пишущих.

Коля 25 лет был (после войны) секретарем Союза писателей. Работа в Союзе отнимала много времени и сил. Сколько раз он отказывался от этого поста, но каждый раз заставляли принять и продолжать работу в нем. А скольким он помог, и какая в Союзе была атмосфера при нем, даже саамы темные и злобные не могли устоять перед его доброжелательством и благородством.

Испытание властью прошел достойно. Никогда не давил, а мог бы, даже своих ярых противников, наоборот, сочувствовал их ущербности, маете их душ, не обращая внимания на их мелкие, завистливые душонки, вернее, прощал. А сколько это стоило нервов, сколько причиняло головных болей – не честь. И в чем только эти серенькие людишки не обвиняли его – а он старался сделать из них порядочных людей и уж хотя бы – обыкновенных...

Я вовсе не хочу сказать, что такой была вся смоленская пишущая братия. Нет, конечно. В основном в тогдашнем Союзе писателей люди были способные, выдержанные, понимали нелепость требований некоторых пишущих, но часто не хотели с ними связываться, спорить. До сего времени те из писателей, что прошли школу Николая Ивановича, добрым словом вспоминают его. Я это постоянно чувствую.

Не берег себя, работал на износ, говорил: поэту беречь себя противопоказано.

Сгорел от этих дум, от желания сказать еще не сказанное, заветное, что томит

душу и просится на свет! Об этом он и сам писал. Не успел. А ведь возраст был – возраст мудрости и мужества, когда, как сказал Коля, уже не влекли к себе ни слава, ни признание, ни ликующая толпа, а только хотелось сказать то, что томило душу, что казалось нужным и главным людям. В чем основной смысл творчества. И все же написал так: «...я сделал все, как мог, ни от чего не отрекаюсь и не зову в свидетели ни друга, ни жену». Никаких скидок себе не делал, – ни на раннее сиротство, ни на трудности получить образование, ни на тяжелую крестьянскую работу, ни на жизнь в чужой семье. А он, несмотря на все трудности, получил образование, сам, без чьей-либо помощи, встал во весь рост, стал человеком высокообразованным. При этом не потеряв лучших свойств человеческой души – справедливости, доброты, сострадания. Всегда готовый прийти на помощь другу и даже недругу. Всегда умеющий держать себя в руках, всегда был в высшей степени благороден. И, видимо, чистота его души так привлекала к нему, что поневоле заставляла уважать его даже недругов. Все эти благородные качества хороши, хороша и выдержка, но что это стоит самому человеку, как изматывают его организм, его душу. Нередко приходил домой после шумных собраний с упреками в свой адрес, в которых сквозила неприкрытая зависть, – мол, мало о них думает, не помогает печататься в столичной прессе. Видит Бог, старался, помогал, но плохо есть плохо. Тянул даже почти безнадежных, если видел у них хоть строку или две с искоркой. Иногда дело доходило до абсурда. «Писатель», издавший первую книгу стихов с помощью Николая Ивановича (который фактически доработал ее до приемлемого уровня) и возомнивший себя корифеем, решил тут же издать и вторую, очень слабую. Николай Иванович прямо сказал об этом автору. Вот и пошла писать губерния. Он, автор, написал на Ни-

коля Ивановича 250 доносов, начиная от обкома, Союза писателей в Москве до парторганизации и, наконец, газеты «Правда». Если после издания первой книжки стихов он говорил, что развесит везде плакаты с дифирамбами в адрес Николая Ивановича, то потом, уже после отказа издать вторую книжку, стал обвинять его во всех возможных грехах. Из «Правды» прислали Семена Нариньяна (тогдашний известный фельетонист) проверить. После проверки в «Правде» появился фельетон С. Нариньяна «Двести пятидесятый донос». Доносчик был разбит по всем им выдвинутым обвинениям.

Помню, Александр Трифонович как-то у нас дома сказал Коле: что ты делаешь, зачем тянешь эту неблагодарную бездарь, ведь они от тебя будут скоро требовать столичного издания их собраний, а не сможешь дать – утопят тебя в дерьме или навесят таких ярлыков, что и жить станет тошно.

Как глоток родниковой воды, как чистый воздух бора, наваяла мне на душу книжечка Колиных стихов, изданных в Чехословакии в 1989 году. Там поняли и приняли его стихи, с их чистыми человеческими помыслами, с думами об общечеловеческих ценностях – любви, дружбе, об окружении, об истории, о нашем прошлом и будущем. Как человечны и созвучны сейчас его стихи, точно написаны только что. А для меня его образ, живущий во мне, и сейчас со мной. Я всегда ищу у него совета и помощи и, может быть, не всегда правильно его понимаю, и это меня мучает. Ведь полнокровная жизнь с Колей, общение с ним, его чистотой, умом так много мне дали, я так бесконечно многим обязана ему, его эрудиции, доброте, любви. Насколько шире стал мой взгляд на историю и литературу. Насколько я ему обязана и в развитии широты взгляда на мир. И одно

у нас общее – это честность и человеколюбие. Ложь во спасение мне всегда была чужда. И Коля, когда его одолевали сомнения, просил меня сказать – как бы я поступила в том или ином случае. Он знал, что лгать во спасение я не стану. И все это не память о Коле, а жизнь с Колей, хотя я и одна, но он со мной всегда. Я рада, что живет Коля не только во мне.

Жизнь Коли – это очень нелегкая жизнь. Раннее сиротство, жизнь в семье дяди Павла с младшим братом Афанасием. Много горечи выпили братья, пока чуть стали на ноги. Будучи старшим братом, понимал, что они являются обузой для тетки – жены дяди Павла, которая и не скрывала своей неприязни к мальчишкам. И отсюда, мне кажется, ранняя задумчивость о жизни, о явлениях природы и в какой от нее зависимости находится человек – дитя земли. Само окружение природы было великим благом для мальчика, она его не обижала, наоборот, делилась с ним своими дарами, и дар этот он принял и всю свою жизнь был верен завещанному ему природой – работать и всегда помнить о матери-земле. И этот долг выполнял до конца, не давая себе роздыха и лени.

Живописность, пожалуй, основа его творчества, и она так тесно переплетается с внутренним миром человека, что они неотделимы друг от друга, вернее сказать, органично сливаются вместе. Отсюда же и пристальный взгляд на все изменения, происходящие в природе, людях, и изменения эти больно ранили его. Ему было горько видеть, как исчезает любовь к земле, к окружающей нас природе, циничное отношение к самой работе, без стыда и совести губить землю, урожай, и все это потому, что их отучили быть хозяевами. Но хотя бы ими управляли знающие умные люди, а то ведь зачастую командовали те, кто не мог отличить овес от гречки. И особенно больно было применение всяческих отравляющих средств для поднятия

урожая. Стихи такие есть у Коли, что такое начальство не смешно, а страшно.

Стихотворение А.Б. Гатова, посвященное Н.И. Рыленкову. Рукописное в книге «Есть милая страна».

Николаю Рыленкову

Нужны ли колдовские наговоры,
Когда иные верные слова
С души тяжелые затворы
Срывают, как разрыв-трава.

А там, в раскрытой глубине душевной,
– Сверканье самородков золотых.
Так служит людям твой напевный
И чудодействующий стих.

Александр Гатов
9 декабря 1960 г., Москва

В 1966 году написано стихотворение, посвященное А. Гатову «Что такое наши исканья».

О Шкловском

Вспоминаю встречи в 1967 году в Пскове с Виктором Борисовичем Шкловским. Веселый, шумный, остроумный. Шуточки о теплых носках, здесь же, в гостинице, купленных женой, как расплата за молодость – его больные ноги. Его иронические высказывания о идущих вверх, шагая по головам. Все это с позиции правды (объективной) о пресмыкающихся. Коля потом рассказывал мне о его, вероятно, вынужденном, но все же падении, его писания об искусстве как слуге не народа, а его верховных управителей. А ведь умница, и талантом Бог не обидел. Блестящий полемист. Я не знаю, почему его тянуло к Коле, но он, как только увидит Колю, – спешит к нему поговорить и не только о теплых носках, а, конечно же, о литературе. Ему, видимо, интересно было знать мнение Коляно о тех или иных произведениях, о лите-

ратурных процессах настоящего времени. Коле было интересно с ним вести разговоры о литературе – ведь он чувствовал его понимание этих процессов и, хоть и не всегда прямо, говорил о них – справедливо и интересно. Его блестящий ум мог выразить все и в форме иносказательной, но для данного собеседника понятной, интуитивно чувствовал, с кем говорит. Он чувствовал, как был мужествен и упорен Коля. Это проглядывало в разговоре о земляках: кто как шел – прямо или куда прикажут. О себе говорил, и опять возвращаясь к теплым носкам: я много бегал и в ту и в другую сторону – вот и наказание – больные ноги.

И Коля говорил мне, что много он сделал плохого для литературы: бросали его ноги под ноги уничтожителям культуры, что напутал он много – виноваты резвые ноги.

Декада русского искусства

Декада русского искусства в Латвии 1967 г.

Из Москвы в Латвию на декаду русского искусства отправилось около пятисот человек, представители всех видов творческих работников. После вокзальной суеты и шума в купе вагона было тихо и спокойно. Билеты мы получили в купейный вагон. Нашим спутником по купе, если мне не изменяет память, был Яков Смоленский. Коля был рад такому товарищу, и они вели долгие и интересные для обоих разговоры об искусстве, читали стихи. В этой поездке Коля был руководителем делегации писателей, что всегда налагало дополнительный груз на его душу. Заместителем его был Алим Кешоков («лукавый царедворец», как его называли некоторые писатели) – человек энергичный, пробойный и стремящийся всегда быть на виду. Коля долго не соглашался на руководство делегацией, и только когда ему пообещали по-

мощника – заместителя, – согласился. До этого Коля в Латвии был один раз, и рижане просили его приехать к ним на декаду. Его привлекало в этой поездке не руководство, а желание посмотреть край Яниса Райниса, послушать, поговорить, встретиться с друзьями. Мне нет нужды говорить о том, как Коля не любил выставлять себя, плести закулисные интриги. И все же в дороге произошло следующее. На границе республики участников декады встречали музыкой, венками, цветами. Руководители делегаций от имени своих товарищей по искусству отвечали на приветствия встречающих и были буквально засыпаны цветами, а Алим Кешоков вернулся в свой мягкий вагон с венком на шее. Я видела, как его розовое круглое лицо сияло от удовольствия. Оказывается, все руководители делегаций ехали в мягком вагоне, кроме Коли. Алим Кешоков взял себе билет руководителя делегации и как таковой выходил принимать приветствия от встречающих, даже не предупредив об этом Николая Ивановича. Коля счел это бестактностью, и этим дело кончилось, хотя некоторые «друзья» и подъелдыкивали: а тебе досталась ли хоть веточка от венка русской литературы? Но это подзуживание на Колю особого действия не оказывало.

В тот же день Колю познакомили с Виктором Астафьевым. Разговор у них был не очень долгий, и у меня в памяти он не оставил следа. А когда Астафьев ушел, Коля некоторое время сидел, задумавшись, глядя и не видя ничего вокруг, и вдруг сказал – хороший прозаик. У него все настоящее, достоверное и язык родниковый. Ему веришь.

– А все же, зачем он играет Ваньку? Может быть, это происходит от внутренней застенчивости? Как ты думаешь?

– Вероятно, ты права. Он очень застенчив и старается преодолеть это. Хотя со мной ему можно было быть проще. Но это не главное – главное, что много может сделать, если не закружится голова. И все же я ему верю. Чувствуется, что на

его плечи много легло, и это не даст ему сфальшивить.

Уже после ухода Коли я прочла «Последний поклон» В. Астафьева. Как Коля оказался прав! Мне очень хотелось написать Виктору Петровичу, сказать ему большое спасибо за книгу, но, подумав, решила: зачем отнимать у него время на ответ, а что он ответил бы, у меня была полная уверенность. Пусть пишет лучше хорошие книги. Теперь всегда читаю все, изданное В. Астафьевым. И я до сих пор вижу Виктора Петровича, сидящего в углу нашего купе, и задумавшегося Колю. Господи, сколько радости доставляли ему вот такие самородки. Доброго и долгого пути Вам, Виктор Петрович.

В Риге мы встречались редко. Писательская бригада была разделена на маленькие группы, которые выступали на предприятиях, в колхозах. Были там и неувязки. И особенно с питанием. Летом в Риге много иностранных туристов, и это создало трудности, вернее, плохо подготовилось руководство писателей Латвии к приему и устройству приехавших писателей. И тут уже претензии к Коле как к руководителю. Это не венки принимать. Коля же чувствовал себя особенно неловко – его поселили с другими руководителями на отдельной даче со всеми привилегиями, а писатели жили в гостинице и не могли пробиться обедать в ресторан. Руководство декадой отказало Коле в его просьбе жить вместе с литературной делегацией. И, как съязвил В. Боковб «я вынужден был пойти на рынок, чтобы купить что-нибудь поесть, а ты сыт и о нас не думаешь».

Все это, конечно, утряслось, но Коле пришлось и нервничать и возмущаться. И, как часто бывает, в бочку меда всунули ложку дегтя.

Мы в Риге жили рядом с парком и каждый день рано утром отправлялись туда, а часов в 8 возвращались обратно. В это время Н. Новиков выходил в садик у дома. Он все говорил Коле, что он ранняя птица.

Там Коле очень хотелось переводить Яниса Райниса. Он сделал несколько переводов, но они его самого не удовлетворяли.

Дом наш постоянно был полон приезжими – родственниками, знакомыми, односельчанами и даже просто малознакомыми людьми. Гостеприимство – черта смоленская и в Николае Ивановиче была развита чрезвычайно. И почти всем требовалась помощь Николая Ивановича – то к профессору, то выяснения с пенсией, то налоги и по всяким другим вопросам – в общем, обращались со всякой всячиной. У нас не очень часто бывал старинный знакомый и дальний родич Василий Васильевич Бацев. Любопытнейшая фигура. Внешне импозантный – стройный, несмотря на преклонный возраст, тонкое лицо, густые седые волосы и усы, но черные широкие брови, живые пытливые глаза. Все свободное время в его приезды Коля с великим наслаждением разговаривал с Василием Васильевичем. Начинался обычно разговор с деревенских гостинцев – лесные орехи, мед, масло и хлеб крутой замески домашней выпечки. Переходили на дела колхозные, особенно сколько молока получают от коровы, какие луга, заготовка корма на зиму. А толк в животноводстве Василий Васильевич понимал – был ветврачом. Рассказав о деревенских новостях, переходил на темы городские – подробно расспрашивал у Коли о его работе как депутата облсовета, что он на этом поприще делает полезного, а как знатока сельской жизни для крестьян, – скоро ли будут настоящие хозяева земли, которые бы любили, берегли свою кормилицу. Мужик, он знает, отчего и что наша земля родит, а ему же говорят часто люди, ничего не понимающие, но приказывающие. Вот и зарастает поле хмызником, а поля осой. Василию Васильевичу Коля просто говорил: сами хозяева земли, вот и работай-

те, как положено работать на земле. На что Василий Васильевич отвечал: переезжай назад в деревню, будем вместе работать, мы тебе и время будем отпускать на твое писание, а ты только будешь стоять за нас перед указчиками. Ручаюсь – и хлеб будет, и молоко, и мясо. А разговоры с братенником Андреем выводили Колю буквально из себя: – Вы что – пошехонцы? «вот приедет барин, барин все рассудит», а сами, мужики от земли, так и ждете, кто рассудит. Коле было и жаль Андрея, хорошего тракториста, но уже отвыкшего самостоятельно думать, ждавшего, когда прикажут. Коля помогал Андрею материально, но как заставить его быть хозяином земли?

Из кладовой детства и юности

Как-то в один из жарких летних дней мы с сестрой Клавой и нашими подружками отправились купаться в тети Аютин вир. Меня этот вир особенно привлекал из-за чистоты воды, в которой даже не водились черные пиявки, вселявшие в меня панический ужас. Видимо, этим тварям не нравилась холодная вода от криничного ключа, тенистость, заслонявшая воду от солнца. В нашей деревне много криничных ключей и у всех ледяная, но очень вкусная вода. Особенно когда пьешь ее прямо из криницы – зубы ломит.

Мы уже выбирались из воды, стуча зубами от холода, и, натянув рубашонки, приплясывали на одной ножке, приговаривая: калек, калек, согрей человека, а если не согреешь – сам околеешь. И тут в наш девчоночий вир из-за кустов прыгнул Ваня Козырь. Мы все дружно завизжали, так как были еще не совсем одеты, а одна из моих подружек и вовсе в чем мать родила – нагая. В ответ на наши крики Ваня стал оправдываться, говоря, что он просто хотел посмотреть, нет ли в норах под берегом раков. И стал рукой шарить, но вместо раков оттуда выплыла крыса и бросилась к Ване. Он быстро повернулся и поплыл от

зубастой хищницы. Но не тут-то было, она успела укусить его за ногу. К счастью, берег был близок, и Ваня мигом оказался на берегу, избежав следующих укусов. Наш мужичок заплакал от боли и от вида крови. Утешать мы его не стали, но ногу перевязали платком, приговаривая: сам себя наказал, зачем лез в наш вир? Крысы таких нахалов не любят, вот и получил сдачи за нас от крысы.

Ваня, размазав слезы, сердито сказал:

– Надо мне ваш вир, замерзайте со своей крысой.

С той поры Ваня даже близко не подходил не только к холодному виру, но и к солнечным местам, где купались девчонки. Урок пошел впрок.

Вообще-то мы Ваню жалели – он со своими братьями и сестрами были круглыми сиротами. Их отец Осип Андреевич и мать Романовна умерли в течение трех дней. Мать – от «испанки», а Осип Андреевич – от воспаления легких. Хоронили их вместе. Осталось шесть детей. Старшей сестре Тане шестнадцать лет, младшей Анюте – два года. Брат Василий – 14 лет, Роман – 12 лет, Ваня – 10 лет, Андрей – 8 лет. При родителях росли послушно-вольными, т.к. Романовна управлялась с ними одна, а отец – легкомысленный мужчина – больше забавлялся игрой на скрипке, чем хозяйствовал. Играл на свадьбах, вечеринках. От его игры мало что перепало семье, сам же он любил веселиться, заодно и выпить не дурак. Вот после игры на свадьбе, где изрядно подвыпил, проспав на сырой весенней земле, скончался.

Дети осиротели, но не пропали. Стали пасти деревенское стадо, работать на пашне и в огороде. Ни один из братьев не стал ни хулиганом, ни бездельником. Все трудились и через 2 года стали жить лучше, чем при родителях. Таня управлялась с домашним хозяйством, младшей сестрой и братом Андреем, который был глупым. Он в 9 лет приходил к моей маме – она его крестная мать – с

требованием женить его. Говорил: «Мамка-кресна, хочу жениться». Обычно мама его уговаривала подождать – вот, мол, тебе нужна хорошая невеста, а не какая-нибудь. Найду хорошую, тогда женишься. Иногда он спорил с мамой, но в конце концов соглашался подождать.

Сельчане хорошо относились к осиротевшим детям. Не корили за мелкие проступки, свойственные детям, а по-отечески опекали их. Дети не заводили драк ни с другими сверстниками, ни между собой. Таню слушались, и она пеклась о них как мать. Самый веселый и голосистый из братьев Роман пел во время работы и особенно вечерами, отправляясь в ночное. А если заметит девушку с парнем, тут уж самые озорные частушки про любовь будут спеты с особым смаком. И когда я пеняла ему: Роман, зачем ты так поешь, смущаешь девочек? – Обычно отвечал: разве ты была там, я тебя, ей-богу, не видел. Мне просто хотелось петь. А пел он в таком случае из желания позабавиться над девочками, их смущением. Но Роман никогда не пел похабных частушек или песен.

До сего времени вспоминаю осиротевших детей и доброе отношение к ним сельчан. Все дети выросли хорошими людьми, привычными к труду, и достойно вступили во взрослую жизнь. Они еще до войны переехали жить в Ленинград к своим теткам. Наш знакомый Ваня стал инженером. Он погиб на войне. Из всей семьи остались живы Василий и Танина дочь, а остальные погибли в Ленинграде во время блокады.

Как хотелось бы видеть такое отношение к людям, попавшим в беду, – будь то дети или взрослые. Увы, я этого в настоящей жизни не вижу. Я этим не хочу сказать, что добрых, порядочных людей нет теперь. Но они так изолированы, замкнуты, что даже соседей по дому не знают, не знают их горестей, бед. Исчезли человеческая общность, душевное единение, поддержка словом и делом.

Валентин ОСИПОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МИХАИЛЕ ИСАКОВСКОМ

Первая запись в дневнике. Мы были знакомы с 1962 года. В тот год я стал главным редактором издательства «Молодая гвардия». Почему потянуло именно к нему с неким особым чувством? То явно сказались мои в войну детство и отрочество – деревенские(!). А это обстоятельство, ясное дело, очень внятно было предрасположено к творчеству русского классика Михаила Исаковского. Одно вспомнить – как ладно жилось у нас его песням (книжки-то в нашей сибирской глухомани в войну не продавались) в душах моих сельских соотечественников в те страшные времена сплошных горя и тягот.

Увы, став издателем, я был и небрежно, и неосторожно наивен: встречи с великим творцом были, а не записывал, надеялся на память, а она-то, как теперь, в старости остается твердо помнить, как ещё ненадежна.

1971 год. Запись в дневнике: «Получил письмо от М.В. Исаковского». Хорошо, что сохранил его. Оно – роскошно изукрашенное сочными мазками забот, – приоткрывает для читателей закулисье сотрудничества писателя и издателя, поэты-небожители, оказывается, тоже жили на суетно-грешной земле:

«/.../ Извините меня, что я – по Вашу душу. Я не хотел этого делать, но так получилось. А дело вот какое.

Рукопись моей книги «На ельнинской земле» готова. (Если, конечно, можно назвать рукописью нечто, состоящее из журнальных наклеек и отчасти из машинописного текста.)

Казалось бы, раз рукопись готова, ее надо передать в издательство, а там уж и пойдет все, что надо дальше. Однако есть

некоторые «но», преодолеть которые без помощи издательства просто не в состоянии. Впрочем, объясню все по пунктам.

1. В рукописи очень много поправок. И особенно их много в наклейках тех глав, которые печатались журналом «Дружба народов». По какой-то странной случайности там «редактировал» мое произведение человек, который несомненно плохо знает деревню. А в дополнении к этому он, этот человек, по-моему, глуховат и на русский язык. Поэтому почти все поправки, которые были внесены редактором, делают соответствующие места либо (в лучшем случае) странными, либо в той или иной мере нелепыми, либо неграмотными. Я не могу удержаться, чтобы не привести некоторых примеров.

Во многих местах у меня фигурирует деревня Оселье. А в главе «За хлебом» рассказывается, как некий Андрей Горюнов привез из Курска для своих однодеревенцев – жителей деревни Оселье вагон хлеба. И дальше есть фраза, что осельские мужики везли хлеб со станции.

Мой редактор решил, что в слове осельские я по ошибке поставил лишнюю букву О. «Лишняя» буква была вычеркнута, и в журнале появилась явная нелепость, а именно, что хлеб везли сельские мужики. Как будто есть еще и городские мужики.

У меня написано, что подул ветер, началась метель и на дороге кое-где уже появились наметы. (Наметы – это множественное число от слова наметь.) И вот вместо моих наметей появляется наметы! А это ведь совсем уже другое дело.

Я пишу, что конвоир пригнал нас к станционному управлению, которое находилось на самом краю станции. По-видимому,

желая устранить тавтологию, редактор переделал фразу, и в журнале она звучит так: конвоир пригнал нас к станичному управлению, которое находилось на самом краю СЕЛА. Это равносильно тому, как если бы я написал, что городская управа находилась в центре деревни.

Есть «поправки» и похлеще. Главное, их очень много. Я потратил две недели, чтобы в печатном тексте восстановить тот мой первоначальный текст.

2. Я подобрал для книги кое-какие иллюстрации (фотографии), но фотографий тех лет у меня мало. А те, что есть, – не высокого качества. Между прочим, обойтись без иллюстраций нельзя. Значит, нужно, чтобы кто-то посмотрел отобранные мною и чтобы можно было решить, какие фотографии включить в книгу, а какие нет. Всего я отобрал около 6-ти фотографий.

3. Еще в ту пору, когда я находился в больнице, где (очень помалу) дописывал «На ельнинской земле», мне показалось, что надо бы написать к этой книге предисловие. И там же, в больнице, набросал его. А теперь привел в порядок и включил в книгу. Но теперь появились у меня и своего рода сомнения: а зачем предисловие? Стоит ли давать его?

По этому поводу мне также хотелось бы посоветоваться. С одной стороны, как бы и не надо: ничего особо существенного в нем нет. А с другой стороны, оно чем-то дорого мне. Ну, вероятно, хотя бы тем, что я вспоминаю в предисловии об А.Т. Твардовском.

Словом, хочется, чтобы на это дело кто-то посмотрел со стороны и потом сказал бы свое мнение.

4. Есть у меня и еще кое-какие вопросы, но я уж решил на этом пока закончить: и без того заглумил Вам голову. Как говорят, на сегодня хватит.

Всего Вам самого доброго! Ваш М. Исаковский».

Запись в дневнике 1973 года. За несколько дней до кончины он, совсем уж

слабый, пригласил меня и заведующую редакцией Зою Николаевну Яхонтову, чтобы вручить самые последние вставки-вписки в упомянутую выше свою книгу «На ельнинской земле». Каков же пример заботы о будущих читателях!

Он в постели – мы рядом. Вот как шло последнее в жизни поэта свидание с издателями. Закончен разговор о книге и вдруг – то, чего мы никак не могли ожидать от прославленного уж сколько десятилетий поэта:

– Забыт я... Никому не нужен... Вот только жена...

– Что вы?! Как же так?! – Зоя Яхонтова даже всплеснула руками. А я ринулся подкреплять ее непосредственно вырвавшиеся восклицания мужскими аргументами: «"Катюша" поется – всенародно... А вы – "никому не нужен"..."»

– Так это песня. А я ведь человек... Поди, никто и не знает – жив я иль давно помер...

Мы постарались вывести этот горестный для Великого Поэта как бы внеземной разговор с темой «творец – общество» на другую орбиту. Будто удалось, но снова ворвалось для него горестное, впрочем, на этот раз из разряда заземленных неурядиц. Выслушиваем:

– Я почти ничего не вижу... То, что пишу ручкой или карандашом – при чтении не различаю. Кто бы мне раздобыл эти самые, как они там называются, – фло-мастеры-ы. Говорят, пишут жирно... В наших магазинах нет таких. Я было позвонил в иностранную комиссию Союза писателей. Наобещали, а прошло уж сколько-о...

Я ринулся в ЦК комсомола («хозяин» нашего издательства) и набор этих самых тогда диковинных ручек был доставлен Исаковскому тотчас же. Да, увы, уже не пригодились.

Записи 2016 года. Позвонила жена сына, – была я биолог с научным именем, а ныне, по законам дикого капитализма, отлученная от науки – надо се-

мью содержать, деятельница туризма, и сказала:

– Я познакомилась с дочерью Михаила Исаковского... Так она хотела бы встретиться с вами.

... Приглашен не только я, но и мои жена и невестка. Какое событие и для них тоже побыть в квартире классика.

Знакомый дом на Малой Бронной – тихий уголок столицы в бурном ее центре. Я не был здесь целую вечность – 43 года.

Татьяна Дмитриевна, падчерица поэта. Как же молода своим темпераментом и хлопотами, чтобы чай да торт помогли знакомству. Несколько часов разговоры, разговоры. Быстро уловил ее благоговейное отношение к отчиму, впрочем, это слово и не звучало – только уважительно имя и отчество.

Меня сопроводили в ту самую комнату, где скончался Творец. Провожу ладонью по изголовью кровати.

Притормозил у полок с книгами, но хозяйка выносит некий чемодан и присказывает: «Вот где сокровища». Истинно так! Здесь хранятся особо ценные издания Исаковского. Гляжу, самые первые книжечки от ещё не восстановленного после гражданской войны издательского дела. Незамысловатые обложки, простецкая бумага и невелики числом страниц. Листаю одну из них 1921 года, вышла в областном Смоленском издательстве: «По ступеням времени». Так даже областной тираж 10.000! Для нынешних времен сие для всей России – фантастика. Вдруг я выискал и одну молодогвардейскую его книгу 1968 года из серии «Библиотечка избранной лирики»: любим Исаковский молодежью – тираж 250.000. И цена вполне для молодежи – 13 копеек. Да, да, 250 тысяч экземпляров по цене двух с небольшим пятакков. Вернувшись домой, я разыскал свой экземпляр этой книжечки – здесь лестный для меня автограф.

Потом Татьяна Дмитриевна осчастливила нас еще одним прикосновением к превеликим ценностям. Ежедневники с повседневными записями Исаковского. То нечто оценочное – «за жизнь» о жизни страны. То рифмы. То напоминания-самозадания будничного характера. Как же интересен этот разнообразнейший повседневный образ запросов поэта и человека, обреченного в конце жизни не «выходить в свет»: прикован к постели. Прошу хозяйку ксерокопировать хотя бы кое-что характерное. Отказала. Переубеждать для первого раза не стал.

Зато любезно обеспечила подборкой писем читателей-почитателей Поэта. Особо времени – военного. В них окопные отклики на поэзию – от солдат до генерала. Выходит, когда война грохочет, и музы не молчали, и их фронтовые поклонники не стеснялись объясняться им в любви. Но ведь пишут, а не ведают, не знают, что их ждёт через мгновение, через минуту – по-за окопами и над блиндажами лихо-то. Кое-что переписал отрывками из нескольких писем.

«Просим передать это письмо любимому поэту фронтовиков – Михаилу Исаковскому... «Недавно мы прочитали в «Правде» о том, что издательство выпустило в свет новый сборник Ваших стихотворений. Эту книгу достать на фронте невозможно. Убедительно просим прислать нам Вашу книгу. Шлем Вам горячий боевой привет».

«От души и чистого сердца я бывший учитель, а теперь воин нашей Родины, с гордостью осознающий, что я – русский, шлю Вам свои горячие пожелания сил и бодрости душевной в Вашей благородной работе».

«Ваши стихи очень хорошие. Когда читаешь их, то кажется, что Вы сами солдатом прошли длинные фронтовые дороги».

«Мне до того понравилась эта Ваша песня, что я вырезала из газеты и послала сыну на фронт, в Белоруссию».

«Благодаря Вашему таланту Ваши песни понятны всем народам. И у нас, на Украине, в моём селе Покровское «Катюша», «И кто его знает...» стали самыми настоящими народными песнями. Пишите больше. Ваши песни приносят радость».

Поэт, чьи стихи стали всенародными не по пиар-прихоти ТВ, как нынче, а по настроенности на сопереживание сограждан; впрочем, я занизил планку, известно, что «Катюша» воодушевленно распевалась партизанами-антифашистами Италии и Франции.

Но чего ради я приглашен к знакомству? Наследница М.В.Исаковского решила посоветоваться – в какой архив передать истинно сокровища: его архив.

Размышления после посещения квартиры Поэта. Не уходит он из моей памяти

даже сугубо личностными выражениями характера. Застенчив, как все очень близорукие люди, но неуступчивый в спорах о том, что ему казалось дорогим. С тихим голосом, но при требовательных интонациях, если речь шла, к примеру, об издательской подготовке его книг. До предела скромный, но и болезненно переживал, что-де его уже не знают; это я напоминаю о том, что за протоколировал выше при свидании с ним незадолго до кончины. Его чтит миллионы, а он к концу жизни ограничил себя общением только с другом-земляком Александром Твардовским и терпеливо-заботливой и милой при этом супругой Антониной Ивановой. Еще штрих душевной настроенности: Татьяна Дмитриевна дает прочитать завещание Исаковского, и я углядел первой фамилию именно падчерицы.

Александр МЕЛЬНИК

ПЕСНЯ ЛЮБВИ И ПОДВИГА

(Из цикла «Отчизны пламенный певец»)

Цикл очерков, посвящённых Михаилу Васильевичу Исаковскому, был опубликован в разные годы на страницах периодической печати. Накануне 115-й годовщины со дня рождения поэта автор издал их отдельной книгой, чтобы интересные факты и свидетельства бесследно не канули в Лету. Но тираж книги, увы, даже по нашим временам мизерный. Предлагаемая публикация содержит эссе, связанные с песней «Катюша».

ЗАПОВЕДНЫЙ УГОЛОК

Багряное солнце спускалось в багрянец осенних лесов. Затянувшееся бабье лето ласкало, баюкало красно солнышко. Будто не могло надыхаться, нарадоваться на него. Перед сумрачным ненастьем поздней осени и холодами зимы.

*Гаснет день. За косогором
Разливается закат.
Звонкий месяц выйдет скоро
Погулять по крышам хат.*

Девушка гнала корову по дороге вдоль берега Угры. И была она несказанно красива в лучах заходящего солнца. Ну, впрямь красавица из сказки.

А сказка была рядом. Стояла у дороги избушка. Не жильё, а символ, поэтический образ хаты, воспетой в стихах. Неподалеку – тесовая кровелька над бревенчатым рубленным углом. Тоже символ. Широки и прекрасны просторы страны, а родимый уголок мил и дорог.

*Когда же, в ночь, над городом луна
Гудит широким полевым набатом,
Меня зовет родная сторона,
Опять зовет к дымящимся закатам.*

Девушка прошествовала мимо. А следом, тоже с коровой, появился немолодой мужчина. Он к незнакомцам проявил ин-

терес. Подошел, поздоровался, не то спросил, не то сказал:

– На Катюшин берег, стало быть...

– Да, любопытно посмотреть.

– Я лесник Лосев, сорок лет здесь отработал. Сейчас на пенсии. Про памятник могу рассказать. Позвал меня Михайлюков Николай Павлович, директор лесхоза. Он потом в Гагарин уехал. И говорит: «Федор Яковлевич...» Это я – Федор Яковлевич. «Федор Яковлевич, – говорит, – надо камушек привезти». А камушек лежал в земле, как будто маленький. В Дракине там. Поехали, тросом зацепили и на плиту лесовоза едва затащили. Валун на самом деле немаленький оказался. На нем надпись хотели вырубить. Но камень не поддавался. Тогда табличку на нем прикрепили со словами из песни «Катюша». Сейчас нет таблички. Вроде бы в музее она. Сняли от греха подальше, чтоб на металлолом не украли.

Бывший лесник осуждающе покачал головой. Вот ведь времена какие наступили.

– А вот здесь, – указал он рукой, – студенты разрубили просечку. Они разделили эту площадку...

– Инициатором создания памятника песне «Катюша» был и ныне покойный директор совхоза «Прогресс» Валерий Николаевич Невзоров. Не так ли? – уточнил я.

– Не знаю. Меня позвал Михайлюков.

– Верно. Вдвоем они затевали памятник, Невзоров с Михайлюковым, – под-

твердил глава администрации Угранского района Вячеслав Михайлович Кудрявцев.

Мы ступили на выложенную бетонной плиткой площадку. На ней лежат отесанные бревна, которые служат скамейками. С площадки хорошо виден высокий крутой берег Угры. Внизу спокойно и величаво она катила свои воды. А по низкому противоположному берегу начинал стелиться туман.

Лесник рассказал забавную историю о том, как катал на лодке Катюшу, а «телевизионщики снимали на камеру». Сын, живущий где-то вдалеке от дома, увидел телепередачу и письмо прислал. Рад был, что свиделся с отцом хоть по телевизору.

У лесника историй в запасе, наверно, было много. Но нас ожидали во Выходском музее. Мы попрощались и поехали.

Всходы – село большое. И песенное. Михаил Васильевич Исаковский, вспоминая о своих предвоенных поездках в родные края вместе с Александром Трифоновичем Твардовским, свидетельствует: «Во Выходах мы присутствовали на празднике художественной самодеятельности. Это был действительно праздник, на который со всего района съехалось около пяти тысяч колхозниц и колхозников, наряженных во все лучшее, что только у них было».

*И всюду – на улице, в хате –
На песни повышенный спрос...*

Пять тысяч одних только участников художественной самодеятельности! Да это половина нынешнего Угранского района, если собрать и стар и млад.

Вот почему в хоре имени Пятницкого было немало земляков Михаила Васильевича. Было из кого выбирать талантливых и голосистых. И даже в близкой родне поэта была участница знаменитого хора, жена его младшего брата, овдовевшая в годы войны.

Старожил Готовки Александр Васильевич Анисимов рассказывал о послевоенных посещениях Исаковским родной деревни:

– Бывало, к братовой жене он заезжает. Ее звали Анна Ивановна. Она была участницей хора имени Пятницкого, Анна Ивановна – Феди Исаковского жена. Михаил Васильевич ее Аннушкой называл. «Ну, давай, Аннушка, любимую». И она пела. А песня любимая была «Ой, туманы мои, растуманы...». Окошки открыты, и песня далеко слышна. Голос хороший был. Он засмеется тогда. Она пела, а он радовался. Такое общение у них было.

Туманы. Там, где река, там и туманы.

*В низинах клубятся туманы,
Туманы встают над рекой.*

Через все литературное творчество Михаила Васильевича Исаковского течет река его детства, его юности и зрелости, опозитизированная река жизни, истоки которой находятся в его родных краях. Его мать, Дарья Григорьевна, «искала долю для детей родных» не где-нибудь, а за рекой Угрю. Неразрывна связь поэта с деревенским людом.

*Послушать замыслы мои
Ко мне идут мужик и баба...
Поют над речкой соловьи –
Поэты
Сельского масштаба.*

И в самой проникновенной лирике присутствует река.

*Шли они – рука в руке,
Шли они до дому,
А пришли они к реке,
К берегу крутому.*

Разумеется, вполне закономерно появление Катюши на высоком берегу крутом в полюбившейся народом песне на слова М.В. Исаковского. Столь же естественным представляется сооружение незамысловатого памятника песне «Катюша» на реке Угре по инициативе его земляков. Благодарный этот порыв рожден в глубине на-

родной и не потребовал ни больших денег, ни громких торжеств. Это потом памятник получил известность. И, дай Бог, ему простоять века.

А в музее, расположенном в Доме культуры, что построен во Вздохах на средства поэта, нас встречала хрупкая седовласая Анна Сергеевна Якушкина.

Переступив порог, попадаешь в обстановку деревенской хаты. Бревенчатые стены с фотографиями на них. Деревянный некрашенный пол. Домотканые половики в каждой комнатке. В одной из них – экспозиция, посвященная песне «Катюша».

– «Катюшу», знаете, когда он написал? – вопрошает Анна Сергеевна.

– В тридцать восьмом году.

– Тридцать восьмой год я очень хорошо помню. Я тогда работала учительницей в Бабынове. Время было очень тревожное. Мы как будто ожидали войну. Да война уже шла. Горело небо над Испанией. Красная Армия сражалась с японскими самураями у озера Хасан. Да и на западной границе было неспокойно. Поэтому тема Родины, тема защиты ее от посягательств врага, тема охраны границ, как впоследствии писал Михаил Васильевич, была темой самой важной, и он, по его словам, не мог пройти мимо нее даже в лирической песне...

Анна Сергеевна много лет была директором средней школы во Вздохах. Возраст у нее давно уже преклонный. Но память изумительная. О жизни и творчестве Исаковского может говорить часами с упоением.

– ...И вот появилась эта песня. До войны мы ее пели с надеждой, что наши бойцы-пограничники, доблестная Красная Армия дадут достойный отпор врагу. А когда началась Великая Отечественная война, с этой песней провожали защитников на фронт. Песня согревала, вдохновляла на подвиги. У нас очень много писем, больше тысячи, от ветеранов. И они пишут о том, что «Катюша» вселяла уверенность в Победе.

Песня звала людей на подвиг. Лирический образ девушки, призывавшей бе-

речь Родину, вел в атаку бойцов и командиров, на боевые задания – партизан и подпольщиков.

Не случайно, когда в 1941 году, в период Смоленского сражения, появился грозный реактивный миномет, вызывавший панический ужас у фашистов, то бойцы дали ему любимое имя – «катюша». У М. В. Исаковского есть песня и про эту «катюшу»:

*И на море, и на суше –
По дорогам фронтовым –
Ходит русская «катюша»,
Ходит шагом боевым.*

И звучит в словах «Песни про “катюшу”» побеждающая ирония по отношению к врагу:

*Говорят, и после смерти
Слышат немцы грозный шквал
И что даже на том свете
Лезут прятаться в подвал.*

Катюша служила символом любви и надежды. Это Ярославна времени защиты Отечества от фашистских захватчиков. Ее поэтический образ, как и образ героини памятника древнерусской литературы, придавал воинам силу в лихую годину испытаний.

...Мы остановились у необычного экспоната. За стеклом – свидетельство о том, что песня «Катюша» награждена медалью «50 лет победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Анна Сергеевна рассказала, что в год 50-летия Победы во Вздохи пришло письмо от ветеранов войны из Кировской области. Они сообщали, что решили написать властям обращение, чтобы «Катюшу» наградили упомянутой медалью.

– Наши ветераны из поселка Вздохи поддержали, из Рославля – поддержали, из Смоленска – поддержали, и москвичи тоже поддержали. Это единственная песня, которая награждена медалью за Победу. Правда хорошо, да?

– Правда хорошо.

– И это справедливо. Ведь «Катюша» больше, чем песня, – утверждает Анна Сергеевна. – Это часть народной судьбы. Она была своеобразным музыкальным позывным нескольких поколений советских людей.

И еще на один экспонат обратила мое внимание Анна Сергеевна:

– Официальным сувениром Международного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Москве, была утверждена Катюша – румяная девочка в пятицветном фестивальном кокошнике. Это ли не свидетельство немеркнувшей любви к лирическому образу девушки из песни? «Катюша» жива и будет жить в сознании народа.

– А как родилась идея создания музея песни?

– Инициатором явился, знаете, кто? В то время старший преподаватель пединститута Геннадий Самуйлович Меркин. Приехал со студентами филологического отряда «Катюша». Студенты обратились через газету «Советская Россия» к населению нашей страны с просьбой написать об этой песне, выразить свое отношение к ней. И пошли письма, письма. На основе их начинался музей.

И опять же, как и в случае с памятником, не по указке сверху, а по инициативе молодежи, то есть по почину, рожденному в народе, создавался музей песни.

После вечерней экскурсии по музею мы вышли на крыльцо уже в темноте. Светил месяц на небе. И пришло на ум:

*Чудный месяц плывет над рекою,
Все в объятьях ночной тишины...*

Это же песня, поразившая в детстве Исаковского и тем, что пела ее всегда молчаливая мать, и тем, что не похожа была на деревенские песни.

«Чудный месяц» – этот светлый образ неизменно присутствовал в поэзии Исаковского всю его творческую жизнь, как и ли-

рические образы реки, туманов, цветущих садов...

*А кругом сады белеют,
А в садах бушует май,
И такой на небе месяц –
Хоть иголки подбирай.*

Возвращались в Угру. Фары выхватывали у обочин дороги багряные и желтые всполохи осенней листвы. Память высвечивала заветные строки:

*Нет, я не огорчаюсь,
Напрасно не скорблю,
Я лишь хожу прощаюсь
Со всем, что так люблю!*

А все же хорошо, что есть на свете заповедный уголок, где хранят память о большом самобытном поэте земли Русской.

...Прошли годы. Нет уже в живых Анны Сергеевны Якушкиной. При посещении музея во Всодах встречается радушная хозяйка и экскурсовод Людмила Прохоренкова, которая сохранила атмосферу незримого присутствия гениального земляка, автора любимой народной песни.

СЛОВО ВО ИМЯ...

...МАТЕРИ

Однажды в моем редакционном кабинете раздался телефонный звонок, и мужской голос сообщил, что со мной желает поговорить Виктор Нилович Исаковский. Я сразу предположил, что это племянник Михаила Васильевича Исаковского. Мы договорились о встрече в редакции. И первая фраза, которую произнес мой гость, была такая:

– Я не совсем чужой для Исаковского человек.

– Племянник...

– Нет, от этого я хотел вас как раз и предостеречь.

И Виктор Нилович поведал свою историю:

– В трехлетнем возрасте я был усыновлен родным братом Михаила Васильевича – Нилом Васильевичем Исаковским, за которым была замужем родная сестра моей матери – Александра Ивановна Исаковская, девичья фамилия Строганова. А вторая родная сестра моей матери, Анна Ивановна Исаковская, была за Федором Васильевичем Исаковским. Они были женаты на сестрах, два брата – на двух сестрах. Моя же мать, Мария, осталась с пятью детьми. И еще мать ее, старушка, с нею была. Тогда-то Исаковские и решили помочь, взяли самого младшего, меня, к себе и усыновили.

Рос я у них до сорок первого года. В сорок первом Нила Васильевича забрали в армию.

А осенью был у нас страшный бой. Пятого октября в ночь. Во время которого сгорела почти вся деревня. И погибла моя мать. Я тогда не знал, что она мне неродная. Правильно у вас написано в одной из публикаций: раздался выстрел, и пуля угодила в нее.

Нас было там, в окопе, четырнадцать человек. Она сказала: "Бабы, меня ранило. Витя, сынок, меня ранило". Пуля повредила ей вены на ногах. Она просто изошла кровью. Если б был какой-то специалист, который бы смог остановить кровотечение, она была бы жива. Я так полагаю. Мне было тогда одиннадцать лет. Помню, как она стала дышать тяжело. Я стал ее звать. А мне говорят: "Она уснула", – то есть односельчане не стали меня волновать.

Я хоть и пацан был, думаю: "Как так уснула?". Мне сказали, она пошла домой. Вот тут-то я и выскочил из окопа: "Как же? Она ранена и пошла одна домой?". Дом наш в этот момент уже догорал, уже рухнул. А в сорока метрах шел рукопашный бой. Я его видел, потому что горели дома.

Вот тогда мне и сказали, что у меня есть родная мать, которая живет в Холмах. Это в семи или восьми километрах от Глотовки.

А потом моя родная мать в сорок пятом году, еще война не кончилась, поехала в Белоруссию менять тряпки на продукты, заболела тифом и там умерла...

Мой собеседник замолчал. И тягостной, казалось, была эта минута молчания. Молчала жена его, Валентина Герасимовна, примостившись рядышком на стуле. Война отняла у Виктора Исаковского не только двух матерей, еще и зрение. Но судьба не оставила его с бедой один на один. Покинув столицу, приехала в деревню к сиротам третья сестра – Анна Ивановна Исаковская. А когда он стал взрослым, связала с ним свою судьбу Валентина Герасимовна и стала для него надежной спутницей жизни.

...ОТЦА

– Главная цель моей встречи с вами... – прервав паузу, заговорил Виктор Нилович и замялся. После нескольких сбивчивых фраз я понял, что он обеспокоен тем, чтобы не сложилось о Ниле Васильевиче Исаковском, усыновившем его, неверное мнение, как о "причудливом малом" – охочем до выпивки балагуре.

В его описании Нил Васильевич предстал смелым человеком, заботливым семьянином и тонким воспитателем.

– Нил Васильевич – это ж мой отец, сами понимаете. И я не знал, что он неродной. Я узнал это только в сорок втором году. Я считал его очень умным, очень сильным, смелым. Между прочим, его репрессировали тоже. Не знаю, в каком году. Может, в тридцать шестом. Посадили его. И он сразу объявил голодовку. Ускорили процесс, выяснили, что ложный донос на него написали.

Нил Васильевич – принципиальный, скажу, человек. Честный человек. Его когда-то до войны обвинили в каких-то нечест-

ностях. Он прорабом работал где-то на стройке. И его уволили с работы. Он подал в суд. Его восстановили. Потом перед ним извинялись, просили, чтобы он остался работать. Он отказался. Доказал свою правоту и ушел.

Никогда не ругал меня Нил Васильевич. Помню, разбил я стекло. Он: "Виктор, ты разбил?" – "Я, пап." – "Ну как же ты так неосторожно?" – "Нечаянно." – "Ты понимаешь, надо теперь купить, деньги заплатить". И я понял, чем обернулась для семьи моя оплошность.

Деньги в деревне давались нелегко. Нил Васильевич летом работал в колхозе, а на зиму уезжал в Москву подрабатывать. И не он один. Деревенские мужики многие уезжали.

Я один раз забрался на вышку. Там у нас вышка была перед войной. Высокая. И на нее забирались ребята, которые постарше. Мне тоже захотелось залезть, испытать себя. Думал: "Вдруг я струшу?". И полез вверх, когда никого не было. Забрался, стою, разглядываю окрестности с высоты. А в деревне отцу уже сказали: "Вон твой сын, на вышке". Он подошел. Ходил-ходил кругом вышки. Боялся спугнуть меня. Потом: "Виктор, это ты там?" – "Я, пап". – "А как ты забрался? Слезай потихонечку, только не спеши". А когда я слез: "Смотри, – говорит, – как высоко. Если упадешь, разобьешься ведь". И то не ругал.

Впрочем, ни разу он меня не ругал. Но я боялся его больше матери. Как поговорит, мне тогда стыдно.

Я ни разу не слышал, чтобы мать с отцом ссорились когда-то. Запомнилось, как я его "продал" один раз. Поехали мы с ним, не помню куда. Далеко ездили. И он зашел четвертинку купить. Говорит мне: "Слушай, Виктор, подожди. Я на минутку заскочу". Пошел, а я сижусь-сижусь, думаю: "Ох, какая длинная минутка-а-а! Если другой раз будет отпрашиваться, я его не отпущу на минутку". Потом приходит, четвертинку принес, выпил и говорит: "Ты ж смотри, матери не говори, что я выпил". – "Нет, пап, не

скажу". Приехали домой, а он четвертинку пожалел, наверно, выбросить. Прошло сколько-то дней, и мать нашла эту четвертинку, несет. "А-а,пил ее?". А я: "Пап, а я маме не рассказал". Он: "Спасибо, сынок". И с матерью рассмеялись.

Его взяли в армию. Он в Гурьеве был. Это Казахстан. Ему сообщили, что убили его жену. Там, наверно, после гибели Александры Ивановны он и познакомился с казашкой, которая потом стала его женой. После войны он одно время жил на даче Михаила Васильевича. В шутку назывался комендантом дачи. Но уехал. Жили они со своей казашкой в Горьковской области, в Ипси. Купили себе домик. И там он умер.

Уже когда я потерял зрение – а случилось это 6 мая 1945 года, на День Победы привезли меня в больницу в Смоленск – он звал меня к себе. А тетя Аня – Анна Ивановна Исаковская – сказала: "Кто знает, как тебе там будет жить?". Она меня отговорила. И я остался.

Мы переписывались. И он всегда приветы присылал от двоих. Потом его жена прислала письмо, что Нил Васильевич умер. Он и похоронен там.

...И ЛЮБВИ

Есть у Виктора Ниловича Исаковского своя версия рождения песни «Катюша»:

– У песни должны быть очень глубокие корни. У «Катюши» был прототип. Это соседка Исаковских – Аксюша. Аксюша Сизова. Они любились.

Именно это слово «любились» употребил Виктор Нилович.

А у Михаила Васильевича Исаковского в его книге «На ельнинской земле» есть пронизанная светлым нежным чувством и пронзительная по трагизму глава, посвященная Аксинье. Это маленькая повесть внутри большого полотна Мастера.

– Рассказывали в деревне, что юный поэт еще такие куплеты пел на вечеринках:

*Дом большой, дом большой,
Крыша щитовая,
А в том доме расписном -
Аксюша дорогая.*

Еще, помню, была маленькая книжица ранних стихов Михаила Васильевича. Там были строки:

*Губы – словно вишенка,
Вся – как цветик аленький.
Говорила: «Мишенька».
Называла: «маленький».*

Почему «маленький»? Да потому, я думаю, что Аксюша была на два года старше его.

Родители Аксюши, крестьяне зажиточные, были против этой дружбы. Исаковские небогато жили. Потом у Михаила Васильевича и зрение было плохое. Они говорили: «Ты вот с сумкой будешь ходить по деревням, просить милостыню с ним. О чем ты думаешь?».

И я не допускаю мысли, чтобы первая любовь Исаковского не осталась у него в сердце, чтобы не нашла отражения в его поэтическом творчестве. Но он нигде не называет девушку, ни в одном стихотворении я не встречал имя Аксюша. А вот Катюша несколько раз встречается. Поэтому я задумался и решил, что он просто немножко изменил имя: Аксюша – Катюша.

Думаю, что Виктор Нилович Исаковский сделал верное предположение. После разговора с ним я нашел стихотворение «Песенка», написанное в 1927 году, и перечитал прозу М.В. Исаковского.

«Пока еще не наступила летняя страда, деревенская молодежь в сумерки собиралась, как обычно, где-либо на бревнах... И когда я подходил к собравшимся уже совсем вплотную, Аксинья протягивала мне руку и усаживала рядом с собой. Часто

случалось и так, что я садился в непосредственной близости от Аксиньи, но на одно или два бревна ниже ее. В таком случае она почти всегда клала мою голову себе на колени, покрывала ее своим платком и, засунув руку под платок, мягко и нежно гладила мои волосы. Я любил это, любил прикосновение ее огрубевших от работы, но все же добрых и ласковых девичьих рук».

*Брала в руки голову, –
Пальцы – словно таяли,
И мечты, как голуби,
Колыхались стаями..*

Михаил Васильевич пишет в книге, что наступил срок и он уехал в Смоленск. А потом узнал, что Аксинья вышла замуж и не более чем через год после свадьбы умерла при родах.

*Но дорожка торная
Грустью задымилась,
Но хвороба черная
Над тобой склонилась.*

«...Умерла, не прожив на этой земле и двадцати лет».

*Бродит лихо-лишенько
По твоей завалинке.
«Ну, прощай, мой Мишенька...
Ну, прощай же, маленький...»*

– Я думаю, что песня «Катюша» зародилась все-таки в Глотовке, – убежденно говорил Виктор Нилович. – Сад у Сизовых был и у нас был, речка Оселенка протекает, что впадает потом в Угру. Еще раз только хочу повторить, что не могу поверить, чтобы первая любовь просто так пропала и нигде не отразилась в поэзии Исаковского.

Алла МАРЧЕНКО

САЛЫО-МОРТАЛЕ ПОД КУПОЛОМ ЦИРКА

Когда стихи Валерия Дударева пребывали еще в рукописи, старшие поэты – Вознесенский, Ахмадулина и Новелла Матвеева – сойдясь, как сказочные феи у колыбели новорожденного, отметили, не сговариваясь, их простодушную, почти детскую искренность. На фоне «выпендрейных закидонов» неоноваторов XXI века она не только казалась, но и была поэтической ересью. Словом, старшие младшего вниманием не обошли, да и особые приметы творческой его «походки» зорко заметили. Новелла Матвеева – «емкую образность», Ахмадулина – «узнаваемость интонации». Вознесенский среагировал на тембр природного голоса, может, и не оперного диапазона, зато свежего. Правда, как ответственный за издание (сборник Дударева «Интонации» (2010), вышел в «Худлите» с его Предисловием), Андрей Андреевич еще и направление дальнейшего пути указал. Осторожно. Не настаивая. Не перстом указующим. «Как старший товарищ неглупый и чуткий». В жанре напутствия. Хочется, дескать, пожелать талантливому поэту и ярких переживаний, и «масштабных размышлений о смыслах». Но я-то не об угодившем в резонанс издании. Я о «Ветле», а в связи с ней и об издательстве, а это, к счастью, снова «Художественная литература». Ныне, однако, и здесь, как везде. «Вопрос» о составе новой книги развернули в сторону прагматически современную. С прицелом на сборник, целиком состоящий из свежих текстов, каковы, как известно, «продаются быстрее». Автор на коммерческий поворот-уклон-разворот, похоже, не согласился. Предпочел второе издание «Ветлы»,* дополненное «Другими стихами». (Кавычки на сей

*Дударев В.Ф. Ветла и другие стихотворения. – М.: Художественная литература, 2016. – 196 с.

раз обязательные, поскольку *другие стихи* в данном контексте не только вторая половина книги, но и буквально *стихи про другое*.) В первый момент непривычный выбор композиционного решения слегка озадачил. Дударев печатается редко, в своей «Юности» в амплу стихотворца не появляется, а то, что публиковалось то в «Неве», то в «Паровозе», было столь неожиданным, что и впрямь хотелось поскорее увидеть не избранные, а написанные именно в последние годы стихи. Я имею в виду прежде всего стихотворение «Поэты», поразившее и, судя в по всему, не только меня, «лирической дерзостью:

Мы, поэты последнего ряда,
Допиваем прокисший абсент.
Мы – ваш Дант в дебрях рая и ада,
Вашей жизни последний момент.
Серебра нам с тобой не досталось,
Да и золото тут не в чести –
Но надеемся, самую малость,
И колосья сжимаем в горсти.

Соберём семена и корни,
И, путём продвигаясь зерна,
Мы роняем стихотворенья,
Словно шишки сосна.
Нам и ворон – благая примета,
И княжна – придорожная блядь.
За сто первый лесной километр
Нас положено отселять.
Мы – польнь!

Мы – Путивль!

Мы – Непрядва!

Мы – надгробий чужие цветы –
Самозванцы последнего ряда,
Прощельги последней черты. (2013 г.)

Прочтя процитированный текст сначала в «Паровозе», но затем и в «ЛГ», каюсь, слегка удивилась. Да быть не может,

чтобы в столь специфическом СМИ не заметили откровенной, с точки зрения «ЛГ»-команды, крамолы! Чтобы в объеме нескольких четверостиший поэт втихаря аукнул не только с Блоком и Есениным, но и с Ходасевичем с его «Путем зерна» и Вознесенским времен «Гойи» и «Треугольной груши» (1967)? («Вы Америка?» – спрошу, как идиот./Она сядет, сигаретку разомнет./«Мальчик, – скажет, – ах, какой у вас акцент! /Закажите мне мартини и абсент». Это же откровенно живые цветы на чужих надгробиях? Наверняка заметили, но...

Впрочем, это я так, апропо. Идущее «на ущерб» противостояние «правой» и «левой» группировок литературного фронта к новой книге Валерия Дударева прямого касательства не имеет. Вот к ней и вернемся.

Итак, вместо ожидаемого ordinarily Избранного автор предложил в жанре «размышлений о смысле» поэтический автопортрет. Своего рода *Взгляд поэта* с наблюдательной вышки середины дороги жизни на самого себя. Причем не анфас, в позе, искусно выбранной, а словно бы и посредине нигде, вроде как с откидного стула в последнем ряду, и в то же время словно бы **Над**, то есть с какого-то не одним личным опытом нажитого Высока. Отсель, думаю, и заключающая «Ветлу-2» перепечатка серьезно-пространных и, видимо, особенно дорогих В.Ф.Д. мнений (не рецензий) о его творчестве Льва Аннинского («Недорисованные лица») и Инны Ростовцевой («До игры»).

Словом, читатели и почитатели Дударева будут наверняка довольны, а вот меня появление в Избранном раздела «Критика и литературоведенье» поставило в затруднительное положение. Нет, нет, дело не в содержании опубликованной в поэтическом сборнике критической прозы. Напротив! Замечательно тонкое и легкасательное эссе Игоря Михайлова (Послесловие к первому изданию «Ветлы»), как и статьи Аннинского и Ростовцевой,

более чем убедительны. И в частности, и в рассуждениях о творчестве поэта в целом. В неформатной и поперечной моей лит. практике это чуть ли не единственный случай, когда, не лукавя и не уклоняясь, могу с чистым сердцем проголосовать: со всеми соображениями и оценками коллег согласна. Разногласия касаются деталей, да и то не принципиальных. Полностью солидарна и с тем, что некогда отметили и оценили и вышеназванные большие поэты.

Зачем в таком разе «берусь за перо»? Во-первых, потому что все эти работы написаны до того, как у прежнего Дударева стали случаться Другие стихи. А во-вторых, потому, что неожиданно для себя вздумалось (именно вздумалось, а не вздумала) рассмотреть предложенный в Избранном автопортрет в неожиданном ракурсе, то есть в ракурсе «Акробатического этюда», одного из самых загадочных, на мой взгляд, его стихотворений последних лет. А заодно и проверить: возможно ли на примере созданного современным поэтом произведения сделать то, что иногда проделывала с текстами русских классиков: разобрать их по частям Речи*, как и советовал некогда Чехов по прочтении лермонтовской «Тамани». Не будь в сборнике раздела «Критика и литературоведенье», я бы на такой «эксперимент» вряд ли бы решилась. Тем более что до сих пор, кроме как с Вознесенским («Ностальгия по-настоящему»), попытки такого рода оказывались неудачными. Выбранное на слух поэтическое сочинение оказывалось подобием новогодней елки, которая при самом бережном, казалось бы, прикосновении сбрасывала и украшавшие ее цацки, и иголки. И тем не менее я по-прежнему убеждена: истинная поэзия, в

* Словосочетание части речи употребляю не в прямом школьно-учебном значении, а в том, какое имела в виду Марина Цветаева: «Поэт – издали заводит речь. Поэза – далеко заводит речь»).

отличие от фестивального столоверчения анилиновых словес и метафор, данной операции не сопротивляется. Ведь даже заласканный критикой авторский талант вовсе не всегда уверен, что прорастил в «потайственную» глубину увиденное глазами, а то, о чем мыслил только «теньями мыслей», «одел в плоть». (Автор использованных *имажей* Сергей Есенин).

Итак, попробуем же взглянуть на образ созданного Дударевым поэтического мира с рискованной высоты заключающего итоговый сборник «Акробатического этюда» («Ветла» 2014 г., стр.171–172). Не утруждая любителей российской словесности поисками текста, цитирую и его без изъятий:

Из снегопада в снегопад.
Он встречным елям лишь по пояс.
Вперед,
 назад,
 мостоми над
По осевой промчится поезд.

Им завершат полутона
Несовершенство старых станций.
В нем осевого полотна
Полупоэмы,
 Полустансы.

Его вагоны-короба
Взлетают запросто на кряжи.
И пустослов, что жизнь – борьба,
Еще страшнее, горше даже.

Непобедимы боль и труд.
Боль, труд и боль остановимы.
Акробатический этюд!
И поезд рушится в долины.

Летит над склонами.
 Стык в стык.
Под ним гудящие полотна.
На абордаж ли,
 напрямик?
По одиночке ли,
 поротно

Пусть воскресают!

Пусть живут!

Смешно стесняться жизни тленной,
И на каких-то пять минут
Вдруг стать, как музыка, – вселенной.

Пусть подстаканники звучат!
Звучат при полном бесколесе!
Неотличимы рай и ад
В сиреновом многоголосье...

Железный поезд взад-вперед,
Стесняясь собственной болтанки,
Вдруг удивится и замрет
Под семафор на полустанке.

Назвав «Акробатический этюд» заключающим сборник произведением, я чуточку погрешила против истины. Формально «Ветлу-2» замыкает «Северный натюрморт», но формально. Фактически же заложенные в Избранное смыслы итожит именно это стихотворение. К каким же (предположительно) итогам-выводам выводят читателей «Ветлы-2» процитированные стихи? Они же не только «примагничивают», но и смущают неудобной для выводов незавершенностью завершающих строк. Так с чем же, заодно с насельниками забуксовавшего поезда, удивившись, «замрут» и читатели новой «Ветлы»? Предполагаю, что, как и я, сначала лишь всласть подивятся акробатическим эскападам (цирковые трюки) неожиданного «сальто-мортале». Они же к иным ландшафтам души прилепились, «влипли», что называется, «сердцем», и к осенним дударевским беспутьям, и к зимним внезапным заносам. Правда, в первой части Избранного, то есть в репринт- «Ветле», нас вместе с автором и его вечными спутниками (Пушкин, Есенин т.д.) влекло-болтало по родимому бездорожью не столько метелью или распутицей, сколько тоской бесконечных равнин:

Одинокое, злое раздолье.
Дело к осени. Травы горят.
Бесполезные грубые колья
Из разбитых заборов торчат.

Хмыкнете иронически – так тож пере-
пев! Или повтор. А вот и нет. Иное: **вторга!**

Осень. Дождь. Шелестит осока.
Мы не в силах себя сберечь.
Это горестно и жестоко.
Ну и пусть. Не об этом речь...

Видео-Мелодика второй части сборника – другая, настырно снегопадная. Да и снег здесь иной. Скорее, лермонтовский: «И этот снег лучистый, серебристый и для страны порочной слишком чистый». Впрочем, ни пурги, ни чрезвычайных заносов, согласно купленным билетам, пока не предвидится. Не пурга за вагонным стеклом, а рядовая метель, и снегопад умеренный, пусть и давний, он «встречным елям лишь по пояс». Словом, и по расписанию все как обычно, и маршрут общеизвестный – «по осевой». Мчится, мчится «наш Паровоз». Помните? «Наш Паровоз, вперед лети! /В коммуне остановка. /Другого нет у нас пути. / В руках у нас винтовка». Доподлинно тот, разумеется, на приколе – реликвия, в музее Революции и Боевой Славы. Зато почти точная его копия, как следует из разбираемого на составляющие «Этюда», в рабочем состоянии. Не останавливаясь, не притормаживая, взлетая «запросто на кряжи». И мимо! Всегда, непременно! Мимо даже станционных времянок, прихорашивая попутно снежной гризайлью неблагообразие Великой некогда Стройки.

Летит над склонами.
Стык в стык.
Под ним гудящие полотна.
На абордаж ли,
напрямик?
По одиночке ли,
поротно

Пусть воскресают!
Пусть живут!

Но что это? Какой «пустомеля», разворачивая рулон осевого полотнища*/ , черным по белому вырисовывает на развернутом метелью полуватмане сочиненные а-ля прима «полупоэмы, полустансы». О чем? Да о том, что жизнь есть борьба. А труд и боль сгинувших в безвестности энтузиастов словесно «остановимы». Назвать поименно авторов лиро-эпических полупоэм, воспевающих заслуги «павших в борьбе роковой», невозможно: имя им легион. А вот полустансы... Они-то и впрямь уникальны.

Пушкин А.С. Стансы «В надежде славы и добра /Гляжу вперед я без боязни: /Начало славных дней Петра /Мрачили мятежи и казни».

Пастернак Б.Л. «Столетье с лишним – не вчера, /А сила прежняя в соблазне /В надежде славы и добра /Глядеть на вещи без боязни».

Про содержание полупоэм Дударев, конечно же, не умолчал. И слоганы агитплакатов, нестираемо клеенных даже на рычаги спешащего в Коммунизм Паровоза, перечислил. Не позабыт – а как же? – и подвиг Гагарина, и слава его всемирная. Ну, прямо по есенинскому «Преображению»: «Эй, россияне, ловцы Вселенной! Неводом зари зачерпнувшие небо! Трубите в трубы!». Так ведь и впрямь затрубили, чтоб « на каких-то пять минут вдруг стать, как музыка,– вселенной». Без траурных всхлипов в адрес первых насельников легендарного Паровоза тоже, как видим, не обошлось. Пусть, мол, даздавствуют

*Как видим, Валерий Дударев, надеясь, что мы не забыли о разных значениях слова полотно (и ткань, и картина, и подрамник с натянутым на него холстом, и даже большой эпический роман), использует его как образ двойного зрения. Полотно в «Акробатическом этюде» – это и бумажный рулон, разматывая который художники пишут-рисуют агиттекстовки, и одновременно железнодорожное полотно, то есть железнодорожный путь.

истлевшие «до косточек» первопроходцы! Пусть себе воскресают из мертвых! Лишь бы не маячили вечным укором! Жизни «всамделе» живущих не застили, не мешали! «Смешно стесняться жизни тленной»!

Короче, в акробатическом **сальто-мор-тале** Валерия Дударева осевые фокусы советского пустомельства, выражаясь советским же языком, тщательно заприходованы. А авторское к ним отношение интонационно выражено. Так четко выражено, что и сомнений не возникает: к разрисованному «пустомелями» историческому полотну лично В.Ф. Дударев рук не прикладывал. Где же тогда искать авторский *Взгляд* и на самого себя, и на Образ современного мира, в «Ветле-2» явленный? Вот тут-то, надеюсь, и проявляется преимущество выбранного ракурса, ибо и мы, читатели, как и автор «Акробатического этюда», находимся в зоне «двойного зрения». И высоко **над** непрошедшим прошлым («Под ним гудящие полотна») и вместе, одновременно, внутри «железного поезда». В последнем, точнее, предпоследнем купе. Последнее и в поездах особого назначения отведено под отхожее место. И что же там происходит? Да ничего вроде особенного:

Пусть подстаканники звучат!
Звучат при полном бесколесье!
Неотличимы рай и ад
В сиреневом многоголесье...

На беглый поверхностный взгляд и впрямь ничего особенного. Внимательный же читатель, взглядевшись вторично в ключевое четверостишие, почти наверняка угадает переключку с хрестоматийной «Вакической песней». (Музы... Разум... Милые девы...) За что иное стали бы чокаться персоны *non grata* за запертой на щеколду дверью в «купе поэтов»? «Вакическая песня» тоже, между прочим, не в хорошую пору на свет появилась! То ли в 1825-м, то ли даже зимой 1826-го, ко-

да, как выразился Юрий Тынянов, «время вдруг переломилось». Переломилось и замерло, застопорилось на сорок велико-снежно-державных зим. Вот и у нас на дворе «Бесколесье». Правда, в отличие от дожелезного бездорожья эпохи «Дорожных жалоб», слишком уж «полное». Все до единого колесики по дороге в Светлое будущее незнамо где растеряли. Даже солженицынское Красное Колесо (огромно-зловещее поначалу) и то в кювет закатилось. Так что «Вакические песнопения», к сожалению, не про нас. Нам бы чего попроще. Однако по возможности что-нибудь все-таки жизнеутверждающее. С официозом, понятно, не связанное, но при этом отнюдь не «расстрельное». Словом, нечто про просто жизнь, смыслом которой сама жизнь и является. Не советская, не анти-советская, вообще жизнь, ничем, кроме самосохранения, не озабоченная. Выбор был трудным, Дударев выбрал на удивление точно: «сиреневое многоголесье».

Сиреневый туман над нами проплывает.
Над тамбуром горит зеленая звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девушкой я прощаюсь навсегда.

Говорят, год рождения «Сиреневого тумана» был самым страшным: 1937. Но лично я услышала эту песенку позднее, в первую свою университетскую зиму (1951–1952). И не при самых зловещих для «великой эпохи» обстоятельствах. За ничтожную провинность (потерю марок, каковые клеивались в новенькие комсомольские билеты) на мне повисло взыскание. Чтобы его снять, комсорг нашего курса отправил провинившуюся растеряху в рабочий городок, где проживали отделочники, доводившие до сияющих красот новое здание МГУ. По сведениям, имевшимся в комитете комсомола, в рабочем городке функционировало молодежное литобъединение. В том, что умелые и ловкие парни, с которыми мы читали и раз-

бирали стихи, не обычные выпускники художественно-промышленных училищ, а заключенные, сообразила позднее. Но что-то необычное почуяла сразу. Ребята и замаялись и даже смутились, когда, расхрабрившись, лягнула: хотела бы, мол, сводить вас всех в Третьяковку. Насторожила, и тщательность, с какой проверялись мои «документы». Не только внизу, при входе в двухэтажный барак, но и на посту перед мастерской, в которой отделочники вырезали на гипсовых кругляках будущие фигурные барельефы.

Коридорный вертухай, по окончании «литературных занятий», придирчиво вчитывался в «бумаги», часа полтора назад им же просмотренные. Он сидя, я стоя... А из-за неплотно прикрытой мною двери все несло... все повторялось... «Кондуктор не спешит, кондуктор понимает...» Так, может, и коридорный охранник неспроста не спешил? Может, не из-за моих бумажек не торопился захлопнуть дверь и испортить песню? Может, что-нибудь все-таки и он понимал... Прикидывая по ходу дела, где мог бы услышать ее Дударев, родившийся три десятилетия спустя, удостоверилась: «Сиреневый туман» и сейчас распевает. И туристы, и лагерники, и эстрадные шоумены. Претенденты на авторство даже «собачатся», поскольку бытует множество вариантов, словесных и музыкальных. Сохранным полностью, до запятой, остается лишь первое, сиреневое, четверостишие. В чем тут секрет? Не знаю. Впрочем, не исключая, в порядке гипотезы в стиле фэнтези, что это штамм странноватого вируса, вызывающего у россиян наследственные, не опасно сентиментальные недомогания.

Но это для нас с вами не опасные, а для поэтов, если они и впрямь художники, а не ударники книгопрядильной индустрии, «неразличимость ада и рая» («возвышающего» и убаюкивающего совесть и память обмана-тумана и «тьмы низких истин») без серьезных осложнений, как правило, не обходится. Порою даже смертельным тройным сальто-мортале кончается. Иногда, что чаще, творческим тупиком. У автора «Ветлы-2» случай, что и предполагалось, особый: всего лишь не предвиденная Подорожной остановка «под семафор на полустанке».

Семафор, надеюсь, технически исправим, а остановка попутная. К тому же чувство дороги, удивление дороги у Дударева в крови. А такие пути – неисповедимы.

Господи, в пучину нет возврата!
Как же это вдруг произошло?
Гулкое гуденье Арарата
Голубя поставит на крыло...

Где пахать и что потом посеять?
Хворосты таскаю на горбу.
Пусть потом слепцы и фарисеи
На мою позарятся арбу.

А пока – чумазый и премудрый –
В шалаше, где звезднее всего,
Я займусь с девчонкой златокудрой
Продолженьем рода своего. (2013 г.)

А про то, что ждет нас всех впереди – там, за «кряжами» и «долинами» очередного *смутного времени* – не знает сегодня никто.

2016 г.

Геннадий ПЕРОВ

ТАБОРНАЯ ГОРА (заметки о поэме)

Работа над поэмой «Таборная гора» заняла семь лет и была закончена Владимиром Макаренковым в 2007 году. А широкую известность завоевала в следующем десятилетии, особенно в последние годы. К ее читателям присоединились радиослушатели, и театралы, и интернет-зрители, по достоинству оценившие драматургическую версию произведения, первоначально записанную для местного радио, а в итоге растиражированную на аудиоальбоме «Я родом из шестидесятых» (2015 г., библиотечка альманаха «Под часами», издан при поддержке Министерства культуры России, Союза российских писателей и Смоленской Администрации), а затем и ее театрализацию – спектакли, поставленные при участии самого поэта его друзьями – режиссером, артистами, музыкантами – в Смоленском Доме актера, Смоленском камерном театре и на других сценах учреждений культуры родины поэта – города Смоленска. Между тем мало кто решился бы предсказать такой многосторонний успех большой поэме – спустя почти десятилетие после ее создания, да к тому же с сюжетной основой, опирающейся на события девяностых, уходящих в историю, годов прошлого века. Ведь сколько с той поры написано и опубликовано стихов, поэм, рассказов, повестей, романов – и практически почти вся масса этой литературной продукции, как-то удивительно быстро устаревая, отсекается небывалым ускорением темпов изменений в политике и в экономике, в обществе и в быту, а если коротко – в жизни народа и в жизни страны. Чем же тогда объяснить безусловный интерес читателей, слушателей, зрителей к произведению, как бы заведомо отстающему от сегодняшнего дня хотя бы уже

одной своей обращенностью к событиям дня вчерашнего? Чем, попросту говоря, объяснить нестареющую актуальность поэмы?

Первый и самый очевидный, хотя и не исчерпывающий, аргумент такого объяснения – высокий поэтический уровень текста произведения, высокая культура языка и одновременно его народность в самом лучшем, если хотите, классическом понимании этого слова. Языка смоленской поэтической школы, достойно утвердившейся в русской поэзии творчеством Рыленкова, Исаковского и, конечно же, Твардовского.

К этому аргументу, по-видимому, следует подключить непринужденность, свободу дружеского, доверительного общения автора с читателями поэмы, которая сразу же завоевывает сначала внимание, а затем – искреннее душевное расположение и сопереживание слушателей и зрителей. А достигаются и непринужденность, и свобода тем, что с острейшей сердечной болью поведенные автором самые драматические и трагические моменты из истории простой русской женщины Тани, раскрываются им в исключительно четком и остром сочетании с честным разговором о тех конкретных условиях и реальных проблемах, в которых складывались нелегкие судьбы и самой Тани и ее современников. Условия и проблемы, которые, точно по какой-то недоброй закономерности, лишь в чем-то меняя внешние признаки, в существе своем так и переходят от поколения к поколению, становясь, пожалуй, лишь хитрее, изворотливее, а подчас и наглее.

И не случайно автор, чувствуя серьезность и ответственность такого открытого

разговора уже со своими современниками, признается:

Страшно, муторно и больно
Ровно двигаться вперед,
Будто слышится: – Довольно
будоражить зря народ!

И в одном из естественно необходимых в таких случаях отступлений касательно вполне возможных чиновничьих претензий к его несанкционированным «свыше» размышлениям, – в отступлении, чем-то напоминающем спор поэта с его критиком в поэме Твардовского «За далью даль», дает слово и своему критику, выкладывающему извечные претензии бюрократа к «свободомыслию» литератора:

Тут чиновник скажет: – Слишком
что-то тема в стороне.

Был бы ум, а то умишком
Размышляет о стране!

.....

Будь ты хоть какой писатель,
Против чина не попрёшь!

В другом отступлении от лица всё того же обличителя еще и подозрение добавляется в том, что «автор – заграничный соловей, антирусский агитатор против Родины своей». И совершенно естественно, что автору, бывшему офицеру и действующей армии, и бдительной охраны внутреннего порядка, воспринимать такие «предположения» по меньшей мере оскорбительно. К счастью, поэт своим произведением обращается не к чиновнику, а к другу-читателю. Который и понимает, и верит признанию автора, сделанному в первых строках его поэмы: «Ради праведного смысла поведу всерьез рассказ». Как же искренне выбрано для слова «смысл» именно это определение, это слово – «праведный». Не только религиозно-православно благочестивый, но – сообразный с чистотой совести, с безоглядной, исповедальной прав-

дивостью и неуступчиво-требовательной нравственностью.

Именно этот смысл заложен в основное повествование поэмы, ее художественную вершину – «Монолог Тани». В нем – предельно краткий, но потрясающе живой, образный подбор житейских, подчас драматических, а порой и трагических эпизодов нелегкой судьбы простой русской женщины. Прошедшей через тяжкие испытания фашистской оккупации военного времени, заложившие в детский организм пожизненное бремя не позволяющей забыть о себе болезни. Сумевшей вопреки всем выпавшим на ее долю препятствиям создать семью, «работой на совесть, созидательным трудом» вместе стружеником-мужем поставить дом, наладить и вести хозяйство, поднять детей. А сверх того, экономя на всем, собрать на сберкнижке в качестве надежной поддержки семейного благополучия «двадцать лет труда».

И вот она – перестройка. С ускорением на базе самых современных достижений науки и техники. С опорой на живое творчество масс. С гласностью, направленной на искоренение всех недостатков, мешающих здоровому развитию экономики и социальному организму страны. Так это всё декларировалось. А как это всё получилось на деле – в конкретной судьбе реальной, живой Тани?

Жизнь работала. И только
Стала пенсией горда –
Разразилась перестройка.
Что пошла за чехарда!

.....

Потеряла со сберкнижки
Двадцать лет труда...за день!

Перестройка!.. Горя сколько!
И ни в чём ничьей вины!
Не досталась даже долька
Каравая всей страны.

Да, конечно же, это не одной только Тани несчастье. Не зря предупреждал автор, что пишет и о Тане, и, вместе с ней, как бы о всех, таких, как она – то есть о большинстве ее современниц. Ну, а где современницы – там и современники. С небольшим, но, думается, очень существенным уточнением. Касающемся восклицательного знака в предложении «И ни в чем ничьей вины!» Не будет ли правильнее здесь знак вопросительный? Да, он как бы подразумевается ироничностью этой фразы. Но ведь она сохранится, да, пожалуй, еще и усилится вопросительным нажимом?

Может, и не стоило бы лезть с подсказкой к опытному, талантливому поэту. Дело тут в том, что с этим вопросом намного проще перейти к другому вопросу, который, как и многие другие вопросы, возникает по той причине, что всем своим содержанием, как и каждой своей строкой, поэма будит не только наши чувства, но и мысли. Требовательно призывает не только почувствовать всё произведение, не только осмыслить его в общем и целом, но на пути к этому цельному прочувствованию и осмыслению вникнуть душой и мыслью в каждый ее образ, не упуская в нем из внимания ни одного слова. И тогда рамки поэмы как бы раздвигаются, смыкаясь с тем, что волнует нас и нынче, ставя перед проблемами уже сегодняшнего и завтрашнего дней.

И одна из таких, раздвигающих рамки поэмы, не теряющих болезненной остроты, проблем – итоги приватизации. Припомним-ка, кто только и как только не призывал и продолжает призывать россиян в унаследованной им от Советского союза независимой России покаяться в грехах советской власти. Повиниться за все ее прегрешения, а по особо ретивым утверждениям даже и за преступления. Можно ли назвать такой подход справедливым? Вряд ли. И тем более – актуальным? На этот счет сомнений еще больше. Уж если есть ныне самый актуальный и с

экономической, и с юридической, и с политической, и с нравственной точек зрения вопрос – так это именно приватизация и ее итоги. И если уж кому-то в чем-нибудь и надо повиниться – так в том, что таким, как Таня, а вместе с ней – подавляющему большинству трудящегося населения России «не досталась даже долька каравая всей страны». Ведь именно несправедливая приватизация свернула страну на какой-то кривой путь, с множеством расставленных на этом пути трудностей, препятствий и неудач, ложащихся на плечи опять же таких, как Таня, – теперь уже ее детей и внуков...

А дети у нее – замечательные.

Не чиновники, не воры,
Труд по найму продают, –
Не пустые разговоры.
Хорошо еще не пьют!

Очень существенное замечание. Да и не могла Таня, а с ней и автор обойти эту болезную российскую проблему.

В наше время многим кроме
Водки нечем дух занять...
.....

Крепко с водкою дружна
Матушка-Россия.
Русским выпивка нужна
Как анестезия.

В отступлении «Баллада о гематоме» названа «навскидку» пара причин, как бы намечающих диапазон вообще всех, – от сугубо бытовых до смысложизненных, когда русскому человеку как бы и невозможно обойтись без такой «анестезии»: «У кого ушла жена, или хлестче новость. У кого поражена, словно печень, совесть...». Не будем углубляться в раздумья об этих причинах, хотя и подталкивает к ним желание как-то увязать большинство из них с тем местом в жизни и теми ее

условиями, которые выпадают на долю человека.

Об этом как раз и идет «прямая речь» в «Балладе...», яркая, с болью, состраданием, негодованием, осуждением... И все же хотелось бы, чтобы автор, в ущерб художественности, а в чем-то и правдивости, подводя итог поэтического рассказа о трудовой жизни и трагической смерти любителя выпить с получки пожилого шофера, не смягчал этот итог уклончивыми словами: «...Погиб Шофёр! Не чиновник и не вор...» Ведь же не погиб шофер – а убит. Шел, пошатываясь, «на автопилоте», домой. Шел тихо, мирно и даже с цветами в руке. И стал легкой добычей местной шпаны, избившей его до смерти за углом от его дома. Так за это убийство и не наказанной... И далее: «Жил, как мог, пришел черед – умер...» Как-то уж очень это всё отстраненно. Ну, жил, как мог – то есть безупречным трудом даже квартиры не заработал. Оттого, может быть, и стала для него единственным утешением эта традиционная выпивка с получки. «Пришел черед...» – это как понимать? Очередь, что ли, подошла? Умереть? Или – подошел черед быть шпаной убитым? Такие вполне возможные толкования авторского текста ничуть, на наш взгляд, не противоречат, а, может статься, даже усиливают крепкий, как афоризм, заключительный авторский вывод: «Государство и народ – не одно и то же».

Должен сказать, что эти частные замечания никоим образом не снижают самой высокой оценки этой яркой и серьезной поэмы, глубоко лирической и публицистической, посвященной одной героине и в то же время рассказанной о ней с эпическим размахом, замечательной своей цельностью, стройной логичностью – при необычной, оригинальной, сложной и точно выверенной композиции.

Ну а финал поэмы – одно из высших достижений проникновенной поэтичности Владимира Макаренко. Приведем его полностью. Это и будет лучшим завершением наших заметок.

Может, жизненная драма.
Может, вымысел пера.
Не сдержать мне слёзы...
Мама...мама...мама умерла.

У небес чудес не просим.
От Земли давно не ждем.
В мыслях – осень, в сердце – осень!
Жизнь – у грусти под дождём.

Потихоньку, понемногу
Отсыревшая листва
Стелет скользкую дорогу
За пределы естества.

Если там и нету рая,
Без притворства и игры
Будем верить, замирая,
В параллельные миры.

ШКОЛЫ ИМЕНИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО

В ГОСТИ К ТЁЗКАМ!

Для нас Москва была недосягаемой мечтой. Слушая рассказы Дмитриевой Галины Ивановны и Вари о том, как они ездили пять лет тому назад на межрегиональные Твардовские чтения в школу №279 им. А. Т. Твардовского г. Москвы, мы мечтали попасть в эту школу, познакомиться с ребятами и учителями.

И вот наша мечта сбылась!

28 октября 2015 года в нашей 1-й школе открывалась мемориальная доска А.Т. Твардовскому в связи с тем, что школа носит двадцать пять лет его имя. На праздник были приглашены все бывшие учителя школы, администрация района, журналисты и долгожданные гости из школы города Москвы, которых мы постарались встретить ранним утром в г. Смоленске. Вся школа, от первого до одиннадцатого класса, была построена на линейке. После торжественного открытия доски мы всех пригласили на концерт. Наша школа показала постановку «И памятью той, вероятно, душа моя будет больна...», в которой звучали стихи Твардовского и песни на стихи другого нашего земляка, М.В. Исаковского. Ребята из Москвы инсценировали отрывок из «Василия Теркина» «Переправа». Директор школы Исаков Андрей Максудович поблагодарил за тёплый и неожиданный приём и пригласил нашу школу двенадцатого декабря на Твардовские чтения в Москву. Мы все были в восторге от услышанного и радовались тому, что увидим столицу.

Мы готовились к предстоящей поездке не щадя своих сил! Хотелось как можно скорее попасть к тёзкам. И вот наступило одиннадцатое декабря. В школу собрались за целый час до автобуса: боялись опоздать. Сколько было восторга, когда подъехала наша «Ласточка» и мы вошли в вагон! Разложили все вещи, расселись

по своим местам и, умилённо глядя друг на друга, наконец-то спокойно вздохнули. Тревогу у всех нас вызывала только одна вещь – большая открытая коробка с бальзаминоном («Огоньком», в народе) – символом нашего совместного (двух школ) будущего проекта. В вагоне было душно (а может, нам от волнения так казалось), и приходилось цветок периодически обрызгивать водой. Эмоции переполняли нас, и пассажиры стали обращать внимание на это. Нет, они не ругали нас, а, наоборот, добродушно общались, полностью разделяя при этом нашу радость.

Москва!.. Вышли из вагона и стали ждать Татьяну Сергеевну, заместителя директора московской школы. Она почему-то опаздывала. Тревога наша быстро рассеялась, когда мы увидели рядом с ней знакомых мальчишек (они приезжали к нам в Починок) с букетом белых роз. Оказывается, они знали, что у одной из наших девочек день рождения. Вот это да!..

Наша дорога до гостиницы проходила через метрополитен. Лично я в Москве и в метро был впервые. Я много читал о создании метро. Например, фантастические книги замечательного писателя Дмитрия Глуховского «Метро 2035». Они были переведены на пятнадцать иностранных языков. Здесь я увидел метро наяву: красоту оформления, бегущий эскалатор, мелькающие вагоны...

Так мы с Татьяной Сергеевной благополучно добрались до гостиницы. После сытного ужина никто из нас не спал: восторг от встречи и волнения перед предстоящим днем не покидали нас.

Рано утром нас снова встретила добрейшая Татьяна Сергеевна, и мы отправились в школу. Чудеса продолжались. Перед нами распахнулась дверь красивейшего четырёхэтажного здания школы №279.

Нас с улыбкой встречал директор школы Исхаков Андрей Максудович. Нас поразило внутреннее убранство школы: на стенах развешаны картины известных художников и огромное количество стенгазет, выполненных руками учеников. Длинные школьные коридоры с удобными диванами и красивыми комнатными растениями манили пройти по ним. А в уютной школьной столовой нас ждал аппетитный завтрак. Складывалось впечатление, что мы приехали не в школу, а домой, к родственникам, – так было хорошо!

После завтрака для нас была организована экскурсия по школе. Было очень приятно, что проводили экскурсию мои ровесники, старшеклассники. Мы прошагали 4 этажа с огромным желанием не только слышать экскурсовода, но и видеть музеи, оснащённые интересной литературой, экспонатами.

Приятным подарком стала для нас встреча с дочерьми Александра Трифоновича, Валентиной Александровны и Ольгой Александровны Твардовскими. Они очень внимательно слушали стихи Александра Трифоновича Твардовского в исполнении ребят, а потом анализировали презентации. Наши девочки, Осина Олеся и Кожевникова Наташа, защищали свою работу «Первый собиратель творчества А. Т. Твардовского». Интересной оказалась викторина по творчеству поэта. Московские школьники прекрасно отвечали на все вопросы, но мы тоже не ударили в грязь лицом: накануне, дома, перечитывали и обсуждали все произведения Александра Трифоновича.

Следующим этапом были выступления на сцене. Всех нас поразила своей красотой и простором актёрский зал школы. Он был полон гостей. Присутствовали ветераны Великой Отечественной войны. Не было ни одного свободного места. Андрей Максудович открыл праздник и первым предоставил слово нам. Волнения наши описать невозможно. Но мы выступили с литературно-музыкальной композицией. Зал бурно аплодиро-

вовал. На нас смотрели очень добрые люди и открыто улыбались. Это стоило многого. И тут я решил воплотить мою мечту – прочесть наизусть что-нибудь из Твардовского со сцены. Попросил разрешения зала, так как время выступления было строго ограничено. Из зала грохнуло: «Можно!». И я начал читать главу «Два солдата» из поэмы «Василий Тёркин». Зал меня поддерживал так, будто я артист первой величины. Волнение, тепло, радость, гордость – всё вместе было у меня на душе.

Настало время выступления ребят из Москвы. Они играли спектакль «Дом у дороги» по произведению А. Т. Твардовского. В спектакле участвовало сто пятьдесят ребят, начиная с первого и заканчивая одиннадцатым классами. Длился спектакль час тридцать минут. Весь зал плакал. Ребята настолько трогательно играли. Все были поражены мастерством игры актёров. Да-да, я не ошибся, это было настоящее мастерство! После спектакля я познакомился с преподавателем хореографии московской школы и сказал: «Далеко не каждый актёр в театре может настолько трогательно играть, как это делали ваши ребята». Наша Галина Ивановна вышла на сцену и поблагодарила ребят московской школы за великолепную театрализацию, а взрослым сказала очень мудрые и правильные слова: «Пока учителя будут ходить на работу с любовью, Россия будет жить!!!» И все присутствующие согласились с ней, подтверждая это горячими аплодисментами.

Началось награждение. Все выступающие получали сертификаты, дипломы, подарки! Каждый из нас их тоже получил.

Ну и, наверное, самой долгожданной для нас была минута вручения наших подарков. Они были скромными, но с большим смыслом. Мы вручили москвичам коллаж из фотографий, на которых изображены они, будучи в Починке. Велосипед-подставку с комнатным цветком «Огонёк» (бальзамин) – символ нового проекта двух школ. Мы предложили осуществить новый проект: 21 июня провести велопробег «Починок – Загорье».

Кажется, всё подошло к концу, и мы не могли себе даже представить то, что остальные девять часов для нас будут такими же незабываемыми. После вкуснейшего обеда нас ждала четырёхчасовая экскурсия по Москве. Первым делом мы поехали возложить цветы к памятнику Александру Трифоновичу Твардовскому. Возложить цветы предоставили мне, представителю школы г. Починка, и девочке из московской школы.

Дальше – Красная площадь. Когда я ступил на площадь, попросил ребят ущипнуть меня, толкнуть... Я не мог поверить, что стою на главной площади Москвы. Наш экскурсовод не замолкала ни на минуту. Мы с большим удовольствием слушали её, фотографировались на каждом шагу. Примерно около часа мы путешествовали по Красной площади. Потом мы поехали на Воробьёвы горы. Со мной рядом в автобусе сидел директор московской школы Андрей Максудович. Всю дорогу мы с ним разговаривали. Я был не просто рад этому, но и очень горд.

По возвращении нас снова ждали добродетельные повара школьной столовой. Ужин оказался вкуснее завтрака и обеда: мы его честно нагуляли!

После ужина праздник для нас продолжился: московские ребята предложили дискотеку. Андрей Максудович с радостью поддержал предложение. Море света, заводная музыка... А главное – директор полностью доверял своим воспитанникам, разрешив пользоваться самостоятельно музыкальной аппаратурой.

Решив передохнуть от жарких танцев, я вышел в коридор и попросил Андрея Максудовича показать учебные кабинеты химии, физики. Меня интересовало многое: по какой программе учатся дети, как выглядят классные комнаты. Я был необычайно удивлён тем, что директор школы – учитель физики, а не литературы или истории, потому что на его рабочем столе лежали раскрытые книги Твардовского. Около часа я беседовал с Андреем Максудовичем, переходя из класса в класс. Мне было настолько приятно разговаривать

с таким мудрым человеком, что хотелось говорить беспрерывно, и, может быть, мы ещё бы побеседовали, но ему принесли телефон с важным звонком. Это время, когда я беседовал с директором школы, я не забуду до конца жизни. До меня ли ему было, имея столько забот?!

Время подходило к вечеру. Нас снова собрала Татьяна Сергеевна. Теперь уже на чай, который после танцев оказался ещё вкуснее, чем предыдущие яства.

И вот мы стоим на пороге школы во главе Андрея Максудовича, Татьяны Сергеевны, Галины Николаевны и Алексея Владимировича...

На железнодорожном вокзале мы оказались минут через 15. Мы быстро закинули в вагон сумки, и бегом назад – прощаться с нашими замечательными друзьями. Не сговариваясь друг с другом, мы громко запели известную песню «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», Москвичи радостно подхватили пение. Поезд тронулся. Душа плакала от того, что всё закончилось. Замечательной директор стоял на перроне, пока поезд не скрылся из виду.

Мы приехали в шесть часов утра в Смоленск. До родного города, маленького Починка, оставался час езды. Но почему-то никто этому не был рад. Мы были под впечатлением от поездки, и домой возвращаться совсем не хотелось. Вечером, отоспавшись, каждый из нас «взрывал» интернет перепиской с новыми друзьями из Москвы.

Вот такое путешествие мы проделали в 2015 году. Эта поездка не забудется никогда. Я не забуду замечательного директора, боевую Татьяну Сергеевну, весёлую Галину Николаевну.

Скоро лето, и мы надеемся, что 279 школа накануне двадцать первого июня придет к нам, в Починок, и мы сядем на велосипеды и поедем в Загорье. И дружба между двумя школами будет длиться долгие годы!

*Филиппов Александр, учащийся
9 класса Б школы № 1
им. А. Твардовского г. Починка*

9 июня 2016 г. исполнилось два года со дня смерти Сергея Ивановича Капитанова, поэта, члена Союза российских писателей, автора всех выпусков альманаха «Под часами» и книги стихов в Библиотечке «Под часами»

С. КАПИТАНОВУ

Живи!
С охотой не спеши сюда:
стать вечностью всегда необратимо
А перспектива Божьего суда –
она и здесь всего лишь перспектива.

Сергей Капитанов, 2000 г.

*(эпитафия выбита на памятнике С. Капитанову,
который ему поставили любящие родственники)*

Серёжа, здравствуй! Я пришёл к тебе,
Вернее, к твоему оставшемуся телу.
Как ни пеняй изменчивой судьбе,
Мы все идём к последнему пределу.

И если философски рассуждать,
Жить бесконечно – это даже странно.
Но всё же будет правильно сказать:
ОНИ тебя забрали очень рано.

Да, мы живём с охотой, не спеша.
Стать вечностью никто и не мечтает.
Но верим, что твоя высокая душа
У НИХ в высоких сферах обитает.

**Геннадий Пастухов,
член Союза российских писателей, 13.06.16**

СЛОВО О ПОЭТЕ

Стихи многое могут сказать об авторе: какой литературной традиции он придерживается, какова его начитанность, эрудиция, как он владеет богатством родного языка.

Когда я читаю стихи Сергея Ивановича Капитанова, то поражаюсь тому, как он легко переходит от эпохи к эпохе. У него мирно соседствуют Василий Тёркин из поэмы Твардовского с императором Диоклетианом и поэтесса Эллады Сафо с Тарасом Шевченко. Да что Сафо? Сергей Иванович обратился к египетским манускриптам и современным стихотворным языком пересказал лирические произведения, созданные пять тысяч лет назад.

В этих древних временах Сергей Капитанов чувствует себя уверенно и свободно. Создаётся впечатление, что какой-то частью своего сознания он живёт в других эпохах и с помощью своего поэтического слова сближает времена, делая их достоянием современных читателей.

А ещё был Сергей Иванович неутомимым собирателем старинных книг. Слышу в телефонной трубке его взволнованный голос: – Юрий Васильевич! Надо встретиться. Мои ребята (это он о строителях) на чердаке старого дома нашли целую корзину книг. Есть редкие издания. – И мы встречались...

По профессии Сергей Иванович был строителем. Среди зданий, возведённых им, есть и сложенный из слов дом его поэзии. В этом доме светло и просторно. В нём звучит добрый и сердечный голос человека, который в одном из своих стихотворений так сформулировал житейское кредо:

«...жизнь и труд отнюдь не мёд.
Зато душа на месте и покойна.
И благостно желанью моему
То ощущение, что живу пристойно
Как человек,
Не в тягость никому.

Юрий Пашков, член Союза писателей России.

18 марта 2015 г. ушла из жизни Раиса Ипатова, член Союза российских писателей (СРП), поэт, заместитель председателя Смоленского регионального отделения СРП с 2004 г., лауреат литературной премии им. М.В. Исаковского, премии Ленинского комсомола им. Ю.А. Гагарина, автор всех выпусков альманаха «Под часами». Раиса Александровна стояла у истоков создания Смоленского отделения СРП, являлась одним из учредителей писательской организации в Смоленске. В июне 2016 г. в издательстве «Свиток» (издатель И.А. Флиманкова, составитель М.Г. Волкова, 124 стр., ил.) вышел в свет сборник «Стихи не только о стихах», посвящённый памяти Р.А. Ипатовой. В сборнике опубликованы стихи Ипатовой и 36 смоленских поэтов, посвященные поэзии и творчеству. Общий тираж издания – 150 экз. Книга предназначена для библиотек г. Смоленска и районных библиотек Смоленской области.

Любимый и муза в обнимку ушли.
Не сразу осмыслила силу удара.
Мне слёзы мешали смотреть, как вдали
Теряется эта прекрасная пара.
Его не позвать, не окликнуть её,
Но всё же тоске не давала я спуску.
Блинов напекла, замочила бельё,
Надела с улыбкой весёлую блузку.
Капель под стрехой пробуравила лёд,
И почки надули от гордости щёки.
Любимый, наверно, уже не придёт.
Но муза притащит весенние строки.

Раиса Ипатова

Зеан КАГАН

СЕСТРА ТАЛАНТА ПОТЕРЯЛА БРАТА...

*
Займись любовью, не сиди без дела.
*
Немного секса завтрак наш украсит.
*
Твоя взаимность, право, расслабляет.
*
Мадам! Не усложняйте секс любовью.
*
На вас, гляжу, любви не напасёшься.
*
Душа моя, вам поменять бы тело...
*
Давай – по сути. Без эпиталамы.
*
Ну, ладно, так и быть, сопротивляйся.
*
Однако «дать» не то же, что «отдаться».
*
Потом, в постели, как-то оживился.
*
Есть разница меж страстью и одышкой.
*
Влюбляюсь, всё. Так просто – надоело.
*
Ах, что за кайф – любить, кого ты любишь!
*
Я за любовь боролся с ней, с любимой...
*
Ушёл не для того, чтоб не вернуться.
*
Страсть на взаимовыгодной основе.
*
Любил её из ненависти к ней он.
*
Любовь коварна: может не нагрянуть.
*
Законный брак. Что может быть нелепей?
*
Мужик влюбился в женщину банально.
*
С чего б у нас так расплодился геи?

*
Как сам себя любил он безответно!
*
Любил коньяк, но изменял с водярой.
*
Люблю я деньги. В общем, однолюб...
*
Потом скончался. Это был поступок.
*
Тот обитал в соседней пирамиде.
*
Старик, не лезь в петлю, имей терпенье!
*
Всю жизнь искал он повод к суициду.
*
Чудак, пошёл топиться в акваланге...
*
Не выплыл бы когда б, так и не спился б.
*
– Ты выжил бы, узнав причину смерти!
*
Приснилось, умер. Оттого проснулся.
*
Друзья! За эпитафию – спасибо.
*
Бывает, червь страдает гельминтозом.
*
– Зовут к столу... – Хирург засобирался.
*
Будь сдержан, не освистывай хирурга.
*
– Экзамен сдал? – Ну да, по баттерфляю...
*
Теряю почву... стало быть, лечу!
*
Я гений. Это вам не интересно.
*
Какой шарман за никакие деньги!
*
Ну что ты там ещё насочинячил?
*
Прелюдию пишу я к эпилогу.
*
Работать! Без потуг на вдохновенье.
*
Всё терпит туалетная бумага.
*
Мой дар убог... но на подборку хватит.
*
Сыграть ва-банк? Ну, разве что на сцене.

*
Так падает звезда. Звезда балета.
*
Певец! Эстраду не мешай с амвоном.
*
Когда скрипач – с душой контрабасиста...
*
Искал любви народной – матерился.
*
Служил отечеству, да вышел срок контракта.
*
Бил в грудь себя. Дошёл до мордобоя.
*
Тот из сексотов выбился в трибуны.
*
За топоры схватились патриоты.
*
Побив жиды, не факт, что спас Россию.
*
Какой-то нынче фанатизм циничный...
*
Я по призванию – член политсовета.
*
По должности министр, душой сенатор.
*
Гнить с головы – удел лишь дохлой рыбы.
*
В нём просвещенья дух остервенелый.
*
Топя в дерьме, твердил, что учит плавать.
*
Когда б не дурь, то был бы гениален.
*
Он был как птица: ср...л на монументы.
*
Но как разносторонне он бездарен!
*
Дав волю чувствам, тотчас их лишился.
*
Хотелось бы. Да как-то нет желанья.
*
Терпение должно быть величаво.
*
Он проверял исправность мышеловки...
*
День тянется. А жизнь-то пролетает.
*
Брат! Эшафот – не место для дискуссий.
*
Вишневский – друг. Но истина короче.

Леонид КУЗЬМИН

Мысль я вычесал с затылка:
В мире так заведено –
Чем красивее бутылка,
Тем противнее вино.
Почесал потом за ухом
И подумал невпопад:
То же ведь и с молодой –
Зри на Евин лишь наряд!

Юрий СОЛОПОНОВ

МИКС К ЮБИЛЕЮ ГАГАРИНА

Всколыхнулось степное безмолвие
Рукотворной веселой бурей,
И взметнулась ракета молнией,
И узнала Земля про Юрия.

Про улыбку его широкую,
Про мечту, что ветра навеяли,
Про Смоленщину синеокою,
Где растили его, лелеяли.

Телетайп захлебнулся лентою,
Диктор радио надрывается:
– Человек летит над планетою,
Человек летит, улыбается.

Улыбается неграм в Африке,
И сенаторам в Капитолии,
И мотальщицам ткацкой фабрики,
И кочевнику из Монголии.

А кочевник на небо зарится,
Вспоминая легенду древнюю,
Как огрел его предка палицей
Богатырь под смоленской деревнею.

А звался богатырь Меркурием,
И, врага одолевши грозного,
Завещал свою силу Юрию,
Чтобы мог тот летать под звездами.

Чтоб торил он пути высокие,
Небеса пронзал, будто шпагою,
Поделиться с потомком-соколом
Воевода Шеин отвагою.

Генерал Тучков на лихом скаку,
Укротив навек спесь французскую,
Подмигнул крылатому правнуку
И вдохнул в него удаль русскую.

И взлетел Гагарин с отвагою,
С этой силой и удалью дедовой,
И земляк ему с крыши рейхстаговой
Пожелал прилететь с Победою.

А во Франции и в Германии
Смотрят в небо, задрав головушки:
– Силу б русскую знать заранее,
Не пролили б там столько кровушки.

Вашингтон и Нью-Йорк печелятся,
Валидол с валерьянкой выпиты:
– Ох, не даром он улыбается,
Видно, плюнет на нас с орбиты-то.

А Гагарин мчит над планетою –
Силы прадедов воплощение,
И, улыбкой его согретая,
Продолжает Земля вращение.

Сергей ЖБАНКОВ

СИЛИКОНОВАЯ ДАЛЬ

БОЛЬШОЙ ШЛЕМ

Сирена Уильямс в теннисе – как бомба!
Какой удар ракеткой по мячу!..
Ну, а сейчас серьезно, без апломба:
Жену такую я себе хочу!

Легко напечь на корте может темя.
Смотреть твои мученья не могу!
Давай ко мне в деревню хоть на время,
Тебя я в плуг на сутки запрягу.

Она навыйет со своей подачи
Как треснет, чуть усиливши напор...
А я Сирену вижу возле дачи,
Держащей одной левою топор.

Машина дров Сирене не помеха!
Она сухарь немного погрызёт
И все дрова легонько, ради смеха,
Наколет и в сарай перенесёт.

Лицо её, скажу, не без изъянов
И кожа у неё – не молоко.
Зато на крышу лучше всяких кранов
Мне шифер весь закинула б легко.

С её плечами мощными в порядке.
Я б посвятил её в свои дела,
Она навоз бы вёдрами на грядки
В два счёта с фермы весь перенесла.

А утром попросил бы я Сирену
Весь сухостой в округе повалить,
В стога сложить просушенное сено
И яму выгребную обнулить.

Большой ей шлем заполучить охота.
Ракеткой бьёт, пугая всех вокруг.
А тут стоит не начатой работа,
И очень не хватает женских рук.

Тебя из теннисной я выхвачу пучины!
Сирена, жду в деревне к ноябрю.
И слово я даю тебе мужчины:
Косынку вместо шлема подарю!

НОЧНОЙ ПОЦЕЛУЙ

Клуб ночной, горят софиты.
Я – к красоте неземной.
Мне в ответ она: «Иди ты...»
Я пошел. Она – со мной.

Мы стояли под калиной
В лунном свете, без людей...
Назвалась она Галиной,
Я назвал себя – Гордей.

Её узенькие плечи,
Идеальный контур ног...
Я лишился дара речи,
Слова вымолвить не мог.

А она к груди прильнула
И, кудряшками маня,
– Поцелуй меня, – шепнула, –
Поцелуй скорей меня!

К лику нежному нагнувшись,
Лобызания хочу.
Но, едва не поперхнувшись,
– Как же так?! – я ей кричу.

И отпрянул, вспомнив маму,
Закружилась голова...
Две губы по килограмму...
А точнее, две по два!

Нет, не спеть вдвоём нам песни
На планете голубой!
Не получится, хоть тресни,
Поцелуй у нас с тобой!

Если б был я бегемотом,
Вот тогда бы я, тогда...
И, покрывшись липким потом,
Я отпрянул навсегда.

Грудью мощной развернувшись –
Чуть поменьше, чем «Мистраль»,
Убыла она, ругнувшись,
В силиконовую даль.

ВСТРЕЧА

– Привет, старик! Тебя я, Боря,
Узнал, скажу, едва-едва...
Где отдыхал я? Да у моря:
Шашлык, чурчхела, пахлава.

Чередовали отдых с пьянкой –
А как на юге без вина?!
Есть даже фото с обезьянкой...
Вот эта слева вот – жена.

Загар, купание, картишки...
А шведский стол – я ел, как Бог!
Ещё купил себе штанишки –
В свои залезть никак не мог.

Жене купил два ожерелья,
Большую кучу барахла...
Она, прикинь, от ожиренья
Надеть купальник не смогла.

А ты-то, Боря, где скитался?
Скелет с патлатой бородой!
Где ты так сильно измотался?
Весь сине-бледный и худой!

Похоже, ты изведал горя...
Пора ушить тебе штаны...
– Я в отпуск тоже был у моря –
Там, где и ты... Но без жены.

ПАЛОМНИК

Жена намочила слезами платок,
Сидит, третий час причитает.
Кричит мне из кухни: «Бродяга, ходок!».
А тёща туристом считает.

Семейная жизнь, я скажу вам, не мёд,
Лес, дебри, а вовсе не роща.
– Каков Пржевальский! – жена выдаёт.
– Дерсу Узала! – лепит тёща.

Молчу на всё это, ведь я не болтун,
Смотрю на проблемы я проще.
Жена за своё: «Пилигрим ты, шатун!»
«И – странник!» – несётся от тёщи.

«Вы что ополчились? Какого рожна?
Какая вина за мной бродит?» –
«Паломник несчастный!» – кричит мне жена,
«Налётчик!» – от тёщи исходит.

По швам жизнь семейная снова трещит,
Супруга её мониторит.
– Блин, Конюхов местный! – жена верещит.
– И Тур Хейердал! – тёща вторит.

– Ну ладно, чего вы? – вступается дочь,
Вставляя в стакан кипятивник. –
Подумаешь, папа за прошлую ночь
Шесть раз посетил... холодильник!

НА СТРАЖЕ

Моя семья – с приличным стажем.
Но иногда меня трясёт,
Когда жена за макияжем
По телефону чушь несёт.

То лезет в кресло с сапогами,
То рядом спит, не сняв меха.
В кастрюлях – ноль, а под ногами
Огрызки, пробки, шелуха.

А то возьмёт Донцовой книгу,
Подержит, бросит под кровать.
На просьбу встать покажет фигу
И бутерброд начнёт жевать.

Из холодильника пельмени
Пропали – скромный мой запас.
Жена сырыми их – из лени –
Сжевала меньше чем за час.

Про Педро смотрит, про Хуана –
Ей сериалы все важны.
Вся площадь нашего дивана
Под оккупацией жены.

Текилу пьёт, со мной ругаясь,
Не день, не два, а целых пять...
И я, всем телом содрогаясь,
За телефон берусь опять.

И помощь вовремя поспела!
В семье порядок настаёт.
Жена заботлива, несмела...
Ну, тёща! Ну, она даёт!

КОНЕЧНО, ДА

Чтобы меж вами отчужденье
Не возникало никогда,
Всегда на женское сужденье
Ты отвечай: – Конечно, да!

Не огорчай свою подружку.
И если клянчит иногда:
– А можно мне шестую плюшку?
Ты отвечай: – Конечно, да!

Когда на кухне скажет: – Зая,
Тебе понравилась еда?
С усилием мясо разгрызая, –
Ты отвечай: – Конечно, да!

Или, явившись в новой шубке,
Начнёт своё: – Да, я балда!
Но ты же рад моей покупке? –
Ты отвечай: – Конечно, да!

Когда в разгар полуфинала
Услышишь: – Ох, беда, беда!
Пропылесось, я так устала...
Ты отвечай: – Конечно, да!

– Дашь досмотреть мне мелодраму?..
Сыграешь с сыном в города?..
Свезёшь на дачу мою маму?..
Ты отвечай: – Конечно, да!

Зато когда ты спросишь: – Рыбка,
Как голова, болит? – В ответ
Тебе достанется улыбка
И нежный вздох: – Конечно, нет!

ЗАЦЕЛОВАННАЯ

(Пародия на песню В. Маркина «Я готов целовать песок»)

Я жену свою, как достоянье,
Охранять от разных бед хочу.
И всегда включая обаянье,
С поцелуями к тебе лечу.

*Снова слышу: «Иван! Иван!..»
Ну, зачем же орать в три горла?
Я готов целовать диван,
Пыль с которого ты всю стёрла.
Говоришь мне, что я – битюг,
Что со мною ты трудно ладишь.
Я готов целовать утюг,
Тот, которым мне брюки гладишь.*

А когда под пение Кобзона
В холодильник пятый раз на дню
Загляну отрезать сальтисона,
То слезу, родная, пророню.

*Впал недавно я просто в шок,
Одарю тебя завтра брошкой.
Я готов целовать мешок,
Что припёрла домой с картошкой.
Не покинувши свой топчан,
Я смотрю, как по кухне шаришь.
Я готов целовать кочан,
Из которого щи мне сварить.
Не хочу я ездить на работу,
Ведь жена работает моя.
И опять, налив себе компоту,
Лобызаю сухофрукты я.*

*Разъярённая ты в висок
Головою меня боднула.
Я готов целовать носок,
Тот, которым мне рот заткнула.
Скотчем трижды наискосок
Ты к дивану меня прижала.
Я готов целовать песок,
По которому ты сбежала.*

Я готов целовать песок...
Почему же ты вдруг сбежала?!

Агеев Александр Александрович – поэт, критик. Родился в 1952 году в городе Рославле Смоленской области, филолог по образованию. Автор сборников стихов «Дебют» (Рославль, 1996). «Мсждувечьс» (Смоленск, 2005), печатался в альманахах и коллективных сборниках, в том числе «День поэзии» (2000). опубликовал в областной прессе более 30 рецензий и статей на литературные темы, член Союза российских писателей. Живёт в городе Рославле Смоленской области.

Алербон Евгения Николаевна – поэт. Родилась в 1984 году в г. Сарань, Карагандинской области, Казахстан. В 1998 году окончила среднюю школу (9 класс) и поступила в Саранский гуманитарно-технический колледж им. Абая, который окончила в 2002 году, после окончания обучалась в Карагандинском Государственном университете им. Е.А. Букетова по специальности «Преподаватель иностранных языков». До 2013 года жила и работала в Карагандинской области. В октябре 2013 года переезжает на ПМЖ в Смоленск. Где и проживает по сегодняшний день. Дважды была номинирована на соискание премии «Поэт года» – в 2015 и 2016 году – на портале Стихи.ру. Дипломант второй степени Международного поэтического конкурса «Поэзия молодых», г. Смоленск.

Бакланова Татьяна Николаевна – поэт. Родилась в 1953 году в пос. Кивийо в Карелии. Окончила Смоленский педагогический институт. Стихи печатались в литературно-художественных журналах и альманахах: «Годы» (Смоленск), «Под часами» (Смоленск), «Русская провинция» (Тверь), в коллективных сборниках: «Доброе слово» (М., «Лири», 1997), «Душа птица вольная» (М., 1998г.), «Смоленская лира 20 века» (Смоленск, «Смядынь», 2002), «Годовые кольца» (Смоленск, «Смядынь», 2004), «Стихи и судьбы» (Смоленск, ГУК «Смоленский областной центр народного творчества», 2005) и др. Автор книг: «Первоцвет» (стихи, Смоленск, «Смядынь», 1992), «Цвет судьбы» (стихи, Смоленск, ТОО Издательский центр «Русское поле», «Вдохновение», 1994), «Осенние слезинки» (стихи, Смоленск, «Смядынь», 2003), «Искушение жить» – книга о работе рославльского отделения ВОИ (2003, ООО Смоленское издательство «Смядынь», изд. «Киновия», Рославль), «Антошкины дорожки» (стихи для детей, Смоленск, «Смядынь», 2004), «Предимье» (стихи, Смоленск, «Смядынь», 2005), Народные песни Смоленской области (Смоленск, «Смядынь», 2005), «Симфония дождя» (сборник стихов и авторских песен (Смоленск, «Свиток», 2007), «Тик-так» (Смоленск, «Свиток», 2009), биографическая повесть «Сильнее судьбы» (Смоленск, «Свиток»,

2008), «Погода и времена года» (стихи для детей, Смоленск, «Свиток», 2010), «Мотивы сентября» (стихи, Смоленск, «Свиток», 2010), «В канве Вселенной» (Смоленск, библиотечка альманаха «Под часами», «Свиток», 2013). Лауреат различных фестивалей творчества инвалидов. Член Союза российских писателей. Живёт в г. Рославле Смоленской области.

Бейлькин Владимир Яковлевич (1942–1973) – см. предисловие к подборкам стихов.

Борохов Эдуард Александрович – афорист, поэт, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой СмолГУ. Родился в 1948 г. в Смоленске. Автор книг: «Мыслью по древу» (стихи, афоризмы, М., 1996), «Без лишних сантиментов» (стихи, Смоленск, 1998), «Охота на белых ворон» (песни, Смоленск, 2005), «Афоризмы на все случаи жизни» (афоризмы, Смоленск, 2008), «аБвГдЭйкА» (стихи, Смоленск, 2008), «Борохолка» (стихи, Смоленск, 2008). Автор-составитель самой большой российской энциклопедии афоризмов («Энциклопедия афоризмов», М.: АСТ, 1998 – 2003 в 4-х т.т.) и пяти сборников афоризмов. Афоризмы и четверостишия автора опубликованы в 32 афористических сборниках, изданных в России, Украине, Литве, газетах и журналах «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Смена», «РИАС», «Смоленск», «Деловая Смоленщина», включены в антологию современной отечественной афористики (М.: АСТ, 2002), звучат в радиопередачах и спектаклях, цитируются на десятках сайтов Интернета. Член Союза российских писателей. Живет в Смоленске.

Витаков Алексей Иольевич – поэт, прозаик, музыкант. Родился в 1966 году в Коми АССР, жил в Рыбинске, Смоленске. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького. Художественный руководитель литературно-художественного клуба «Послезавтра». Главный редактор журнала «Осиянное слово». Председатель жюри и автор идеи Межвузовского литературного форума им. Н.С. Гумилева «Осиянное слово». Автор и ведущий телепрограммы «Арт-кафе «Господин Ветер» (СГУ ТВ). Автор семи поэтических книг: «Веретено луны», «Земная ось», «Другая сторона света», «Голоса» и др., романов: «Домой не возвращайся!», «Вали все на Меркурия!», «Проклятие красной стены» и 10 аудиоальбомов. Печатался в журналах: «Москва», «Дружба народов», «Наш современник», «Смена» и др. Творчество А.И. Витакова было отмечено различными общественными и профессиональными союзами (шорт-лист премии «Антибукер-2000», премия им. К. Нефедьева в рамках Всемирного литературного форума за подборку «Огонь маяка» (2002), премия журна-

ла "Москва" (2005) за подборку "В круге пятого колеса", шорт-лист премии П. Бажова (2009), лауреат фестиваля славянской поэзии «Поющие письмена» и др. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Воропаев Олег Владимирович – поэт, прозаик. Родился в 1963 году в г. Заполярном Мурманской обл. Окончил сельскохозяйственный факультет Петрозаводского госуниверситета. Работал зоотехником в хозяйствах Мурманской области и Карелии, преподавал биологию в школе. С 1994 года офицер МВД. Ветеран боевых действий в Чеченской Республике. Подполковник милиции в отставке. Публиковался в центральных и региональных периодических изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Живёт на Ставрополье.

Вячеслав Ар-Серги (Сергеев Вячеслав Витальевич) – народный писатель Удмуртской Республики, поэт, прозаик и переводчик, драматург и киносценарист. Родился 5 апреля 1962 года в д. Новой Казмаске Завьяловского района Удмуртии. По основному образованию – филолог. Его первые литературные публикации относятся к концу 1970-х годов, а первая отдельная книга (коротких рассказов) вышла в свет в 1986-м году. В 1989-м году был принят в Союз писателей СССР. Ныне Вячеслав Ар-Серги автор более 40 книг поэзии и прозы, опубликованных в России и за её рубежами. После завершения своей газетно-журнальной работы в СМИ, с середины 1990-ых годов полностью перешёл на профессиональную писательскую работу. Произведения переведены и опубликованы на более чем трёх десятках языков, в том числе и отдельными изданиями за рубежом: в Венгрии, Эстонии, Финляндии, Черногории, Польше и др. Заслуженный работник культуры Удмуртии. Лауреат республиканской литературной премии имени Флора Васильева. Лауреат Всероссийской премии имени Антона Дельвига («Серебряный Дельвиг») и др. Языки литературного творчества – удмуртский и русский. Живёт и работает в Ижевске.

Дорогань Олег Иванович – поэт, критик, эссеист. Родился в 1956 году в городе Черкассы, окончил Львовское военно-политическое училище и Военно-политическую академию в Москве. Автор поэтических сборников «Не гасите Вечные огни!», «Аисты прилетели» (1999), поэтической книги-эпоса «Хмелиада, или Исповедь скomorоха на заданную тему» (2006), исторической монографии «Непобедимые русские смыслы» (2008). Изданы: книга эссеистики «Между истиной и откровением» (2010) и книга избранных стихотворений «Русь непреходящая» (2011) и др. Автор бо-

лее пятидесяти литературно-критических статей. С 2002 года его публикации появляются в журналах: «Москва», «Роман-газета. XXI век», «Воин России», «Молодая гвардия», «Московский Парнас», в литературно-публицистических газетах «Завтра», «День литературы», «Российский писатель», «Литературная Россия», а также в смоленском журнале «Годы», «Смоленской газете». Поэтические публикации нашли свое место в центральном альманахе «Академия поэзии – 2009», в смоленских литературно-художественных альманахах «Смоленская Лира. XX век», «Годовые кольца», «Сторона родная», «Под часами». В «Независимой газете» вышла положительная рецензия В. Широкова о поэтическом эпосе поэта: «Боян живет на Смоленщине», о его творчестве в разное время писали В. Черкашин, Н. Кузьмин («Российская провинция»), Н. Сухарев («Годы»), Н. Дорошенко («День литературы»), В. Королев («Смоленская газета»), М. Козлов («Годы», «Смоленская газета»), А. Березнев («Смоленские новости»), А. Стерхов («Рабочий путь») и другие авторы. Победитель на Смоленском музыкально-поэтическом конкурсе в 1997 г. Лауреат премии «Имперская культура» им. Э. Володина (2009), литературной премии им. А.Т. Твардовского (2015). Член Союза писателей России с 1999 года, член Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов. Живёт в Смоленске.

Дударев Валерий Федорович – поэт. Родился в 1985 г. в Москве. Работал сторожем, дворником, каменщиком, бетонщиком, столяром, архивистом, редактором, служил в армии, преподавал в школе и университете, валил лес в Якутии, скитался по стране от Москвы до Магадана. Прошел пешком Колымскую трассу... Окончил филологический факультет МПГУ (бывший им. Ленина). Важные поэтические публикации: журналы «Волга», «День и ночь», «Дон», «Литературная учеба», «Нева», «Наш современник», «Север», «Юность», East-West Review (Великобритания), «Знаци» (Болгария), «Литературная газета», «Независимая газета», «Литературная Россия», альманахи: «День поэзии», «Истоки», Poesia (Польша), «Книжевность» (Сербия). Стихи переводились на английский, болгарский, польский, сербский языки. О поэзии Дударева писали Лев Аннинский, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Алла Марченко, Новелла Матвеева, Игорь Михайлов, Инна Ростовцева и др. Автор книг стихотворений: «На склоне двадцатого века» (1994), «Где растут забытые цветы» (1997), «Ветла» (2001), «Глаголица» (2004), «Интонации» (2010). «Ветла и другие стихотворения» (2016). Лауреат литературных премий им. Сергея Есенина, Бориса Корнилова,

Александра Невского, Федора Тютчева, Николая Рыленкова и др. Главный редактор журнала «Юность». Живёт в Москве.

Жбанков Сергей Петрович – писатель-сатирик, эстрадный драматург, детский писатель. Родился в 1955 году в дер. Тарасово Демянского района Новгородской области. Окончил Смоленский медицинский институт. Публиковался в большом количестве центральных газет и журналов, коллективных сборниках, альманахах, изданиях Болгарии, Израиля, Канады. Автор 3 книг сатиры и юмора. Лауреат и дипломант нескольких конкурсов и фестивалей сатиры и юмора. Главный редактор журнала Содружества юмористов России и СНГ "ВЕСЕЛУХА", главный редактор детского журнала "ФАНТАЗЁРЫ". Автор более 30 сценариев телевизионного сатирического журнала "ФИТИЛЬ", автор театра Е. Петросяна и ряда современных эстрадных исполнителей. Лауреат премии "Золотой телёнок" клуба "Двенадцать стульев" "Литературной газеты". Член Союза российских писателей. Живёт в Смоленске.

Иванов Вячеслав Александрович – поэт, публицист. Автор поэтических сборников «Нас на Земле двое» (2012) и «Крылья» (2014). Родился в 1982 году в городе Смоленске. Окончил Смоленскую гимназию им. Пржевальского, а затем Смоленский филиал Московского энергетического института. По образованию инженер. Лауреат поэтического фестиваля «Рубикон» (Смоленск, 2011), дипломант финальной части межвузовского литературного форума «Осиянное слово» им. Н. Гумилева (Москва, 2013). Публиковался в альманахе «Под часами» Смоленского отделения Союза российских писателей (2011, 2012, 2015), Санкт-Петербургском литературном журнале «Окно», всероссийском литературном журнале «Юность» (2012, 2016), в газете «Литературная Россия» (2013, №10), финалист и лауреат многих литературных интернет-конкурсов. Член Союза российских писателей. В настоящее время состоит в редсовете молодежной литературной студии «Смоленская юность» в городе Смоленске, принимает активное участие в литературной жизни города, отмечен губернаторской стипендией «Молодые таланты» (2013). Финалист литературной премии «Северная земля» (2014, 2015).

Исаева Елена Валентиновна – поэт, драматург, сценарист. Родилась в Москве. Окончила журфак МГУ. Публикуется в журналах "Новый мир", "Дружба народов". "Юность", альманахе "Кольцо А". Автор многих сборников стихов и двух сборников пьес. Стихи и пьесы переведены на английский, немецкий, французский, испанский, финский, китайский, болгарский, сербский и дру-

гие языки. Пьесы идут в России и за рубежом. Лауреат премии "Триумф" (Малая), "Венец" (Союза писателей Москвы), "Действующие лица", премии имени Анны Ахматовой журнала "Юность" и многих других. Член Союза писателей Москвы. Участница театральных фестивалей "Любимовка", "Документальная драма", "Новая драма" и многих других. Руководитель поэтического семинара в Липках и семинара кинодрамы СПМ. Одна из организаторов межвузовского литературного форума имени Н. Гумилева "Осиянное слово".

Каган Зеан Самуилович. Поэт, драматург. Родился в 1953 году в г. Бузулуке Оренбургской обл. Окончил Смоленский медицинский институт, практикующий врач. Автор книги «Прошение о помиловании. Пьесы, стихотворения» (М.; 2008). Публиковался в журналах «Театр», «День и Ночь», еженедельниках «Московские новости», «Культура», «Новое русское слово – Weekend» (г. Нью-Йорк), литературных периодических изданиях Смоленска, Оренбурга, Курска, в интернет-изданиях. Лауреат 1-го сетевого конкурса моноактёрских пьес «Человек». В 1990-е и 2000-е гг. – автор и ведущий региональных теле- и радио-программ. Поставил радиоспектакль «Дверь» по собственной пьесе и сыграл в нём главную роль (ГРК «Голос России», 2010). Член Союза российских писателей. Живёт в Смоленске.

Каминская Ольга Александровна – поэт. Родилась в Смоленске. В 2010 году окончила Смоленский филиал ФГБОУ ВПО «МЭИ (ТУ)» по специальности «Прикладная информатика в экономике». Работала инженером. В настоящее время – государственный служащий. Публиковалась в альманахе «Под часами» (2011). В 2013 г. участник литературного форума им. Н.С. Гумилёва «Осиянное слово» (Переделкино, 2013), интеллектуально-поэтического шоу молодых поэтов «Битва поэтов» (2014, 2015. г. Смоленск). Живёт в Смоленске.

Карат (Картузова) Вероника – см. предисловие к подборке стихов.

Кокшаров Александр Геннадьевич – поэт, актёр. Родился в 1964 г. в г. Смоленске. Окончил ГИТИС, курс. И. А. Южакова. Публиковался в альманахах "Под часами", "Блонье", "Виноватость фраз", в московских сборниках поэтов хайку. Автор книги стихов «Виноватость фраз» (Смоленск, «Шеремет», 2001).. Живёт в Смоленске.

Кудрявцев Виктор Васильевич – поэт, журналист. Родился в 1958 году в д. Капустино Руднянского района Смоленской области. Автор поэтической книги "Тварь беззащитная" (Рудня-Смоленск, 2001; Смоленск, 2004; Смоленск,

2007). Составитель антологий: "Невод" (русская поэтическая миниатюра. В 2-х томах. Смоленск, 1999), "Круговая чаша" (поэзия Серебряного века. В 5-ти томах. Смоленск, 2005), "Кипарисовый ларец" (поэзия Серебряного века. Смоленск, 2006), "Белая лира" (поэзия Белого движения. Смоленск, 2006), "Дальние берега" (поэзия Русского Зарубежья. Смоленск, 2006) и др. Составитель 30 книг в поэтической библиофильской серии "Серебряный пепел". Публиковался в журналах "Новый мир", "Арион", "Юность", "Русская провинция", антологии "Лучшие стихи 2013 года"... Лауреат премии им. М.В. Исаковского, премии им. А.Т. Твардовского. Член Союза российских писателей. Член Союза журналистов России. Живет в городе Рудне Смоленской области.

Кузьмин Леонид Алексеевич – поэт, переводчик, доцент кафедры английского языка Смоленского государственного университета, кандидат филологических наук. Родился в 1947 году в Москве. Автор поэтических книг: «Я к жизни прикоснулся нежно» (Смоленск, 1997), «Ускользящее время» (Смоленск, 1999), «Транзит судьбы» (Смоленск, 2002), «Дорога» (Смоленск, 2004), «Мой мёд последний» (Смоленск, 2005), «Такая осень» (Смоленск, 2006), «Избранное» (Смоленск, 2007). Перевёл с англ.: М. Фейнсон. «Смоленск под властью Советов» (Смоленск, 1995). Участник коллективных сборников. Стихи Л. Кузьмина переведены на болгарский язык. Член Союза российских писателей. Живёт в Смоленске.

Лукин Борис Иванович – поэт, критик, переводчик. Родился в 1964 г. в Нижнем Новгороде (г. Горький). Отучившись в МВТУ им. Баумана и Литературном институте им. А.М. Горького, в бурные девяностые растил детей, работал сторожем, преподавателем русского и литературы, продавцом, фирмачом, журналистом в московских многоэтажках. В новом веке редакторствовал в газете «Российский писатель» и в отделе литературы «Литературной газеты». Его произведения постоянно публикуются в российских и зарубежных периодических изданиях. Стихи из книг «Понятие о прямом пути» (1995), «Междуречье» (2007), «Долгое времени» (2008) переведены на многие языки мира. Автор-составитель пятитомной антологии современной литературы России «Наше время» (М., Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2009–2013) более знаком читателям своими эпическими произведениями, характерными для книги гражданской лирики «Поединок» (М., «Советский писатель», 2010). В 2012 году в Издательстве журнала «Юность» увидела свет книга любовной лирики «LeLь», получившая положительные отзывы критиков.

Редактор-составитель десятитомника антологии русской поэзии о Великой отечественной войне «Война и Мир». Член Союза писателей России. Лауреат Большой литературной премии России и др. Живёт в селе Архангельском Русского района Московской области.

Макаренков Александр Олегович – прозаик, поэт, бард, художник, журналист. Родился в 1962 г. в г. Сафонове Смоленской области. Окончил художественно-графический факультет Смоленского педагогического института. Автор книг: «Монологи межсезонья» (сборник стихотворений, рассказов, рисунков, живописи, 1993), «Лабиринт "М"» (стихотворения, рисунки и песни, 1996), «Когда умирает снег» (рассказы, повесть, 1997), «Двенадцать писем к Еве» (стихотворения, рисунки, 2000), «Утренний свет» (рассказы, 2002), «Путешествие» (стихотворения, рисунки, 2003), «Праздничная женщина» (стихотворения, рисунки, 2007 г.), «Дюжина» (рассказы, 2009), «Накануне Рождества» (стихотворения, рисунки, 2011), «Путешествие с пером и кистью» (альбом живописи, графики, иллюстраций, 2012), «Срезы времени» (интервью, новеллы, эссе, 2014). Книга «Срезы времени» удостоена Диплома на Германском международном литературном конкурсе «Лучшая книга года» («Buch des Jahres», 2015).

Макаренков Владимир Викторович – поэт, публицист. Родился в 1960 г. в Смоленске. Окончил факультет вычислительной техники Московского энергетического института. Полковник внутренней службы в отставке. Автор семи поэтических книг, книги статей, очерков и интервью «Тюремные записки» (Смоленск, 2007), аудиоальбома «Я родом из шестидесятых» (Смоленск, 2015). Публиковался в журналах: «Москва», «Студенческий меридиан», «Советский воин», «Юность», «Меченат и мир», «День и Ночь», «Русская провинция», «Осиянное слово», «Нива» (Казахстан), «Преступление и наказание», «Пограничник», «Наркомат», «Природа и свет» (М.), «На любителя» (Атланта, США), «Книголюб» (Казахстан), «Северное сияние плюс» (Санкт-Петербург), региональных литературно-художественных альманахах и журналах: «Город» (Тольятти), «Начало века» (Томск), «Тула» (Тула), «Складчина» (Омск), «Бийский вестник» (Барнаул), «Вертикаль. XXI век» (Нижний Новгород), «Рать» (Москва) и др., еженедельнике «Литературная Россия», альманахах «Исчюль» (М.), «Паровозъ», в антологиях, в том числе Союза российских писателей «Лёд» и «Пламень» (М.), «Наше время» (М. – Нижний Н.), «45 параллель» (Ставрополь), «Город» (Тольятти), «Собаки и люди» (Смоленск). Участник коллективных сборников, в т.ч. «Омская зима» (Челябинск, 2014). Автор проекта

и участник книги «Перо Гамаюна» (Смоленск, 2013). Автор стихов к песням музыкальной фантазии по мотивам сказок С. Козлова «Приключения Ёжика и Медвежонка, или Обыкновенный необыкновенный день» (ТЮЗ г. Омск, реж. Н. Бизина, комп. С. Фомина (Москва, 2016). Лауреат литературных премий: им. А.Т. Твардовского, им. М.В. Исаковского, им. Н.И. Рыленкова (Тюнинская), награждён памятными медалями «100 лет со дня рождения А.Т. Твардовского» (2010), Василий Шукшин (2015), ведомственными наградами ФСИН России, лауреат и дипломант различных литературных конкурсов и песенных фестивалей. С 2004 г. – председатель Смоленского отделения Союза российских писателей, составитель альманаха «Под часами», член Союза журналистов России. Делегат III, IV, V съездов СРП, делегат I Российского Литературного собрания с участием Президента России В.В. Путина (21 ноября 2013 года). Живёт в Смоленске.

Марченко Алла Максимовна – российский критик и литературовед. Родилась в 1932 г. в Ленинграде. Окончила филологический факультет МГУ (1956), в том же году дебютировала как критик. Работала в журналах «Советский воин» (1956–1958) и «Вопросы литературы» (1960–1966), в 1991–1993 гг. была одним из руководителей недолго просуществовавшего журнала «Согласие». Вела постоянные рубрики в журнале «Новый мир», «Литературной газете», регулярно публиковалась в других ведущих советских и российских литературных изданиях. Член Союза писателей СССР с 1973 года. Основные труды Марченко связаны с творчеством и биографией Михаила Лермонтова (книга «С подорожной по казённой надобности», 1984), Сергея Есенина (монография «Поэтический мир Есенина», 1972 и 1989, книги «Сергей Есенин: русская душа», 2005 и «Есенин. Путь и беспутье», 2012) и Анны Ахматовой (книга «Ахматова. Жизнь», 2009).

Мельник Александр Ильич – журналист, заслуженный работник культуры РФ (1999). Родился в 1948 г. в г. Волковыск Гродненской области, БССР. После окончания Блонновской восьмилетней школы Смоленского района учился в Смоленском медучилище (1963–1967 гг.), затем работал в участковой больнице во Владимирском тупике. С августа 1968 г. сотрудник газеты «Вперед» Холм-Жирковского района, в 1970–72 гг. – второй секретарь Холм-Жирковского райкома ВЛКСМ. С 1972 по 1980 г. – ответственный секретарь, заместитель редактора, редактор газеты «Вперед». За эти годы заочно получил специальное образование: окончил Ленинградский поли-

графический техникум (1971 г.) и редакционно-издательский факультет полиграфического института в Москве (1977 г.). В январе 1980 г. назначен редактором газеты «Красное знамя» (г.Гагарин) и в этом же году переведен на работу в сектор печати Смоленского ОК КПСС. С 1983 г. – зав. отделом «Рабочего пути». В 1986 г. назначен заведующим Смоленским отделением издательства «Московский рабочий». В 1990 г. возглавил газету «Товарищ», затем редактировал в службе занятости газету «Труд и право». С января 1996 г. – зам. генерального директора издательского Дома «Смоленск», а с декабря 1998 г. – зам. главного редактора «Рабочего пути». Лауреат областной премии им. М.В. Исаковского (2000) за цикл публикаций «Отчизны пламенный певец». Член Союза журналистов России. Живёт в Смоленске.

Осипов Валентин Осипович – прозаик, публицист, мемуарист, общественный деятель. Родился в 1932 г. в Москве в семье советского дипломата и разведчика О. Я. Осипова и врача Л. Л. Гаркиной. Окончил исторический факультет Казахского государственного университета. С 1962 по 1974 – главный редактор издательства «Молодая гвардия». С 1974 по 1977 первый заместитель главного редактора журнала «Знамя», с 1977 по 1986 – директор издательства «Художественная литература», с 1986 по 1989 – председатель Всесоюзного Центра пропаганды художественной литературы при Союзе писателей СССР (1986–1989), с 1989 по 2005 – директор издательства «Раритет». Автор сценария документального фильма «Политрук Клочков» (ЦСДФ, 1985). В области документальной прозы проявил себя обнаружением ранее неизвестных страниц биографий С. Нечаева, А. Пушкина, Л. Толстого, М. Шолохова, Н. Г. Чернышевского, В. Клочкова. Публицистика посвящена судьбам российской культуры, истории, литературы, книгоиздания. С конца 1990-х годов проявился как мемуарист: воспоминания о С. Конёнкове, М. Шагиняне, Л. Леонове, С. Рихе, М. Шолохове, Д. Лихачёве, И. Ефремове, правнучке Пушкина – Г. Г. Пушкине, Л. Гудиашвили, Я. Смелякове, В. Астафьеве, митрополите Питириме, Патриархе Алексее II, Ю.Гагарине и др. Как биограф М. Шолохова, написал 8 книг, более 200 статей, подготовил более 20 докладов на научно-практических конференциях, был ведущим научным сотрудником РГГУ им. Шолохова. Автор 20 книг, в их числе удостоенные звания «Лучшая книга года»: «Шолохов» (серия ЖЗЛ), «Рак – диагноз дьявольский, Из записок исцеленного» и «Корифеи моего времени. Свидетельства очевидца». В настоящее время заканчивает 25-летнюю работу над книгой «Как Россия узнавала Индию.

Хроника необычных событий». Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Парпара Анатолий Анатольевич – поэт, общественный деятель и публицист, профессор Московского государственного университета культуры и искусств, председатель Фонда им. М.Ю. Лермонтова, создатель и редактор «Исторической газеты» (с 1996), заслуженный работник культуры России (1982). Родился в 1940 г. в Москве. Детство прошло в оккупированной Смоленской области. В 1968 г. окончил факультет журналистики МГУ. Автор исторической дилогии о Московской Руси «Противоборство» и «Потрясение» (1972–1987, удостоена в 1989 г. Государственной премии РСФСР им. А.М. Горького), «Державные строители России». За драматическую поэму о первом космонавте награждён Федерацией космонавтики СССР медалью Ю.А. Гагарина (1986). Первый лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова (2000), лауреат Международных премий Индии (1982), Македонии (1995). Награждён орденом Дружбы народов (1986), золотой медалью Даниила Московского РПЦ (2001) за выпуск серии книг на спортивную тему (совместно с Международной Конфедерацией спортивных союзов). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Пастухов Геннадий Васильевич – поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1940 г. в г. Дружковка Донецкой области. Публиковался в армейской печати, смоленских газетах, коллективных сборниках и журналах. Автор сборников: «Судьбы песочные часы» (стихи, Смоленск, 1997), в 1999 г. вышел сборник рассказов «Записки голя» (рассказы, Смоленск, 1999). В 2001–2002 гг. издал две детские книжки – «Рукодельница» и «Белый гриб». «Поэзы и прозы» (Смоленск, 2008), «Войной не обнаружен» (проза, Смоленск, 2009). В 2014 году в Могилёвском литературном альманахе "Брама" была напечатана подборка его рассказов в переводе на белорусский язык. В 2015 году была издана книга белорусского поэта С.С. Украинки "Белый аист, черное перо" в его переводе на русский язык. Генеральный директор книжного издательства «Радопа». Член Союза российских писателей. Живет в Смоленске.

Пашков Юрий Васильевич – поэт, прозаик, краевед. Родился в 1930 г. в Костроме. В 1953 окончил филологический факультет МГУ. В городе Смоленске живет и работает с 1953 г. С 1970 по 1980 гг. Юрий Васильевич возглавлял Смоленскую писательскую организацию, является автором поэтических книг: «Земная радость» (1959), «Семицветный мост» (1962), «Сирень цветёт», «Соколя гора» (1969), «Хлебозор» (1971), «Коло-

сяница» (1975), «Малиновый куст» (1981), «Материнский взгляд», «Люди добрые» (1992), «Избранное» (2001), «Световой испуг» (2006), «Тамарина сосна» (2010), «Берёзовый календарь» (2015) и прозаических книг: «Зарницы памяти» (2015), «Осада» (2013). Длительное время Пашков Ю.В. состоял в редакционном совете издательства «Современник», был главным редактором газеты «Вдохновение», с 1980 г. – бессменный руководитель созданного им литературного объединения «Родник». Автор справочника о некоторых писателях Смоленщины «Книги. Даты. Жизнь» (2005). Стихи переведены на белорусский, украинский, туркменский и польский языки. На стихи написано около 20 песен. Лауреат литературных премий им. А. Т. Твардовского (1998), им. Н.А. Заболоцкого (2005). Член Союза писателей России. Почетный гражданин города Смоленска. Член Союза писателей России. Живёт в Смоленске.

Перзашкевич Вероника – поэтесса. Занималась в литературном объединении «Современник» г. Рудни Смоленской области (руководитель В. В. Кудрявцев). Победитель областного литературного конкурса «Библиопарнас» (2015, 2016). Учится в Смоленском государственном университете. В 2015 г. дебютировала на страницах альманаха «Под часами».

Переяслов Николай Владимирович – поэт, критик, эссеист, переводчик стихов национальных и зарубежных поэтов. Родился в 1954 г. Работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского отделения Литературного фонда России, помощником Мэра Москвы (Ю.М. Лужкова). Делегат 1-го Российского Литературного собрания с участием Президента России В.В. Путина (21 ноября 2013 года). Участник 1-й Международной поэтической конференции в Каире и 1-го Международного фестиваля поэзии стран Азии во Вьетнаме. Руководитель целого ряда творческих семинаров, совещаний и мастер-классов для молодых авторов. Давал рекомендации к вступлению в Союз писателей России известному путешественнику Фёдору Конюхову, будущему министру культуры РФ Владимиру Мединскому, активному ныне писателю Захару Прилепину, православному самарскому протоиерею писателю о. Николаю Агафонову, бывшему губернатору ЯНАО Юрию Неёлову и целому ряду других литераторов. Автор более 30 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов с национальных языков, а также огромного количества публикаций в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Татарстана, Казахстана, Туркменистана, Армении, Грузии, Эстонии, Болга-

рии, Германии, США, Китая и других стран. Составитель уникальной поэтической антологии, посвящённой войне 1812 года – «Недаром помнит вся Россия» (Смоленск: Издательство «Маджента», 2012). Один из авторов альманахов «День поэзии», «День православной поэзии» и двухтомной антологии «Молитвы русских поэтов XX–XXI веков». Лауреат литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и других; победитель конкурса переводов тюркской поэзии «Ак Торна» и международного конкурса «Пророк Мухаммад – милость для миров», проводимого Советом муфтиев России. Награждён Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», орденом М.В. Ломоносова, медалью святого благоверного князя Даниила Московского, золотым знаком Абая Кунанбаева и другими наградами. Член Союза журналистов Москвы, Международной Федерации журналистов, Международной Ассоциации писателей и публицистов (МАПП). Секретарь Правления Союза писателей России. Действительный член Петровской Академии наук и искусств, член Славянской литературной и артистической Академии в Варне (Болгария). Живёт в Москве.

Петров Геннадий (Геннадий Петрович Сквиренко) – прозаик, критик, очеркист. Учился в Ленинградской Военно-воздушной академии имени Можайского, в Одесском политехническом институте, в Литературном институте им. Горького. Инженер по специальности автоматика и телемеханика. Работал на производстве, в газетах и журналах, на киностудии. Автор более десятка книг прозы. Живет в Атланте, штат Джорджия, США. Издает Русский литературный журнал в Атланте «На любителя», удостоенный почетного Диплома на Всероссийском литературно-театральном конкурсе «Хрустальная роза Виктора Розова» и памятной медали В. С. Розова «За вклад в отечественную культуру». Член Союза писателей СССР, член Союза журналистов СССР.

Подольский Сергей Викторович – поэт. Родился в 1950 г. в Башкирии. В 1972 г. окончил Уфимский нефтяной институт по специальности «Горный инженер». Проработал в нефтяной промышленности более 30 лет. Стихи начал писать со школы, издаваться с 2009 г. в Ленинградской области. Печатался в газетах «Приневский край»,

«Гатчина-инфо», «Нечаянная радость» Гатчинского благочиния, «Смоленская газета», альманахе «Блонье». Автор книг: «И в шутку и всерьёз» (2009), «Опять весна на белом свете» (2009), «Берега» (2010), «Такая долгая зима» (2011), «Апрельская радуга» (2013), «Обратный отсчёт» (2015). Член литературных объединений «Сиверское братство», «Союз писателей Санкт-Петербурга и Ленобласти», г. Павловск, «Среда», г. Смоленск. Призёр международного конкурса «Руднянские зори» 2014–2015 годов, дипломант областного поэтического конкурса «Библиопарнас» 2014–2015 гг.

Пранов Алексей Николаевич – родился в 1961 г. Окончил Рославльский техникум ж/д транспорта и Российский государственный аграрный заочный университет. Охотовед-биолог. Печатался в газетах Рославльского, Ершицкого, Шумяцкого районов. Издал две книги стихов: «Охотничьи трофеи» (2008), «Пора предзимья» (2014). Член Союза российских писателей. Живет в Рославле.

Рыленкова Ирина Николаевна – дочь писателя Н.И. Рыленкова. Родилась в г. Смоленске. С отличием окончила Смоленский государственный педагогический институт, где и проработала 52 года: лаборантом, преподавателем, доцентом на кафедре химии. Автор около 40 публикаций в местной и республиканской печати. Составитель трех книг Н.И. Рыленкова, две из которых изданы в Смоленске: «Возвращение к истокам» (Маджента, 2006) и «Живая связь времен» (Свиток, 2013).

Усачев Роман Константинович – поэт. Родился в 1994 г. в Смоленске. Окончил гимназию им. Пржевальского в 2011 г., студент СГМУ (педагогический факультет), лауреат Глинковской и Гагаринской премий 1 степени. Автор двух поэтических сборников: «Allegro» (Смоленск, 2011), «На вдохе» (Смоленск, 2014). Артист высшей категории, преподаватель танцев.

Силкин Владимир Александрович – поэт. Родился в 1954 г. в г. Рязске Рязанской области. Окончил редакторское отделение военно-педагогического факультета Военно-политической академии. 32 года прослужил в Вооружённых Силах СССР и России, полковник запаса. Автор сорока пяти книг разных жанров. Лауреат Государственной премии России. Заслуженный работник культуры РФ. Кавалер ордена Почёта. Святейшим Патриархом Московским и всея Руси удостоен

орденов Русской Православной Церкви святого благоверного князя Даниила Московского и преподобного Серафима Саровского. Кандидат педагогических наук. Главный редактор военного литературного альманаха «Рать», ответственный редактор журнала «Московский Вестник», член многих редакционных коллегий газет и журналов. Книги В. Силкина «Журавинка», «Три имени» и «Золотое крыльцо» находились в космосе и кругосветных морских плаваниях на парусных учебных судах «Надежда» и «Крузенштерн». Именем В.А. Силкина названы улица, библиотека №2 г. Рязька Рязанской области, литературный салон в Рязском Краеведческом музее, он Почётный гражданин Рязанской области, Почётный гражданин г. Рязька, Почётный краевед Рязского района. С 2004 г. в Рязском Краеведческом музее проходят поэтические чтения «Читаем стихи Владимира Силкина». Поэтические строки поэта увековечили Аллею Героев родного города. Секретарь Союза писателей России, заместитель Председателя, статс-секретарь, председатель Приёмной комиссии Московской городской организации Союза писателей России, председатель Правления Союза писателей баталистов и маринистов, начальник Военно-художественной студии писателей Культурного центра Вооружённых Сил РФ им. М.В. Фрунзе. Член Координационного совета земляков при губернаторе Рязанской области, член Правления Рязанского землячества. Возглавляет литературное объединение имени Героя Советского Союза писателя Владимира Васильевича Карпова при Военно-художественной студии писателей Культурного центра ВС РФ им. М.В.Фрунзе. Член Союза журналистов с 1982 г., Союза писателей с 1991 г. Живёт в Москве.

Солопов Юрий Александрович – бард, артист театра юмора, тележурналист. Родился в г. Сафонове Смоленской области в 1959 г. Окончил МЭИ. Работал на заводе, в Смоленской областной филармонии (юмористическая группа «Мини-Макси»), Смоленском театре кукол им. Светильникова, смоленском городском телевидении. Автор многих бардовских песен, порядка 100 стихотворений для спектаклей, телепередач. Стихи публиковались в газете смоленского лампового завода "Ленинский свет" и в профсоюзной газете "Солидарность". Со студенчества до 1988 г. – член клуба авторской песни "Диво" и участник МЭТа (Молодёжный эстрадный театр). Автор сценариев

более 50 документальных фильмов, в том числе и "От истока Днепра", третья серия которого была отмечена на каннском фестивале "Золотой дельфин". Визитная карточка – песня про Чака и Чока из передачи "Волшебный маячок" (Главная телевизионная студия Смоленска). Первый автор и ведущий этой передачи (Норд Вестыч). 3 года был сотрудником телевидения ОТР. В настоящее время – спецкорреспондент 5-го телевизионного канала. Лауреат и дипломант различных фестивалей авторской песни. Живёт в Смоленске.

Сорочкин Владимир Евгеньевич – поэт. Родился в 1961 г. в Брянске. Окончил Брянский технологический институт и Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова). Стихи и переводы публиковались во многих журналах и альманахах – «Наш современник», «Русская провинция», «Москва», «Молодая гвардия», «Юность», «Смена», «Дружба народов», «Форум», «Литературная учёба», «Поэзия», «Московский вестник», «Огни Кузбасса», «Волшебная гора» (Москва), «День и Ночь» (Красноярск), «Всемирная литература» (Минск), «Белая вежа» (Минск) и других. Стихи переводились на белорусский, украинский и болгарский языки. Автор стихотворных книг «Луна» (1995), «Тихое "да"» (1997), «Завтра и вчера» (2005). Лауреат Всероссийской премии им. Ф. И. Тютчева «Русский путь» (2001), премии им. А. К. Толстого «Серебряная Лира» (2014), литературной премии «На земле Бояна» (2009), международной литературной премии им. Кирилла Туровского (Белоруссия, 2010), им. Н. А. Мельникова (2010), им. В. И. Нарбута «Пять хлебов» (2013, Украина), им. Н. В. Гоголя «Мирный гений» (2015, Украина), дипломант конкурса им. Сергея Есенина (1997), V и VIII Московских международных поэтических конкурсов «Золотое перо» (2008, 2011). Награждён медалью «За вклад в развитие города Брянска» (2013). Председатель Брянской областной общественной писательской организации, секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного Государства. Делегат XIII и XIV съездов Союза писателей России (2008, 2013) и Первого съезда Союза писателей Союзного Государства (Минск, 2009). Главный редактор альманаха «Литературный Брянск». Живёт в Брянске.

Скотневский Борис Абрамович – поэт. Родился в 1953 г. в г. Куйбышеве (ныне Самара). Окончил Куйбышевский медицинский институт.

Публиковался в еженедельниках «Литературная Россия», «Литературная газета»; в журналах «Наш современник», «Город», «Новый журнал», «Под часами»; в альманахах «Поэзия», «Истоки», «Провинциальная лира», «Майские чтения», коллективных сборниках «Мы из Тольятти», «Душа прикоснулась к душе»; в антологиях «Антология тольяттинской литературы», «Лед» и «Пламень», «Поэзия – она живет, как мы» и др. Автор восьми книг стихов, среди них – «Закон сохранения любви» (1987), «Возле самой зари» (1988), «Мелодия преодоления» (1991), «Запомните, я вас люблю» (1991), «Прощай, потому что люблю» (1994), «Листопад» (1998), «В сторону любви» (2002, в серии «Библиотека журнала «Город») и книги избранных стихотворений «На вокзале речном» (2006). Лауреат всероссийского еженедельника «Литературная Россия», литературной премии им. Н.И. Рыленкова, награжден медалью им. М. Шолохова. Член правления Союза российских писателей, Председатель правления ОТО ГО «Тольяттинская писательская организация». Работает участковым врачом-терапевтом. Живёт в Тольятти.

Суворов Александр Евстислаович (1965–2016) – поэт. Родился в Казани. Окончив литинститут, продолжил обучение в аспирантуре на кафедре зарубежной литературы; тема диссертации – «Ф.М. Достоевский и западный философский роман XX века». Впервые его имя прозвучало для широкой аудитории в 2001 г. на пленуме Союза писателей России, где было отмечено опубликованное в «Роман-журнале» эссе А. Суворова о Великом Инквизиторе а впоследствии творчеству молодого автора была посвящена статья в журнале Союза писателей. В 2004 г. в издательстве «Тарбеинфо» в Таллине вышла книга «Достоевский и Запад», широко отмеченная столичной критикой. В последние годы приобрёл известность в московских писательских кругах главным образом как поэт и литературный критик, автор эссе, критических статей в центральной прессе, а также книжных предисловий. Автор ряда публикаций по современному достоевковедению, участник православных издательских проектов, сотрудничал с издательствами «Российский писатель», «Либерия», журналами «Наш современник», «Москва». По итогам 2007 г. А.Суворов стал лауреатом премии журнала «Москва» за поэзию.

В 2005 г. в Центральном Доме художника в Москве был награждён премией «Золотое перо»

за стихи. Стихи звучали на «Народном радио», на творческих вечерах в московском Центральном Доме литераторов и Всемирном Славянском центре в Черниговском переулке в Москве. Один из пяти авторов поэтического сборника «Самое-самое» («Российский писатель», 2006). Член Союза писателей России. Умер 16 июля 2016 г. в Москве.

Фирсов Владимир Иванович (1937–2011) – советский и российский поэт и переводчик. Родился в 1937 г. в д. Заболотье (ныне Рославльского района Смоленской области) в крестьянской семье. Во время ВОВ жил в Иркутске, вернулся в деревню Заболотье и затем переехал в Люблино (Подмосковье), где окончил среднюю школу. Был постоянным участником литературного объединения при газете «Московский комсомолец». Публиковаться начал со школьных лет (с благоговения А. Т. Твардовского). В 1955 г. стихи Фирсова были опубликованы в «Комсомольской правде», а затем стали регулярно публиковаться в «Новом мире» и «Огоньке». Первую книгу выпустил в 1959 г., будучи студентом Литературного института имени А. М. Горького. С 1960 г. – редактор отдела поэзии в издательстве «Молодая гвардия». В 1961 г. принят в члены Союза писателей СССР. Являлся редактором советско-болгарского литературного альманаха: позже – журнал «Дружба». В этом журнале в 80-е гг. «впервые в России были опубликованы исторические исследования об убийстве царской семьи, а также рассказана подлинная история жизни Г. Распутина». В течение многих лет входил в редколлегию журнала «Молодая гвардия». Крушение советской системы шаг за шагом привело поэта к православному мировосприятию и религиозной тематике. В эти же годы он являлся главным редактором журнала «Россияне», членом Центрального совета общероссийского движения «Россия православная» и, попутно, одним из учредителей совета Смоленского землячества. Обращает на себя внимание также членство Владимира Фирсова в жюри Всероссийского поэтического конкурса под эгидой «Попечительского совета уголовно-исполнительной системы» в местах лишения свободы. Автор более 30 книг стихов и поэм. Переводил стихи на русский язык с болгарского, молдавского, украинского, чувашского и др. языков. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

Шамонин Александр Михайлович – поэт. Родился в 1963 г. в селе Ершичи Смоленской области. Окончил институт культуры в Орле и филологический факультет Смоленского педагогического института. Работает сельским учителем литературы. Печатался в региональных изданиях и периодике. Автор сборников стихотворений: «Круг» (Смоленск, 2005), «Свет безудержный» (Смоленск, библиотечка «Под часами», 2012). Член Союза российских писателей. Живёт в с. Ершичи Смоленской области.

Шацков Андрей Владиславович – родился в 1952 г. в Москве. Автор одиннадцати поэтических книг. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ, лауреат множества литературных премий и общественных наград. Главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 г. в области культуры. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Живет в Москве и в Рузе Московской области.

Альманах

Составитель Владимир Макаренков

ПОД ЧАСАМИ

Книга 1

№ 15

Тексты печатаются в авторской редакции

Выпускающий редактор *И.А. Флиманкова*
Технический редактор *М.В. Алейник*
Корректор *Г.В. Селицкая*
Рисунки на обложке *В.Е. Самарина*

Альманах «Под часами»
размещён на национальном цифровом ресурсе Rucont.ru
в коллекции региональных цифровых ресурсов
«Смоленский цифровой ресурс» <http://rucont.ru/collection/318>

ООО «Свиток»
Лицензия ЛР № 6193 от 01.11.2001
Комитет по печати Российской Федерации
214025, Смоленск, ул. Нормандия-Неман, 31–216
Тел.: 8-910-787-82-59

Подписано к печати 10.10.2016 г.
Формат 70x108 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Franklin».
Печ. л. 48. Тираж 170 экз. Заказ №